

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ПЕРВОЙ и ВТОРОЙ
ВСЕСОЮЗНЫХ
ПУШКИНСКИХ
КОНФЕРЕНЦИЙ

25-27 АПРЕЛЯ 1949 Г.
и
6-8 ИЮНЯ 1950 Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1952

**Под редакцией
Б. И. БУРЦОВА**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В апреле 1949 года в связи с 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина, в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР состоялась Всесоюзная конференция, посвященная итогам и задачам изучения жизни и творчества величайшего гения русской литературы. В конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда и других городов нашей страны, а также научные работники братских республик — Украины, Грузии, Армении, Азербайджана, Литвы, Эстонии и других. В ходе работ конференции были продемонстрированы значительные достижения советского пушкиноведения и вместе с тем подчеркивалось, что перед нашими учеными стоят в этой области многие сложные и неразработанные (или недостаточно разработанные) проблемы. Президиум Академии Наук СССР предложил Институту русской литературы для обсуждения этих проблем и координации работ по пушкиноведению проводить такие конференции ежегодно. 6—8 июня 1950 года состоялась Вторая Всесоюзная Пушкинская конференция.

На первой и второй конференциях были прочитаны доклады, посвященные разнообразным вопросам пушкиноведения: изучению биографии поэта, его идейно-творческой эволюции, его взаимоотношениям с современниками, его отдельным произведениям, роли пушкинского творчества в развитии национальных литератур Советского Союза и стран народной демократии. В предлагаемых вниманию читателя «Трудах Первой и Второй Всесоюзных Пушкинских конференций» собрано большинство докладов, прочитанных на этих конференциях (кроме тех, которые уже напечатаны в различных сборниках и журналах, посвященных 150-летию со дня рождения Пушкина).

Следует отметить, что многие проблемы еще ждут своего исследования и должны быть в центре внимания следующих

конференций. Первостепенное значение имеет изучение языка Пушкина в свете гениальных трудов товарища Сталина о марксизме в языкознании. Эти труды товарища Сталина были опубликованы после того, как Вторая конференция по пушкиноведению закончила свою работу. Постановка вопроса о задачах пушкиноведения в связи с трудами товарища Сталина, которую докладчики внесли в свои доклады при подготовке данного сборника к печати, требует дальнейшей разработки. Совершенно очевидно, что изучение сталинских работ о марксизме в языкознании имеет решающее значение не только для исследования языка Пушкина, но и для подъема на высшую ступень всего пушкиноведения. Борьба за такой подъем и является задачей последующих конференций по пушкиноведению и всех советских литературоведов. Вопросы, встающие перед советским литературоведением в области изучения творчества Пушкина в свете сталинских трудов, явятся предметом широкого обсуждения на предстоящих Всесоюзных конференциях по пушкиноведению.

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Академии
Наук СССР*

Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ

ПУШКИН И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ

1

Мы живем и работаем в великую сталинскую эпоху.

Характерными чертами переживаемого времени, после всемирноисторической победы Советского Союза над немецкими фашистами и японскими империалистами, являются трудовой героизм, мощный подъем народного хозяйства, морально-политическое единство советских людей, расцвет социалистической культуры, искусства и литературы, укрепление нерушимой дружбы народов и усиление советского патриотизма, любви к великой советской Родине, чувство интернациональной солидарности и стремление отстоять дело мира во всем мире.

Страна социализма, вдохновляемая в своем строительстве культуры великими идеями Ленина—Сталина, наследует ценные достижения передовой культуры прошлого и, критически перерабатывая то, что в наследстве «не отошло в прошлое, что принадлежит будущему»,¹ строит свою великую культуру и литературу.

Только наша советская эпоха, осуществившая под руководством партии Ленина—Сталина всемирноисторическое дело строительства социалистического общества, способна сказать, в отличие от предшествующих эпох, новое исторически правдивое слово о Пушкине.

В наши дни советская культура все полнее и все глубже вбирает в себя и осваивает литературное наследие классиков и в первую очередь творчество великого Пушкина.

Большевистская партия всегда указывала на воспитательное и познавательное значение для современности творчества выдающихся писателей прошлого.

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.

В. М. Молотов в докладе о XXII годовщине Октябрьской революции говорил: «... все действительные достижения культуры народов, как бы они далеко не уходили в прошлое, высоко ценятся в социалистическом государстве и встают теперь перед своим народом и перед народами всего Советского Союза возрожденными, в своем действительном идейном блеске. Большевики не из числа людей, не помнящих родства с своим народом. Мы, большевики, вышли из самой гущи народа, ценим и любим славные дела истории своего народа, как и всех других народов. Мы хорошо знаем, что настоящий прогресс, который возможен только на базе социализма, должен опираться на всю историю народов и на все их достижения в прошлых веках, должен раскрыть подлинный смысл истории жизни народов, чтобы полностью обеспечить славное будущее своего народа и, вместе с тем, светлое будущее всех народов».¹

Неисчислимы и неиссякаемы сокровища русской культуры. Русская наука, литература и искусство оказывали и оказывают благотворное влияние не только на все народы нашей страны, но и на народы всего мира.

Передовому человечеству хорошо знакомы великие творения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Горького, Маяковского.

Главная отличительная черта творчества русского народа и его литературы — это освободительные, прогрессивные идеи, идеи борьбы за лучшее будущее человечества. Русскому народу чужда национальная ограниченность. Он бережно относится к культурным сокровищам других народов.

Ц. О. «Правда» отметила взаимное творческое содружество литератур братских народов в условиях советской власти.

«Горячей дружбой спаяны народы Советского Союза, — читаем в передовой «Правды». — Великий русский народ возглавил борьбу всех других народов за свое освобождение.

«В нашей стране происходит замечательный процесс культурного сотрудничества народов. Один народ обогащает своей культурой другой. Пушкин пришел и к узбекам, и к таджикам..., ко всем народностям, приобщенным революцией к культуре великого русского народа. В свою очередь русский народ многое взял из духовной сокровищницы других народов. Только революция по-настоящему открыла Шевченко и Руста-

¹ «Большевик», 1939, № 21, стр. 8—9.

вели, дала выход таким сверкающим талантам, как Джамбул и Стальский. Этот процесс взаимного духовного обогащения народов составляет нашу гордость».¹

24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками героической Советской Армии великий пождь и полководец, вдохновитель и организатор всех наших побед товарищ Сталин поднял тост за здоровье советского народа и прежде всего русского народа, как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Русский народ, сказал товарищ Сталин, «... заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны».²

Товарищ Сталин провозгласил здравицу в честь русского народа «... не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».³

Проникновенная, сердечная здравица товарища Сталина в честь русского народа выразила горячую любовь и уважение всех народов Советского государства к своему старшему брату — русскому народу. Эти любовь и уважение сложились в ходе исторического развития нашей страны и являются закономерным результатом самоотверженной борьбы русского народа за свободу и национальную независимость народов, за освобождение трудящихся от оков капитализма, за победу социализма.

Не раз в прошлом русский народ ограждал другие народы от варварских нашествий, а европейскую цивилизацию — от уничтожения. Могучей грудью своею, ценой огромных жертв и лишений он защитил независимость европейских народов от татаро-монгольского нашествия и от иных завоевателей.

В величественной истории нашей Родины гений Пушкина блистает, как звезда первой величины. Величие Пушкина символизирует и отражает величие выдающейся русской нации. Пушкин воспел великий подвиг русского народа, который в войне 1812 года отстоял свою независимость и освободил народы Европы от владычества Наполеона. Этот героизм родного народа запечатлелся на всю жизнь в сердце поэта и стал неиссякаемым источником его патриотизма.

¹ «Правда», 1938, № 335, 5 декабря.

² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, стр. 196.

³ Там же.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — сказал поэт.¹

Пушкин посвятил свою поэзию борьбе за освобождение своего народа. Его поэзия была «эхо русского народа». Вера в могучие силы родного народа внушила Пушкину замечательные пророческие слова:

... дороги верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...²

В этой связи поэта с народом разгадка того, почему Пушкин был и остается до сей поры великим поэтом великого русского народа, поэтом, творения которого будят отклик в сердцах людей сталинской эпохи. Поэтическое наследие Пушкина неразрывно связано с величием и славой русского народа.

Пушкин — достояние всех видов культуры советского общества: художники и композиторы, музыканты и писатели, — словом, все обращаются к Пушкину, как к гению, вдохновляющему их творчество.

Пушкин и советская культура — тема значительная, важная. Важно разобраться и в том, как советские литературоведы постигают творения Пушкина.

2

Наша советская эпоха открыла новые стороны в творческом облике поэта. Люди страны победившего социализма ценят в Пушкине гениального поэта, связавшего свой стих еще в эпоху крепостничества с революционным движением своей родины, с борьбой за освобождение и процветание своего народа.

Советские литературоведы, продолжая традицию революционных демократов, видят в Пушкине гениального поэта-патриота, верно служившего своему народу, страстно желав-

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 55. — В дальнейшем цитируется это издание (т. I—XVI, 1937—1949).

² То же, т. VI, 1937, стр. 153.

шего ему добра, содействовавшего распространению просвещения в России. Вопреки представителям либерально-дворянской эстетской критики прошлого века, которые, грубо фальсифицируя Пушкина, объявляли его поэтом «чистого искусства», советская критика утвердила в сознании широких кругов читателей представление о Пушкине, как о поэте — общественном борце против самовластья и крепостничества.

Современное пушкиноведение преодолело и другие существенные ошибки в понимании творчества поэта, присущие либерально-буржуазному литературоведению.

Одно заблуждение состояло в преувеличенной оценке значения всевозможных книжных воздействий на юного Пушкина и одновременно в преуменьшении решающего воздействия в процессе формирования Пушкина исторической русской действительности, в условиях которой протекали отроческие годы «лицейского» Пушкина.

Современное пушкиноведение раскрыло несостоятельность этого пути изучения Пушкина и показывает то огромное значение, какое имели для поэта и людей его поколения Отечественная война 1812 года и связанный с нею могучий подъем национального самосознания.

Нельзя без волнения читать строки Пушкина, в которых он выразил свои чувства, свое настроение, которое было пережито им и внушено событиями великой борьбы русского народа с вторгшимися врагами.

А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!..
Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

(„На возвращение...“)

Шестнадцатилетний юноша-поэт грустил о том, что он не покрыл себя ранами за родину. Но он был причастен к этой великой битве родного народа: дух патриотического воодушевления окрылил его душу и пробудил в его поэзии вещие звуки, пламень которых не угас и для нашего времени.

Произведения последующих лет, созданные на Псковской земле, где окреп и заблестал творческий гений Пушкина, восхищают нас глубоким постижением народных дум и чаяний, горячей верой в народные массы, как силу исторического процесса.

Далее, советское пушкиноведение наших дней решительно отвергло пристрастие буржуазных ученых искать в поэзии Пушкина следы и отзвуки западноевропейских влияний и вопреки этому идет по пути обнаружения национальных истоков и творческих традиций родной литературы, сказавшихся в поэзии Пушкина.

Сам Пушкин отвергал домыслы современных ему критиков о неоригинальности некоторых его произведений. В ответ на поиски следов подражания Байрону в романе «Евгений Онегин» великий поэт возражал: «Никто более меня не уважает Дон Жуана... , но в нем ничего нет общего с Онегиным» (в письме к А. Бестужеву от 24 марта 1825 года; XIII, 155).

Белинский блестяще защитил самостоятельность и независимость Пушкина от Байрона: «Пушкин писал о России для России, — и мы видим признак его самобытного и гениального таланта в том, что, верный своей натуре, совершенно противоположной натуре Байрона, и своему художническому инстинкту, — он далек был от того, чтобы соблазниться создать что-нибудь в байроновском роде... Он заботился не о том, чтоб походить на Байрона, а о том, чтоб быть самим собою и быть верным той действительности, до него еще непочатой и нетронутой, которая просилась под перо его. И зато его *Онегин* — в высшей степени оригинальное и национально-русское произведение».¹

Поэт указывал на вдохновлявшие его традиции родной литературы. «Вслед Радищеву восславил я свободу», — писал он. Современные изучения этой линии идейного родства Пушкина с Радищевым, Крыловым и другими видными деятелями литературы XVIII века убеждают в плодотворности преодоления враждебной традиции компаративизма, проникнутого чуждым советской науке духом космополитизма и сводившего все дело изучения творчества великого поэта к бесплодным «параллелям» из западноевропейских литератур.

Современное пушкиноведение покончило навсегда с крепко укоренившейся гипотезой, что в глазах Пушкина «Радищев

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XI, 1917, стр. 83. — В дальнейшем цитируется это издание (тт. I—XIII, 1900—1948).

был жертвой „заблуждений века“, и расхождение между ними было принципиальным и глубоким».¹

В наши дни пушкиноведы, устанавливая идейно-художественную преемственность Пушкина с XVIII веком, сумели наметить и обосновать дальнейший путь развития передовой русской культуры от Пушкина и Гоголя к Белинскому, а затем к Некрасову и Чернышевскому, к Горькому и Маяковскому и дальше к творческому восприятию пушкинского начала в советской культуре последних лет.

Особенно важно было установить идейную связь между Пушкиным и последующим развитием литературы, важно сделать опорным пунктом изучения истины, что Пушкин — деятель первого периода русского освободительного движения, достойным образом оценивший высшее достижение русской освободительной мысли предшествовавшего периода — идей Радищева, протянул руку одному из первых представителей нового поколения в освободительном движении — Белинскому.

Белинский, определяя величие Пушкина как национального поэта, указал на его близкую связь с предшественниками и подчеркнул, что Пушкин не только завершил начатый до него путь, но и начал новый этап в развитии литературного процесса: «Можно сказать и доказать, что без Державина, Жуковского и Батюшкова не было бы и Пушкина, что он их ученик; но нельзя сказать, и еще менее доказать, чтоб он что-нибудь заимствовал от своих учителей и образцов, или чтоб где-нибудь и в чем-нибудь он не был неизмеримо выше их» (XI, 331).

Мысль Белинского о том, что Пушкин открыл качественно новый путь в развитии литературы, послужила толчком для плодотворных исследований в советском пушкиноведении.

Ценно и своевременно то, что советские литературоведы могут дать ответ и на вопрос, как смог Пушкин выразить столь глубокие идеи, что они не утратили значения до сих пор, почему мы находим в творениях Пушкина «то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему»,² т. е. нашему веку.

Гениальные указания И. В. Сталина в его трудах по вопросам языкознания направляют внимание литературоведов на правильное решение вопроса об идейной преемственности наследия Пушкина для культуры социалистических наций.

---

¹ П. Н. Сакулин. Пушкин и Радищев. Изд. «Альциона», М., 1920 стр. 70.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.

3

Последние годы в пушкиноведении представляют собой пробог такой скорости и значимости, что эти годы составят, несомненно, новый этап, важнейший по своим последствиям для последующего развития пушкиноведения. В эти годы заложены основы для объяснения и постижения таких сторон в историческом облике и творчестве Пушкина, как средоточия великой культуры русского народного гения 20—30-х годов прошлого века, таких сторон, которые определяют истоки, корни и пути развития нашей литературы в прошлом и помогают понять смысл настоящего и будущего ее движения.

Исторические решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, доклад тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», выступления партийной печати с разоблачением антипатриотической группы критиков-космополитов, оказав неоценимую помощь в борьбе с формализмом, космополитизмом, компаративизмом и другими идеалистическими взглядами на творчество Пушкина, направили нашу науку на верный и плодотворный путь изучения исторического своеобразия и независимости Пушкина от зарубежных воздействий.

Для всего творчества Пушкина — от ранних его произведений до последних, от «Бориса Годунова» и до «Капитанской дочки» — основу, питательный источник советские литературоведы находят в народных крестьянских освободительных устремлениях к свободе, к независимости, против гнета крепнищества.

Свободолюбивые устремления Пушкина возвышали его над передовыми мыслителями Запада, ставили его впереди их. Пушкин опережал не только туманные романтические мечты буржуазных «благородных друзей» человечества, но и незрелые теории социалистов-утопистов с их теорией мирного переустройства, с теорией гармонии классовых интересов.

Историческое своеобразие русской действительности, с ее резкими социальными противоречиями, не позволяло Пушкину уходить в мир абстрактных заоблачных мечтаний, легко обнажал перед ним неприложимость социальных рецептов западноевропейских мыслителей и высоко поднимало его над ними как мыслителя-патриота, тесно связанного с освободительным революционным движением в стране.

Современные литературоведы и историки убедительно доказали, что русская передовая мысль, в отличие от западноевропейской, в первой половине XIX века была порождена народным революционно-освободительным движением крестьянских масс.

Русская передовая мысль не отгораживалась от зарубежных просветительских идей и революционных течений мысли, а, наоборот, впитывая все новое и прогрессивное, создаваемое на Западе, творчески воспринимала и перерабатывала в своем сознании применительно к русской действительности.

И в этом деле русская передовая мысль оказалась вполне самостоятельной, независимой, больше того, русская передовая мысль шла дальше и была прогрессивнее западноевропейской, ей была видна ограниченность буржуазного просветительства. И в творчестве Радищева, понимавшего ограниченность Вольтера, Дидро, Руссо и других, и в творчестве Пушкина мы находим доказательство этого.

Пушкин был на уровне прогрессивных идей своего времени и в решении многих вопросов возвышался над передовыми деятелями Запада.

«... Литератор обязан хорошо знать все, что творится вокруг него, — указывал Горький, — знать действительность, в которой он живет, и работу сил, которые двигают ее...»¹

Пушкин знал эту истину и претворял ее в жизнь.

Пушкин хорошо был знаком с историей и событиями Западной Европы. Он высоко ценил французскую революцию конца XVIII века. Но он понял, что воцарение капитала после революции 1793 года не обеспечило народу свободы и процветания культуры. За год до смерти Пушкин с воспоминаниями об эпизодах социальной борьбы на Западе обращается к друзьям своей юности и в смене феодализма капитализмом не видит ничего отрадного для человечества:

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.
(„Была пора: наш праздник молодой...“,
1836)

В другом стихотворении 1830 года, «К вельможе», Пушкин еще полнее раскрыл свое понимание исторического процесса на Западе. Пушкин выразил глубокую мысль о неизбежности смены феодализма капитализмом, а затем и смены последнего, ибо, по его убеждению, пришедшая к власти после революции буржуазия оказалась бессильной создать что-либо значитель-

¹ М. Горький. Литературно-критические статьи, 1937, стр. 432.

ное. Внимание людей того времени было приковано к тому, что выразительно было сформулировано в лозунге Людовика-Филиппа: «Обогащайтесь!»:

Свидетелями быв вчерашнего паденья,
 Едва опомнились молодые поколения.
 Жестоких опытов собирая поздний плод,
 Они торопятся с расходом счастье прихот.
 Им некогда шутить, обедать у Темиры,
 Иль спорить о стихах...

Так погран закон, добытый грозной свободой, так снижена революция, пред величием которой должны потускнеть и утратить значение меркантильные интересы. На деле оказалось другое. Пушкин и осуждает за это общество.

«Но грусть Пушкина не есть сладенкое чувствованье нежной, но слабой души, — сказал Белинский, — нет, это всегда грусть души мощной и крепкой... Пушкин никогда не расплывается в грустном чувстве; оно всегда звенит у него, но не заглушая гармонии других звуков, и не допуская его до монотонности» (XI, 355), ибо у Пушкина был свой «идеал», идеал высокий, не равный идеалу Запада.

Мы теперь знаем, что шествие капитализма на Западе в те годы приводило личность к разрушению, к обеднению ее духовного содержания, ее мира переживаний. В капиталистическом обществе активная творческая личность становилась индивидуалистически замкнутой, эгоистически расчетливой и мешански ограниченной. Маркс эту судьбу пророчил и Байрону: «... считают счастьем, что Байрон умер на тридцать шестом году своей жизни, так как он превратился бы в реакционного буржуа, останься он жить дольше...»¹

На мрачном фоне тогдашней действительности одно только пробужденное в те годы на Западе национально-освободительное движение, — не взирая на страшные последствия наполеоновской катастрофы и упорные попытки феодальной реакции отстоять свое существование, — росло и ширилось, привлекая к себе симпатии лучших людей России, в их числе и Пушкина. Но и это светлое явление угасло на Западе быстро в конце 20-х годов. Революции в 20-х годах в Германии, Италии, Испании, Греции вырождались в мимолетные потрясения, внушавшие лучшим людям того времени даже разочарование.

¹ Маркс и Энгельс об искусстве, 1933, стр. 136—137.

«Успехи» же буржуазии в 30-х годах, — как буржуазии французской, победившей в июне 1830 года и расстрелявшей в ноябре лионских рабочих, так и буржуазии английской, после победы в 1832 году издавшей в 1834 году закон о бедных и о рабочих домах, бывших на деле «каторжными тюрьмами» для безработных, — не пробуждали в душе Пушкина, как видно из цитированных его стихотворений 1830 и 1836 годов, ни радостных чувств ожидания, ни восторженных лучезарных иллюзий.

Добавим, что Пушкин осуждал бесчеловечность капиталистической эксплуатации на Западе (в Англии) и в США (негры, индейцы), о чем и писал в последние годы своей жизни.¹

Пушкину была ясна хищническая, эксплуататорская сущность буржуазного строя, прикрывавшегося идеями свободолюбия и гражданственности. Он не принимал его и осуждал за попрание прав человека на свободу и счастье.

У Пушкина было трезвое отношение и к властителю дум литературной Европы — Байрону — и его творениям. Пушкин осудил излюбленного героя Байрона — героя-индивидуалиста. И в «Цыганах», и в «Евгении Онегине» он развенчал этого героя. В третьей главе «Онегина» он писал:

Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в улылый романтизм
И безнадежный эгоизм.

Пушкин критиковал Байрона за художественный метод, он порицал его гордое презрение действительности. Пушкину были органически чужды и другие черты Байрона: скептицизм, отчуждение от жизни и уход во внутренний мир, абстрактное свободолюбие, пренебрежение к идеям (как отметил в Байроне Мериме) и неверие в будущее. После смерти Байрона в Греции поэт писал Вяземскому, намекая на идейное оскудение творчества английского поэта, что «гений Байрона бледнел с его молодости» (XIII, 99). Пушкин противостоит Байрону как поэт русской действительности, чуткий к современности, к зову времени, как преданный певец политической свободы, страстно веривший в светлое будущее русского народа.

Критика Байрона со стороны Пушкина была критикой политического друга, видевшего слабости и отставание передового человека Запада. Пушкин видел это как передовой русский человек и осудил Байрона.

¹ См. «Путешествие из Москвы в Петербург» (1834) и «Джон Теннер» (1836).

Еще Герцен подметил это, расхождение: «К концу своей литературной карьеры Пушкин и Байрон совершенно удаляются друг от друга, — и это по очень простой причине: Байрон был англичанин до глубины души, а Пушкин — до глубины души русский. . . Пушкин знал все страдания цивилизованного человека, но у него была вера в будущее, которой человек Запада уже лишился. . . он обладает инстинктивной верою в будущность России».¹

Герцен верно констатирует факты и направляет нашу мысль на освещение вопроса об историческом своеобразии Пушкина. Почему у русского поэта осталась неисчерпаемой тяга к действительности и вера в будущее, что утратил человек Запада — Байрон? Почему поэзия Пушкина, как сказал Белинский, «. . . чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального; она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладет на лицо жизни белил и румян, но показывает ее в ее естественной, истинной красоте; в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля» (XI, 395).

Ответ на эти вопросы дает наша современность.

Социально-исторические условия русской действительности повышали идейное сознание русских писателей, ибо в России, как метко указал М. Горький, «политические вопросы просачивались в душу человека извне даже тогда, когда сам он не хотел этого». В силу этого русская литература и, в частности, поэзия Пушкина «стояла в теснейшей связи с революционными течениями». На основании этого М. Горький сделал верное обобщение, что «. . . русский литератор. . . в своих образах и обобщениях шире и объективнее литератора западного, ибо, даже будучи по основам психики своей человеком классовым, он был понуждаем возвышаться над узкими задачами своего класса, был принужден заботиться не столько о выработке классовой идеологии, сколько о борьбе против идей и действий правительства».²

Живой и убедительный пример — Пушкин — свидетельствует, по мнению Горького, об этом, как и о том, что писатель выдвинул принципы пользы человека для общества, осознания своей человеческой ценности и внутренней свободы, защищал мысль, что «. . . литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, . . . в его глазах поэт — выразитель

¹ А. И. Герцен. Избранные сочинения. Гослитиздат, 1947, стр. 394.

² М. Горький. История русской литературы. 1939, стр. 86.

всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни».¹

В свете всего этого какими нелепыми представляются утверждения некоторых современных историков литературы о зависимости политических воззрений Пушкина от западного либерализма периода Реставрации: от мадам де-Сталь, Бенжамена Констана и других.

Устремление к реализму и к сокровищнице народного поэтического творчества, интерес к героическим страницам народного прошлого и вождям народных восстаний, как поэтическим лицам родной истории, — весь этот полноводный демократизм, порожденный глубиной народной русской жизни, произвел то, что для Пушкина «интересы всей нации выше интересов одного дворянства», ибо, как указывает Горький, «его личный опыт был шире и глубже опыта дворянского класса».²

В том же духе писал и Белинский: «... Пушкин более национально-русский поэт, нежели кто-либо из его предшественников...» (XI, 392). В то же время Белинскому было ясно, что Пушкин-дворянин возвышался над своим классом: «Везде видите вы в нем человека, душою и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность избражаемого им класса; короче, везде видите русского помещика... Он нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности...» (XII, 144).

Современные советские исследователи установили факт, что «... Пушкин не только догнал в своем литературном развитии, но и перегнал Западную Европу. С 1823 г. он начал писать главы „Евгения Онегина“ — не только первого произведения, которым Пушкин, говоря словами Добролюбова, совершил „открытие действительности“ в русской литературе, но и произведения, которое явилось первым же великим подлинно реалистическим созданием всей мировой литературы XIX в., в своем роде никем не превзойденным».³

К этому надо добавить, что реализм Пушкина был основан на столь высоких началах идейности, что стал истоком для творчества последующих поколений передовых русских писателей и писателей Запада.

Совокупность освободительных и патриотических идей, заложенных в творениях поэта, возвышает гений Пушкина, ста-

¹ М. Горький. История русской литературы. 1939, стр. 91.

² Там же, стр. 104.

³ Д. Д. Благой. Мировое значение русской классической литературы. Изд. «Правда», М., 1948, стр. 15.

вит его намного выше передовых мыслителей Европы своего времени.

4

Спрашивается, что же возвышало нашего великого поэта, что давало ему право так глубоко и правдиво понять изнанку жизни капиталистического общества и осудить ее? Что же обеспечило ему эту идейную победу?

Жизнь русского народа, его борьба против крепостничества, борьба за честь и независимость Родины, — все это вдохновляло поэта.

За фасадом царской империи, под гнетом крепостного права кипели могучие творческие силы народных крестьянских масс. Крепостные массы внушали лучшим русским людям те демократические и освободительные идеи, сила и высота которых превосходили идейный уровень передовой мысли Запада.

Глубокие думы о своем народе, волнующие воспоминания о самоотверженных подвигах народных вождей (Разина, Пугачева) и о героической борьбе всего русского народа, тихие минуты созерцания природы и страстные мечты о счастье народных масс, — вот то царство, где зрела идейная сила Пушкина.

Пушкин искренно гордился своей родиной. Он ссылался при этом на величавый облик народа: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего» (XI, 258).

Пушкин высоко оценивал народную поэзию. Перед взором поэта выростала историческая несправедливость угнетенного положения народа, и Пушкин признавал за русским народом право выступать в свою защиту против угнетения и произвола. Симпатии его были на стороне народа. В повести «Капитанская дочка» показаны народные массы как движущая сила истории, способная выделять из своей среды достойных вождей.

Мысль о политической борьбе народных масс — новая победа гения Пушкина, победа всемирноисторического значения, одержанная им раньше других.

Советское пушкиноведение, раскрывая всю глубину взглядов Пушкина, вместе с тем не забывает об ограниченности историзма Пушкина. Поэт не верил в «насильственные потрясения политические, страшные для человечества», и не видел в крестьянском мятежном движении благодетельного выхода из противоречий жизни.

Пушкин усматривал в крестьянском восстании грозную и могучую, но и разрушительную силу. Стихийный характер крестьянских восстаний, — этот «бунт бессмысленный и беспощадный» (Пушкин), — внушал ему опасения и боязнь.

Пушкин не переоценивал исторического значения крестьянского восстания, которое, как указал И. В. Сталин, без поддержки революционного пролетариата не приводит к победе. «Крестьянский бунт бесплоден, он грозит ослабить мощь государства...», — думал Пушкин, — это и вызывало сомнение у Пушкина, не давая ему возможности выйти из круга идей просвещенного дворянства и стать на точку зрения крестьянской революции, как это сделали революционеры-разночинцы.¹

Подъем и рост крестьянских движений в 20—30-е годы был той благодатной почвой, которая растила и питала великий гений Пушкина, его освободительные идеи, которыми пронизано его творчество.

Еще в 1840 году великий критик Белинский разглядел в поэзии Пушкина проявление гения народа: «Да, мы уже имеем поэзию, которую смело можем соперничествовать с поэзией всех народов Европы... Мы думаем, что причина этого дивного явления заключается в глубине и могуществе духа народа, в сокровенном источнике его внутренней жизни, который горячим ключом бьет во внешность...; наша художественная поэзия, в созданиях Пушкина, стала наряду с поэзией всех веков и народов» (V, 130—131).

Острота социальных противоречий в жизни страны, наблюдаемая Пушкиным, где с одной стороны стоял крепостник-помещик, а с другой — угнетенный крестьянин, и невозможность разрешения этой коллизии в условиях того времени, поскольку в стране не было революционного пролетариата, была не только причиной глубоких раздумий поэта, но и источником прочности его революционных убеждений.

Своеобразие русской действительности, раздираемой противоречиями, на одном полюсе которых был барин, а на другом — мужик, внушало Пушкину такие идеи, такие мысли, которые направляли его в сторону демократии, в сторону тех просветительских устремлений, которые могли быть осуществимы на новом этапе исторического развития. Его поэзия никогда не чуждалась революции; даже в годы страшной николаевской реакции она спасала честь русской музыки, мужавшей вместе с ростом революционных освободительных настроений в стране:

¹ В. В. Е р м я л о в. Наш Пушкин. Гослитиздат, М., 1949, стр. 70.

«Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений, — писал Герцен, — эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполнила мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему».¹

Недаром Белинский, осторожно намекая на связь поэта с декабристами, указал на то, что Пушкин пошел дальше их: «Как человек, Пушкин отразил на себе всю неопределенность и шаткость направлений и убеждений своего времени...; становясь поэтом, он опережал их на целые веки» (X, 317—318).

Политическая реакция в лице царя и его приспешников сковывала гений Пушкина, но она не могла загасить или приостановить полет его гениальной мысли. Да и позднее буржуазное общество не могло понять всю глубину идейных замыслов поэта, как не могло оценить и величия Пушкина.

5

В Пушкине нас покоряет его неиссякаемая вера в разум, в светлое начало человеческой души. В полосу мрачного мистического угара, захватившего высшее общество, в годы романтического мечтательства наш поэт шел путем реализма, освещая себе этот путь ясным, немеркнущим светом разума. Глубокое чувство любви к народу сопровождало всю жизнь Пушкина. Известно его подлинно гуманное отношение к крепостному народу.

Подлинно демократические настроения поэта объединялись с неиссякаемой верой в творческие силы русского народа и с ясным пониманием исторической обреченности аристократии, оправдавшимся историческим развитием России.

Сейчас мы по-новому читаем и осмысливаем такую завуалированную тираду, размышление Пушкина:

«Освобождение Европы придет из России, ибо только там предрассудок аристократии совершенно отсутствует. В других странах верят в аристократию... В России ничего подобного. В нее «в аристократию» не верят, вот и все» (XII, 207, 485).

Под видом выписки из Гейне поэт не высказал ли собственного убеждения, хорошо согласующегося с общей концепцией его взглядов на феодализм, светскую чернь и т. п.?

Пушкин осудил угнетение и самовластие, он подверг критике войну и ее бессмысленность: «Невозможно, чтобы люди со временем не уразумели смешную жестокость войны, как

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. VI, 1919, стр. 365.

они уразумели существо рабства, царской власти и т. д. Они увидят, что наше предназначение... быть свободными» (XII, 189, 480). Пушкин провозгласил свободу, как естественное состояние людей.

Для всех нас бесспорна мысль о том, что Пушкин с нами, что имя Пушкина светит ярким маяком для всех тех, кто стоит за народные интересы, против реакции, против эксплуататоров и врагов демократии.

Пушкин зовет на борьбу за права человечества и по сие время. Известный чешский деятель культуры Зденек Неedly очень ясно подчеркивает это значение Пушкина в текущий момент: «Во всем мире должно звучать новый, советский Пушкин. Ведь сегодня во всем капиталистическом мире положение человечества нисколько не лучше, чем во времена Пушкина. Гениальные и могучие пушкинские стихи — мощный зов к народам подняться на борьбу за свои права, за права человечества. Пусть во всем мире юбилей Пушкина будет не только юбилеем поэта, а выражением стремлений к лучшей жизни, непреклонной решимости отвоевать ее в жестокой борьбе».¹

Демократическая общественность Болгарии не менее ярко определяет устами Камена Зидарова политическое значение Пушкина для переживаемой современности: «И ныне, когда юбилей Пушкина (речь идет о юбилее 1949 года, — Н. Б.) совпадает с великой борьбой за мир прогрессивного и демократического человечества против поджигателей новой войны, когда впереди демократического и прогрессивного мира идет миролюбивое славянство во главе с непобедимым Советским Союзом, — с какой жестокой обвинительной силой звучат слова поэта против тех новых „клеветников России“, которые хотят забыть, что сделали советские народы для избавления мира от фашистского ига, и прилагают преступные усилия для организации нового похода против СССР!».²

Юность, зрелость, старость — все возрасты людей черпают в поэзии Пушкина светлые, отрадные чувства и настроения.

Наша советская молодежь искренно и с большим волнением говорит о благотворном воздействии Пушкина на нее.

Ученица 10-го класса советской школы Р. Мусалова пишет: «Простота, ясность, глубина, задушевность и чистота мыслей Пушкина о любви и дружбе делают его лирику органически

¹ Цитирую по статье Льва Кишкина «Пушкин в Чехословакия». «Новый мир», 1949, № 6, стр. 246.

² Цитирую по статье акад. Н. С. Державина «Пушкин в Болгарии». «Знамя», 1949, № 6, стр. 188.

созвучной нашему времени; лирические стихотворения Пушкина имеют большое значение для морального воспитания нашей молодежи. Его поэзия развивает чувство красивого, гуманного, разумного, она помогает воспитывать уважение к достоинству человека. И я, татарка по национальности, от всей души приношу Пушкину благодарность за то воспитание, которое он мне дал.¹

Слова Пушкина звучат и по сей день, как яркий призыв к великому, светлому делу. Выпускник Феликс Волков, вдохновленный поэзией Пушкина, дает Родине обещание за себя и за товарищей быть беззаветным строителем коммунизма:

«Теперь, когда мы уходим из стен школы, ставших родными, мы думаем, как жить, что делать дальше. На этот вопрос один ответ: мы будем трудиться упорно, настойчиво, мы отдадим все свои силы, все знания великому делу построения коммунизма, о котором мечтали лучшие умы человечества, к которому стремятся трудящиеся всего мира.

«Я твердо уверен, что коммунизм будет построен, что нам суждено видеть светлую коммунистическую действительность. Для того чтобы сделать коммунистическое „завтра“ коммунистическим „сегодня“, я обращаюсь к каждому десятикласснику, сдающему сегодня свой первый экзамен, к каждому советскому молодому человеку с пушкинскими словами: — „Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!“».

«Говорить о Пушкине в 1950 году значит говорить о небывалом расцвете нашей советской социалистической культуры. Вместе с развитием культуры растет и значение Пушкина.

Благородный подвиг жизни и творческой деятельности великого поэта получил восторженное признание всех братских народов нашей страны. Поэтическое наследие Пушкина стало теперь поистине всенародным достоянием.

Пушкин пришел теперь ко всем братским народам нашего Отечества и стал известен и тем народам, которые до Октябрьской революции не имели своей письменности.

Пушкин был и остается для всех людей созидательного труда чутким и внимательным другом, мудрым наставником и горячим сторонником осуществленной нашей эпохой задачи — *слить поэзию с жизнью*.

Для нас, действительно, *прекрасное есть жизнь*, для советских поэтов наша действительность *стала поэтической*.

Для Пушкина это — мечта, для нас это — реальность.

¹ «Знамя», 1949, № 6, стр. 192

² «Правда». 1950, № 141 (11613), 21 мая.

Так идет вперед славная наша Родина, наш народ, которого Пушкин любил горячо и безраздельно.

Пушкин — «начало всех начал», по слову Горького, «основоположник поэзии нашей и всем нам навсегда учитель»¹ — нашел и достойных ценителей его поэзии в лице советских людей, людей сталинской эпохи.

Слова советского поэта Джамбула наиболее полно выражают мысли и чувства советского народа, питаемые к неумирающему Пушкину:

Читают тебя с упоением в глазах
Башкир и туркмен, белорусс и казах.
Из песен твоих не забыть ни одной, —
Ты, Пушкин, народному сердцу родной!

И. В. Сталин в своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» указывает на великое значение языка Пушкина как на основу современного литературного языка. Это сталинское указание наполняет сердца всех деятелей советской культуры и советской литературы чувством законной гордости за великого поэта.

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет, — сказал И. В. Сталин. — За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина».²

Это высказывание И. В. Сталина о языке Пушкина, о непреходящем значении его для нашего времени, указывающее на гениальное разрешение Пушкиным проблемы дальнейшего развития языка путем развития общенародных начал, общенародных элементов, обязывает советских пушкиноведов направить свои силы и внимание на изучение поэтического языка Пушкина, на изучение того великого вклада, который внес Пушкин в сокровищницу великого русского языка.

Гениальные указания И. В. Сталина об историческом неувядаемом значении языка Пушкина открывают новую страницу в пушкиноведении. Советские литературоведы со-

¹ См.: П. Максимов. О Горьком, 1939, стр. 31, и Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи, 1940, стр. 22.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 7.

вместно с языковедами, руководясь гениальными указаниями И. В. Сталина по вопросам языкознания, должны в дальнейших своих изучениях показать роль Пушкина в деле создания литературного языка, историческое значение его борьбы за обогащение и за чистоту русского литературного языка.

Советские литературоведы должны конкретно раскрыть, как богатства пушкинского языка, порожденные тесной связью великого поэта с жизнью своего народа, помогли развитию художественной литературы.

Горький отметил выдающееся языковое мастерство Пушкина и то, что Пушкин «первый... показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его».¹

Пушкин ясно представлял себе значение преимущности в жизни языка, разгадав истину, что литературный язык должен черпать свои силы из неиссякаемого источника народного и разговорного языка; ему было ясно и различие между этими стихиями: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? — ставил вопрос в 1836 году Пушкин и отвечал: — Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному... Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка» (XII, 96).

Пушкин завещал писателям изучать народный (Пушкин говорил «простонародный») язык и народное поэтическое творчество: «Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах... Читайте простонародные сказки, молодые писатели — чтоб видеть свойства русского языка» (XI, 71, 72).

Пушкинские замечания о языке звучат сейчас как гениальные догадки. Такова, например, его отповедь по адресу тех, кто привык подсчитывать в русском языке одни только заимствованные слова: «Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя

¹ М. Горький. О литературе, изд. 3-е, 1937, стр. 220.

варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? . . . Как бы то ни было, едва ли пол-сотни татарских слов перешло в русский язык» (XI, 32).

Пушкин с благородной патриотической гордостью выразил мысль о великом значении русского языка для национального самосознания писателя. Русский язык в глазах Пушкина — сокровищница мыслей, идейная питательная почва, богатство которой обеспечивает творческую силу передового народного деятеля. «Только революционная голова. . .», — писал Пушкин в 1823 году, — может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык.

Все должно творить в этой России и в этом русском языке» (XII, 178).

Сейчас, когда идет решительная борьба за мир во всем мире, против американско-английских поджигателей войны, неизмеримо возрастает значение советской литературы как самой передовой в мире и русской классической литературы, с ее родоначальником Пушкиным. Наша литература содействует идейному вооружению борцов за мир, она стала могучей силой в борьбе за освобождение человечества от бредовых человеконенавистнических замыслов заправил Уолл-стрита.

Растрепанной культуре американско-английских империалистов и ее представителям, являющимся лакеями своих хозяев, противостоит светозарный облик величайшего гуманиста и жизнелюба Пушкина, разоблачавшего всякого рода стяжательство.

Поэт в тесном общении с родным народом питал свою неиссякаемую веру в светлое будущее, в силы и великий государственный разум русского народа.

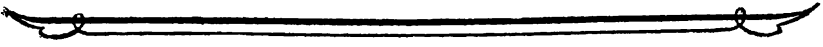
Мракобесам с Уолл-стрита мы можем противопоставить испепеляющие их замыслы слова Пушкина, вдохновлявшие на борьбу многие поколения лучших людей, о непреклонной уверенности в победе сил света над силами мрака:

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Пушкин — не поэт прошлого, он вечный, бессмертный поэт, а значит он — наш нынешний день, он — наша неугасимая радость и наша непреходящая гордость.

И. В. Сталин в своей исторической речи 6 ноября 1941 года в ряду дорогих каждому советскому человеку имен, воплощающих величие русской нации, назвал имя Пушкина.

Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ

ИЗУЧЕНИЕ БИОГРАФИИ ПУШКИНА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

История изучения жизни и творчества Пушкина на всем протяжении XIX—начала XX века представляет собой историю острейшей, не прекращающейся борьбы вокруг Пушкина различных, порой прямо противоположных и резко враждебных друг другу лагерей русской общественной мысли.

Дворянские и буржуазные исследователи, изучая биографию великого поэта, собрали обширный фактический материал, но их идейная ограниченность и порочность методов исследования не позволили создать подлинно научную, соответствующую объективной исторической действительности концепцию жизни и творчества великого поэта.

Новый этап в изучении жизни и творчества Пушкина был положен Великой Октябрьской социалистической революцией. Советское литературоведение, вооруженное марксистско-ленинской методологией, продолжая и развивая исторически оправданные воззрения на Пушкина великих критиков—революционных демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, а также используя значительный фактический материал, накопленный дореволюционным пушкиноведением, поставило своей задачей построение подлинно научной концепции всей жизни и творчества величайшего русского поэта. К осуществлению этой задачи наше литературоведение шло, преодолевая целый ряд ошибочных построений, по-новому осмысливая многие этапы биографии и творчества поэта.

Проблема научной биографии Пушкина рассматривается советской литературной наукой отнюдь не как сумма фактов, характеризующих ряд чисто внешних моментов личной жизни Пушкина, но как закономерное единство жизни и творчества

Пушкина в их развитии, обусловленном социально-общественными и культурными условиями и особенностями его эпохи и окружавшей его действительности.

Созданию научной биографии Пушкина в условиях советской действительности в высокой степени способствует и исключительное богатство выявленных и освоенных наукой в советское время новых материалов о жизни и творчестве Пушкина и его эпохе. Обобщение этих материалов, частично уже систематизированных, открывает широкие возможности для написания подлинно научной биографии великого поэта.

Мы располагаем ныне богатейшими материалами, которые были недоступны исследователям в дореволюционный период. К ним относятся прежде всего ценнейшие документы государственных архивов царского правительства: архив III Отделения и его секретный фонд, делопроизводство следственной комиссии по делу декабристов, различные ведомственные архивы и пр. Использование в научных целях материалов архива III Отделения и департамента полиции до революции было делом почти невозможным. Это явственно отразилось на первом издании исследования П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», вышедшем незадолго до революции.¹ Исключительное научное значение архивных материалов, ставших доступными для исследователей после революции, становится особенно ясным при сравнении первого издания названного труда П. Е. Щеголева с его третьим изданием, вышедшим в 1928 году.² Кроме реальной возможности использования в научных целях документов царских государственных архивов, огромное значение для осмысления этих новых материалов имело и освобождение от жестких ограничений дореволюционной цензуры. «... Новые материалы, — пишет П. Е. Щеголев в предисловии к 3-му изданию своей книги, — и новые возможности их разработки, созданные освобождением от цензурных и условных пут, побудили меня к пересмотру истории дуэли. Результатом пересмотра явился новый взгляд на возникновение дуэли и новое освещение темной роли Николая I в истории последних месяцев жизни Пушкина».

Возможность использования ценнейших материалов царских государственных архивов открылась для исследователей

¹ «Пушкин и его современники», вып. XXV—XXVII, 1916.

² П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы, изд. 3-е, прсм. и доп., Госиздат, М.—Л., 1928.

уже в конце 1917 — начале 1918 года.¹ Исключительно большое значение имеют и ставшие доступными материалы целого ряда частных собраний (Бартенева, Анненкова, Соболевского и других), а также семейных архивов (Гончаровых, Пушкиных, Воронцовых и других). Проведена громадная работа по изучению материалов этих архивов и по выявлению всего, что имеет какое-либо отношение к Пушкину и его окружению. Результаты этой работы привели к значительному расширению и обогащению наших представлений об общественных, дружеских и родственных связях Пушкина. Здесь следует назвать публикации: «Пушкин по документам архива М. П. Погодина»,² «Пушкин по документам архива С. А. Соболевского»,³ «Пушкин в переписке родственников», «Пушкин в неизданных письмах Вяземского к жене (1830—1838)»,⁴ «Из архива Гончаровых»,⁵ «Пушкин по новым документам архива Ушаковых»⁶ и целый ряд других публикаций.

Полностью к настоящему времени опубликован «Архив Опекы Пушкина»,⁷ включающий документы, разбитые по разделам: 1) Долги Пушкина, 2) Организация посмертного полного собрания сочинений Пушкина, 3) Дело по выкупу Михайловского и другим земельным владениям, 4) Об учреждении опеки, 5) О погребении Пушкина и т. д. Документы хозяйственного характера, опубликованные в этом издании, во многом уточняют и расширяют наши знания о личной жизни Пушкина и об обстоятельствах его семейной жизни. Характеризуя научное значение публикуемых документов, редактор издания П. С. Попов пишет: «...тяжелое впечатление оставляет изучение архива Опекы — того морального гнета, который накладывал на судьбу поэта Николай I... При чтении документов Опекы невольно ощущаешь гнетущее чувство, что Николай I мог счесть себя благодетелем Пушкиных, а Наталья Николаевна была принуждена называть Николая I „ангелом хранителем“, „посланником Божиим“ по черновику

¹ Б. Л. Модзалевский. Пушкин в донесениях агентов тайного надзора 1826—1830 гг. «Былое», 1918, № 1; А. А. Шилова. К биографии Пушкина. Секретное расследование 1826 г. «о поступках известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в возбуждении крестьян к вольности». «Былое», 1918, № 2, и др.

^{2, 3, 4} «Литературное наследство», кн. 16—18, М. 1934.

⁵ Пушкин. «Летописи Государственного Литературного музея», кн. I, М., 1936.

⁶ «Литературный архив», т. I, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1938.

⁷ Архив Опекы Пушкина. «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 5, М., 1939.

письма, предложенному Жуковским, который готов был поставить жену поэта в унижительное положение, лишь бы достигнуть желаемого обеспечения семьи».¹

К этому же разряду документов семейного характера относятся и некоторые другие публикации: Хозяйственный архив А. С. Пушкина (по нижегородским владениям),² семейные бумаги рода Пушкиных,³ документы, касающиеся Михайловского,⁴ документы из личного архива Пушкина⁵ и пр.

Нам стал известен целый ряд весьма ценных воспоминаний о Пушкине его современников. Некоторые из них были опубликованы ранее лишь в извлечениях и полностью стали доступны только теперь. Отдельные воспоминания лишь после революции напечатаны впервые. Таковы ранее неизвестные воспоминания о Пушкине П. А. Катенина,⁶ впервые полностью опубликованные воспоминания сестры Пушкина О. С. Павлицевой,⁷ дополнения к ранее не полностью опубликованным воспоминаниям И. П. Липранди о Пушкине⁸ и пр.

Впервые опубликованы относящиеся к Пушкину интересные выдержки из дневников прапорщика Ф. Н. Лугинина⁹ и князя П. И. Долгорукова,¹⁰ проливающие новый свет на жишиневский период биографии Пушкина. «...Он всегда готов, — пишет П. И. Долгоруков, — у наместника, на улице, на площади, всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России» (запись от 11 января 1822 года); и далее: «...полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники — подлецы и воры, генералы — скоты большею частию, один класс земледельцев — почтенной На дворян русских особенно нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а есть ли б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли» (запись от 20 июля 1822 года). Также впервые опубликованы и некоторые материалы из бумаг «первого декабриста» В. Ф. Раевского, относящиеся к периоду пребывания Пушкина в Кишиневе.¹¹

¹ Архив Опеки Пушкина, 1939, стр. 4.

^{2, 3, 4} Пушкин. «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 1, М., 1936.

⁵ «Литературный архив», т. I, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1938.

⁶ «Литературное наследство», кн. 16—18, М., 1934.

⁷ Пушкин. «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 1, М., 1936.

⁸ Там же.

⁹ «Литературное наследство», кн. 16—18, М., 1934.

¹⁰ Полностью дневник не опубликован. Выдержки из него напечатаны в «Правде», 1936, № 340, 11 декабря («Ценный документ о Пушкине»).

¹¹ «Литературное наследство», кн. 16—18, М., 1934.

За советский период выявлено большое количество новых автографов Пушкина и даже целых его произведений, ранее не известных, в том числе такие значительные, как поэма «Монах» (1813), обнаруженная в беловом автографе в архиве кн. А. М. Горчакова, и поэма «Тень Фонвизина» (1815), найденная в лицейской копии среди документов Пушкинского лицейского музея, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР.

Находка в 1917 году в б. имени Н. Н. Васильчикова при станции Лопасня Московской области двадцати двух тетрадей, содержащих собственноручные записи Пушкина, относящиеся к его работе над историей Петра I, дала возможность по-новому расценить его огромную и напряженную работу по написанию истории Петра I, которую он не успел завершить.

Найденные в 1925 году в библиотеке особняка кн. Юсуповых двадцать семь писем Пушкина к его приятельнице Е. М. Хитрово, дочери фельдмаршала М. И. Кутузова, позволяют полнее и вернее установить отношение Пушкина к таким значительнейшим событиям его времени, как июльская революция 1830 года во Франции и польское восстание 1830—1831 годов.

В дореволюционные годы было известно не более 600 писем Пушкина. Сейчас, в юбилейном академическом Полном собрании сочинений Пушкина напечатано более 800 его писем. Чрезвычайно обогатились наши представления и о переписке с Пушкиным его друзей, родных и современников. В названном юбилейном издании опубликовано около 600 писем к Пушкину.

Рукописи Пушкина, содержащие множество прямых и косвенных указаний на обстоятельства и факты его личной и творческой жизни, являются драгоценным источником для изучения биографии поэта. Справедливо замечание Д. Д. Благого о том, что «специальному обследованию должны быть подвергнуты все рукописные тетради Пушкина, представляющие собой род замечательного творческого дневника и с этой стороны совсем не изучавшиеся».¹ В этом отношении, например, примечательным является опыт П. Е. Щеголева по определению адресата пушкинского «Посвящения» поэмы «Полтава» («Тебе — но голос музы темной...»). В своей книге «Труды и дни Пушкина» Н. О. Лернер писал: «Кому посвящена „Полтава“ не известно, и нет возможности установить имя той, воспоминание о которой было „сокровище, святыня,

¹ «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 267.

любовь души“ поэта. Посвящению „Полтавы“ суждено остаться одним из таинственных, „недоуменных“ мест в биографии Пушкина.¹ Тщательное изучение процесса написания Пушкиным этого «Посвящения», путем всестороннего обследования черновых рукописей, дало возможность П. Е. Щеголеву высказать вероятное предположение, что «Полтава» посвящена М. Н. Раевской, в замужестве княгине Волконской. Вот к каким выводам привело исследователя изучение черновиков «Посвящения»: «... в 12 стихе Пушкин думал над эпитетом пустыни. Написав сначала „печальная“, он зачеркнул это слово и надписал „далекая“. В печатном тексте видим возвращение к первоначальной редакции.

Надо отметить последнее колебание между эпитетами: „печальная“ и „далекая“. Последний эпитет мог указывать на реальную действительность, и потому Пушкин от него отказался. Но кто же в это время из известных нам лиц и близких к Пушкину находился в далекой или печальной пустыне? Да Мария Николаевна Волконская, последовавшая в Сибирь за осужденным в каторгу мужем, а в 1828 году, когда писалось посвящение, проживающая под Читинским острогом, где сидел ее муж...

Вариант „далекая пустыня“ находится во второй редакции стихотворения, на листе 70... Но на 69 об. и 70 листах есть еще... и первоначальная редакция. Пушкин набрасывал эту редакцию в момент рождения самого замысла и, следовательно, не думал о том, какой вид получают стихи в печати. И вот тут мы видим уже совершенно определенный эпитет:

Сибири хладная пустыня.

Этот зачеркнутый вариант решает вопрос.²

Ценный и еще почти нетронутый материал для объяснения отдельных фактов биографии Пушкина может дать, и уже частично дает, тщательное и систематическое изучение рисунков на полях пушкинских рукописей. Изучение вопроса о характере пушкинских рисунков находится еще в самом зачаточном состоянии. Однако некоторые предварительные данные, добытые при обследовании ряда рисунков Пушкина периода декабрьского восстания, уже говорят о больших возможностях, которые могут открыться при дальнейшем углубленном и планомерном изучении пушкинской графики. «Распознавать людей и события в пушкинских зарисовках, — пишет исследо-

¹ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, изд. 2-е, СПб., 1910, стр. 179.

² П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, изд. 3-е, ГИХЛ, М.—Л., 1931, стр. 234, 235.

ватель этого вопроса, — мы только начинаем. Постепенно его рисунки приобретают свою настоящую значимость: творческого авто-комментария. Теперь явно, что они — не прихоть, не „просто так“, не „вообще“, а такое же выражение мыслей, чувств и событий, как и его писания. Это — графический дневник Пушкина, который надо уметь читать, как уже научились читать невероятные черновики его стихов».¹ В свете всего этого, в частности, по-новому осмысливаются и приобретают особое значение неоднократные пушкинские зарисовки портретов П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, И. И. Пущина, В. К. Кюхельбекера и других декабристов, — и себя самого среди них, — на полях некоторых строф «Евгения Онегина».

«Особенно знаменательно то, — пишет тот же исследователь, — *когда* сделаны обе серии профилей (тетрадь № 2370, л. 80 об. и л. 81 об. — Б. Г.). Они находятся на полях первых строф пятой главы „Онегина“. Есть пометка Пушкина, что пятая глава „Онегина“ начата 4 января 1826 года. Состояние рукописи показывает, что строфы V—X возникли без каких-либо задержек и отрывов от строф I—IV, — т. е. того же 4 января, или в один-два ближайших к нему дня. О петербургском восстании Пушкин узнал в Михайловском около 20 декабря 1825 г.; между этой датой и 4—5—6 января, когда были сделаны портретные наброски декабристов, прошло таким образом лишь две недели; еще только велись аресты, далеко не все были произведены, еще менее все были известны, а пуще имели возможность, средь общего придавленного молчания и осторожности, дойти до Пушкина, опально сидевшего в деревенской глуши. В особенности же ничего не мог он знать о судьбе, постигшей Пестеля. Пестель находился на юге, арест его был произведен в Линцах... 13 декабря 1825 г.; в Петербург он был доставлен и посажен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости 3 января 1826 г., то-есть за один-два дня до того, как в Михайловском он был дважды зарисован...».²

Особенно показательным и значительным во всех этих неоднократных и разновременных набросках Пушкина, относящихся к декабрьскому восстанию, является характер пушкинской интерпретации того или иного деятеля движения, последовательность пушкинских портретных зарисовок декабристов и, вне всякого сомнения, неоднократные зарисовки самого себя

¹ А. Эфрос. Декабристы в рисунках Пушкина. «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 923.

² Там же, стр. 927.

среди деятелей 14 декабря. Сопоставление всех этих данных свидетельствует о несравненно большей осведомленности Пушкина в происходивших событиях, чем это представлялось раньше, и в этом отношении предстоит еще большая работа по расшифровке и осмыслению всех многочисленных образцов замечательной пушкинской графика.

Дореволюционное пушкиноведение в плане изучения биографии Пушкина отправлялось почти всецело от его личного и литературного быта, тогда как советская наука о Пушкине отправляется от социального бытия Пушкина-художника, рассматривая жизнь и творчество Пушкина в их единстве на фоне общего процесса общественно-политического и культурного развития русского общества. И в этом отношении необходима самая непримиримая борьба со всякого рода космополитическими и буржуазно-объективистскими тенденциями, пытающимися оторвать Пушкина от конкретной русской действительности и сделать его только рупором идей западноевропейского просветительства.

В основу концепции научной биографии Пушкина должно быть положено учение Ленина о трех поколениях революционеров, действовавших в русской истории, и о трех этапах русского освободительного движения. Путь Пушкина — художника и общественного деятеля, непосредственно связанного с поколением дворянских революционеров и первым этапом освободительного движения, должен рассматриваться с учетом возможности дальнейшего развития его в направлении ко второму поколению деятелей русского освободительного движения, этой, по выражению Пушкина, «дружины ученых и писателей, какого б рода они ни были» (XI, 163), наиболее видным представителем которой еще при жизни Пушкина явился молодой Белинский, предшественник «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении... еще при крепостном праве».¹

Обнаруженные советскими исследователями новые данные о лицейском периоде жизни Пушкина (архивы кн. А. М. Горчакова и М. М. Сперанского, бумаги В. Ф. Малиновского, Е. А. Энгельгардта, записи лекций лицейских профессоров, веденные А. М. Горчаковым, и проч.) вносят целый ряд уточнений в наши представления о Лицее и дают возможность расценить характер и особенности того «лицейского духа», о котором писал Булгарин в одном из своих доносов.² Изы-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 223.

² М. В. Нечкина. Пушкин и декабристы. 1949; Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха. «Звезда», 1949, № 1—2, и др.

скания, связанные со «Священной артелью» И. Г. Бурцова, П. И. Колошина, А. Н. и М. Н. Муравьевых и С. М. Семёнова, с которой были связаны лицеисты, дают возможность уточнить характер вольнолюбивых традиций, воспринимавшихся лицеистами еще в Царском селе и позволивших Пушкину тотчас же по окончании Лицея стать одним из ведущих поэтов декабристского движения.

Советское пушкиноведение дает принципиально новую постановку вопроса об отношении Пушкина к движению декабристов. Изучение материалов Следственной комиссии по делу декабристов, а также ряда вновь обнаруженных документов, характеризующих взаимоотношения Пушкина с деятелями развивавшегося движения дворянских революционеров, позволяет более глубоко понять и расценить роль Пушкина в декабристском движении. Показательным в этом отношении является, например, то обстоятельство, что стихотворение Пушкина «Лицинию», которое, вне всякого сомнения, должно рассматриваться в качестве одного из наиболее ранних проявлений декабристской идеологии в русской поэзии, было уже напечатано в 1815 году, между тем как первое печатное произведение наиболее видного поэта декабристского движения — К. Ф. Рыльева («К Временщику») относится лишь к 1820 году.

Выявленные за советский период новые данные позволяют говорить о более глубоких и непосредственных связях Пушкина с деятелями декабристского движения. В свете этих данных по-новому осмысливается деятельность «Зеленой лампы» — одного из ответвлений Союза благоденствия, находившегося под непосредственным (хотя и незаметным для рядовых членов этого литературного содружества) руководством ряда виднейших членов Тайного общества. По-новому освещаются и обстоятельства высылки Пушкина из Петербурга в мае 1820 года. В свете новых данных ссылку Пушкина на юг следует рассматривать как непосредственную реакцию самодержавия на развивавшееся движение дворянских революционеров.

Несмотря на то, что Пушкин формально не принадлежал к Тайному обществу, он близко и непосредственно общался почти со всеми его руководящими деятелями. О своей непосредственной близости к декабристскому движению Пушкин прямо и недвусмысленно сказал и в «Арионе»:

Нас было много на челне —

и точно определил свою роль в движении:

Пловцам я пел...

В окончательно расшифрованных лишь в советский период отрывках из X главы «Евгения Онегина» Пушкин дает обобщенную картину движения дворянских революционеров, включая в нее и самого себя, читающего свои нозли в кругу декабристов. Более ясными становятся также и обстоятельства южной ссылки Пушкина и характер его общения с рядом виднейших деятелей и руководителей Южного тайного общества. Такие вновь обнаруженные документы, относящиеся к данному периоду, как отмеченные выше дневники кн. П. И. Долгорукова и прапорщика Ф. Н. Лугинина, свидетельствуют об исключительном радикализме политических взглядов Пушкина 1820—1821 годов и о большой и нарочитой резкости его устных суждений по общественно-политическим вопросам в эти годы.

Повидимому, мы еще не располагаем достаточными данными о всех деталях и характере общения Пушкина с деятелями декабристского движения. Дошедшие до нас свидетельства об этом полны неясных мест, противоречий, обиняков, а то и просто умолчаний. В этом отношении особенный смысл приобретает признание самого Пушкина, относящееся к 30-м годам, когда уже были известны все основные стороны заговора и все жертвы движения: «... в 1821 году начал я свою биографию, и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Они могли замешать многие имена и может быть умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые ныне сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства».¹

Между тем резкое изменение к 1823—1824 годам общеевропейской политической ситуации (поражение испанской революции в 1823 году и др.), с одной стороны, и усиление реакции во внутренней политике Александра I, с другой, вносили новые черты в процесс мировоззренческого развития Пушкина. Известного рода переоценка эффективности и самой возможности тактики вооруженного восстания, осуществляемого во имя народа, но без его участия, была в этот период характерна не только для Пушкина, но и для ряда виднейших деятелей движения и близких к нему лиц (П. И. Пестель, А. С. Грибоедов).

В отличие от дореволюционного литературоведения, ограничивавшего изучение общественно-политических процессов

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 310, 432. — В дальнейшем цитируется это издание.

русской жизни первой четверти XIX века лишь рамками декабристского движения, советское литературоведение включает в сферу своего изучения глубокие процессы стихийного и неорганизованного антикрепостнического движения широчайших народных масс (крестьянских и солдатских), начинавшего особенно интенсивно развиваться в период после окончания Отечественной войны 1812 года. Это закономерно приводит к необходимости новой постановки проблемы мировоззренческого и художественного развития Пушкина периода его южной ссылки. Именно с этого периода в пушкинском творчестве начинают давать себя знать (и чем дальше, тем сильнее) общественно-политические тенденции, несравненно более глубокие, чем тенденции дворянской революционности.

Если еще в 1820 году Пушкин призывал своих петербургских друзей «нюхать гишпанского табаку и чихать громче» (XIII, 21), т. е. следовать примеру испанской революционной армии, возглавленной Риго и Квиругой, а в 1821 году называл члена Союза благоденствия П. С. Пущина «грядущим нашим Квиругой», то уже в 1823 году он пишет свое известное «подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа» (XIII, 79) — «Свободы сеятель пустынный...», а в 1824 году — «Недвижный страж дремал...», стихотворение, содержащее острую характеристику неполноценности и недостаточности в изменившихся новых условиях деятельности «зжидателей свободы».

Известно, что строки стихотворения «Свободы сеятель пустынный»:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич —

иногда использовались в качестве доказательства «поправения» Пушкина еще в период его южной ссылки, его явного отхода от политических идеалов декабристского движения. Между тем эти гневные и бичующие строки говорят как раз об обратном — о горячей любви Пушкина к своему народу. В этом отношении далеко не лишним будет вспомнить о замечательных словах В. И. Ленина по поводу одного горького суждения Н. Г. Чернышевского о народе, почти аналогичного пушкинскому:

«Мы помним, — пишет В. И. Ленин, — как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою

жизнь делу революции, сказал: „жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы“. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть».¹

В связи с определившимися новыми взглядами Пушкина на сущность освободительных движений и на роль в этих движениях как самого народа, так и «зиждителей свободы», не опиравшихся в своей революционной деятельности на народные массы, во весь рост вставал перед Пушкиным в этот период образ народа как подлинного творца истории.

Ряд новых данных позволяет сделать некоторые предположения и о последующем отношении Пушкина к движению декабристов в период михайловской ссылки. Повидимому, Пушкин был осведомлен о некоторых деталях заговора и в этом отношении, может быть, является не случайным и приезд И. И. Пущина в Михайловское в январе 1825 года. Возможно, что незадолго до самого восстания Пушкин получил какое-то не дошедшее до нас и уничтоженное им самим письмо от И. И. Пущина.

В связи со всем этим значительный интерес приобретает, во многом загадочный до сих пор, эпизод несостоявшейся поездки Пушкина из Михайловского в Петербург в декабре 1825 года. Декабрист Н. И. Лорер в той части своих записок, которая опубликована в послереволюционные годы, об этой поездке рассказывает, со слов брата поэта, Л. С. Пушкина, так: «Александр Сергеевич был уже удален из Петербурга и жил в деревне родовой своей — Михайловском. Однажды он получает от Пущина из Москвы письмо, в котором сей последний извещает Пушкина, что едет в Петербург и очень бы желал увидеться там с Александром Сергеевичем. Немного думая, пылкий поэт мигом собрался и поскакал в столицу».²

Как известно, поездка эта не состоялась, и Пушкин, проехав немного, возвратился обратно в Михайловское. О планах Пушкина в связи с этой несостоявшейся поездкой в Петербург С. А. Соболевский, со слов самого Пушкина, рассказывал

¹ В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. Сочинения, т. 21, стр. 85. — Ленин приводит цитату из романа Чернышевского «Пролог» (см.: Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения, т. V, 1932, стр. 488).

² Записки декабриста Н. И. Лорера. Соцэжиз, М., 1931, стр. 199.

впоследствии так: «В гостинице остановиться нельзя — требуют паспорта; у великосветских друзей тоже опасно — огласится тайный приезд ссыльного. Он «Пушкин» положил захватить сперва на квартиру к Рылееву, который вел жизнь не светскую, и от него заpastись сведениями».¹

Показательно, что Лорер говорит о вызове Пушкина в Петербург декабристом Пушиным, а Соболевский передает о намерении Пушкина остановиться в Петербурге у декабриста Рылеева. Повидимому, это совпадение не случайно.

Коренному пересмотру подвергнут сложнейший вопрос об этапах биографии Пушкина и о его социально-политических позициях после разгрома движения декабристов.

В этом отношении исключительно большое значение приобретают указания В. И. Ленина о том, что «период дворянский» отнюдь не завершился 1825 годом, а, примерно, лишь начинался этим временем и продолжался вплоть до 1861 года.

В недрах «дворянского» периода намечались условия и возможности чрезвычайно сложных и в то же время глубоко знаменательных процессов личной эволюции того или иного деятеля, связанного с классом дворян и помещиков. Путь Герцена, которого В. И. Ленин рассматривал в качестве одного из самых выдающихся деятелей дворянского периода, в этом отношении чрезвычайно показателен.

Особенная трудность изучения русской действительности этого времени заключается в том, что Николай I и его правительство приняли все зависящие от них меры, чтобы подавить в русском обществе какие бы то ни было проявления политического протеста. «Моровая полоса, — писал об этом времени Герцен, — идущая от 1825 до 1855 года, скоро совсем задвинется; человеческие следы, замеченные полицией, пропадут, и будущие поколения не раз останутся с недоумением перед гладко убитым пустырем, отыскивая пропавшие пути мысли, которая в *сущности* не прерывалась. Повидимому, поток был остановлен, Николай перевязал артерию, но кровь переливалась проселочными тропинками».²

Освобождению Пушкина из ссылки предшествовала данная им подписка о том, что он обязуется «впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать» (XIII, 284). По поводу обязательств такого рода А. Н. Вульф писал в своем дневнике, что «людей,

¹ «Русский архив», 1870, стб. 1386.

² А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собрание сочинений и писем, т. XIII, 1919, стр. 27—28.

которые решаются ниспровергнуть правительство, по какой бы то ни было причине, удержит ли такое обязательство?».¹

Однако, подписывая обязательство такого рода, Пушкин не делал над собой насилия и ничем не поступался в своих убеждениях. Беседа с Николаем I по возвращении Пушкина в Москву в 1826 году, даже если дошедшие о ней сведения и соответствуют действительности, не противоречит сказанному. Пушкин, несомненно, был бы на площади Сената из чувства дружества и чести, потому что там были все его «братья, друзья, товарищи». Но все развитие исторических, социальных и политических взглядов Пушкина приводило его к убеждению в бесполезности тайных заговоров, не основывающих своей деятельностью на широком народном движении. Тяжелые жертвы, понесенные на площади 14 декабря, лишь укрепляли его в этом убеждении.

Возвращение Пушкина в Москву было воспринято как триумф поэта. «Завидую Москве, — писал Пушкину В. В. Измайлов. — Она короновала императора, теперь коронует поэта» (XIII, 297). «Сочинений ваших, — писал Пушкину Бенкендорф, — никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры. . .» (XIII, 298). Пушкин, на первых порах, воспринимал эти слова как гарантию свободы поэта. Это продолжалось, однако, недолго.

Письмо Бенкендорфа от 22 ноября 1826 года отнимало у Пушкина право читать кому бы то ни было новые произведения без предварительной цензуры царя. В конце 1826 года Бенкендорф в отзыве о пушкинской записке «О народном воспитании» четко определил — от имени царя — идеологические границы как творчества, так и всей деятельности Пушкина: «... принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти. . .» (XIII, 315). На этот отзыв Пушкин откликнулся в конце 1827 года в неожиданном контексте стихотворения «Друзьям», где в строфе, передающей советы «лукавого льстеца» царю, почти дословно изложено содержание приведенного выше отзыва Бенкендорфа о вреде просвещения:

Он скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Фактическое запрещение «Бориса Годунова» и политические выводы, сделанные царем и Бенкендорфом из пушкинской

¹ «Пушкин и его современники», вып. XXI—XXII, 1915, стр. 2.

записки «О народном воспитании», положили предел каким бы то ни было иллюзиям.

В связи с поездкой Пушкина в действующую армию в 1829 году, «Северная пчела», несомненно по инициативе III Отделения, неоднократно и довольно прозрачно намекала Пушкину о том, что от него ожидают произведений, которые воспевали бы военные действия Николая I. Пушкин прекрасно понимал, чего от него требовали. Незначительное количество небольших и случайных по своей тематике стихотворений, опубликованных им в связи с этой поездкой, — таков был его ответ на произведенное давление.

С разгромом декабризма освободительное движение не приостановилось, а продолжало расти и углубляться. Дело декабристов продолжали и Герцен, и Огарев, и Белинский, и братья Критские, и Сунгуров, и многие другие, не оставившие своего имени в истории.

Жестокие разочарования выпали на долю этого поколения, громадные трудности встали на его пути. Полежаев был отдан в солдаты, Белинский и Лермонтов исключены из университета, арестованы Герцен и Огарев, разгромлен и сослан кружок Сунгурова.

«После декабристов, — писал Герцен, — все попытки основывать общества не удавались, действительно; бедность сил, неясность целей указывали на необходимость другой работы, — предварительной, внутренней».¹

«Порой великих разочарований» назвал это время Чаадаев в письме к Пушкину и признавался, что даже самый почерк последнего напоминал ему «время, которое, правда, немного стоило, но все же было не лишено надежд» (Пушкин, XIV, 225, 437). Возобновившееся на рубеже 30-х годов общение с Чаадаевым напоминало и самому Пушкину время, которое «было не лишено надежд». Но и Чаадаев и Пушкин видели невозможность искусственной гальванизации старых надежд в той форме, какая была для них естественной в начале 20-х годов.

И Чаадаев и Пушкин, каждый в соответствии со своими идеологическими традициями, искали новых путей духовной жизни и деятельности, которые могли бы обеспечить в новое время сохранение преемственности со старым и намечали бы перспективы движения к будущему. В этом отношении Чаадаев возлагал большие надежды на Пушкина, не совсем,

¹ А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собрание сочинений и писем, т. XII, 1919, стр. 135.

однако, понимая особенности позиций последнего в новое время.

События во Франции приковывали всеобщее внимание. Молодое поколение Герцена—Огарева воспринимало их в аспекте революционной романтики. В ореоле романтики революции воспринимал эти события и шестнадцатилетний Лермонтов.

Далеко не таким было отношение к этим событиям со стороны Пушкина.

После окончательного закрепления победы французской буржуазии явной и очевидной становилась буржуазная сторона нового порядка во Франции. Все более и более отчетливо выявлявшийся буржуазный характер новой западноевропейской демократии, бесчеловечной в своем открытом цинизме эксплуатации и накопления, вызывал резко отрицательное отношение к себе со стороны Пушкина.

Все эти события, так же как и напряженная обстановка в самой России, неизбежно приводили Пушкина к необходимости переоценки целого ряда положений, казавшихся незыблемыми ранее и обнаруживших свою несостоятельность в новых условиях. Так, борьба с абсолютизмом, которая совсем еще недавно заставляла передовых представителей дворянской интеллигенции идти на жертвенный подвиг во имя народа, — в обстановке 30-х годов приводила в Европе к победе крупной буржуазии и к неограниченной власти нового хозяина жизни — «аристократии богатств»: «С изумлением увидели, — писал Пушкин, — демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к дольству...» (XII, 104).

Между тем и сама Россия начинала быстро двигаться по пути капиталистического развития. Ярким свидетельством возникновения и стремительного развития новых общественных отношений и складывавшихся на их основе новых характеров и типов являлась трактовка их в русской литературе 30-х годов. Таков Герман в «Пиковой даме» (1833) — «человек без нравственных правил и без веры», с профилем Наполеона и душой Мефистофеля, идущий на все ради достижения одной цели в жизни — денег, богатства. Характерен для этого времени и план обогащения, осуществляемый Чичиковым, путем превращения в меновую стоимость «неосязаемого чувством звука», по его выражению, т. е. имен давно умерших крестьян, скупаемых им у разоряющихся помещиков.

Исключительно сложной в период 30-х годов была и система пушкинских воззрений на крестьянство. При этом следует подчеркнуть, что характер попыток разрешения Пушкиным проблемы крестьянства в 30-е годы во многом был обусловлен особенностями данного периода исторического развития России. Характеризуя крепостную эпоху (1827—1846), В. И. Ленин писал: «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бесильных без поддержки народа».¹

Связывая движение Пугачева с предшествовавшим движением Разина и с последовавшими крестьянскими волнениями 1830—1831 годов и устанавливая историческую закономерность всех этих движений, свидетельствовавших о коренном несоответствии существующего строя основным жизненным интересам народа, Пушкин вместе с тем видел и определенную закономерность в том, что все без исключения попытки крестьянства бороться за свое освобождение неизменно завершались тяжелым его поражением.

В этом отношении глубоко знаменательны суждения В. И. Ленина о характере и закономерности эволюции Герцена: «Он (Герцен, — Б. Г.) покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к „верхам“». И далее: «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма».²

Непосредственно к этому кругу проблем в системе пушкинских социальных воззрений и исканий 30-х годов примыкала и проблема дворянства, в той ее специфической трактовке, какая была характерна для Пушкина этого периода. Уже в самой трактовке этой проблемы содержался несомненный оппозиционный момент по отношению и к новой придворной «аристократии», и к «аристократии богатств», и к самой монархии Николая I.

Ценнейшие данные для понимания особенностей общественного положения Пушкина в 30-е годы и изучения его жизни и творчества в этот период дает дневник Пушкина 1833—1835 годов. Этот дневник в его полном виде не был известен дореволюционным исследователям и публиковался лишь в отрывках. Подлинная рукопись пушкинского дневника лишь

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 294—295.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 12, 14.

в 1921 году была передана внуком поэта А. А. Пушкиным в Б. Румянцевский музей и полностью опубликована в 1923 году.

Самому решительному и коренному пересмотру подверглась за советские годы традиционная для дореволюционного пушкиноведения оценка круга сложнейших проблем, связанных с дуэлью и смертью Пушкина. Изучение недоступных для дореволюционной литературной науки материалов и документов государственных и частных архивов заставляет говорить о гибели Пушкина не как о семейной драме, но как о глубокой социально-политической трагедии. Еще далеко не все стороны этой трагедии изучены с достаточной полнотой, но зловещая роль Николая I в гибели Пушкина становится все более очевидной.

Тщательное и систематическое изучение ряда документов и материалов этого порядка вносит много нового в наши представления о последнем периоде жизни Пушкина и говорит о том, что почва, на которой возникла и развилась последняя трагедия Пушкина, приведшая его к гибели, подготавливалась исподволь и что одним из серьезных моментов, во многом обусловивших развертывание дальнейших событий в определенном направлении, явилось начавшееся с лета 1831 года вынужденное общение Пушкина с царским двором и придворными кругами.

Пушкины переехали из Москвы в Царское село 25 мая 1831 года, а уже 13 июля этого же года Н. Н. Пушкина в письме к своему деду А. Н. Гончарову писала: «Я не могу спокойно прогуливаться по саду, так как узнала от одной из фрейлин, что их величества желали узнать час, в который я гуляю, чтобы меня встретить. Поэтому я и выбираю самые уединенные места».

В том же письме Н. Н. Пушкина рассказывала уже и о том, что одной из придворных дам, княгине Н. В. Кочубей, было поручено передать ей, «что ее величество желает меня видеть». Уже и тогда Н. Н. Пушкина почувствовала неудобство того, что представляться она должна будет одна, так как сам Пушкин в то время еще не имел придворного звания: «Я выразила княгине свое смущение, как мне явиться ко двору одной...».¹

Логическим следствием всего этого и явилась запись в дневнике Пушкина от 1 января 1834 года: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим ле-

¹ Пушкин. «Летопись Государственного Литературного музея», кн. 1, М., 1936, стр. 415. Подлинник на французском языке.

там). Но двору хотелось, чтобы Н.<аталья> Н.<иколаевна> танцевала в Аничкове». 17 января Пушкин записывает: «Гос.<ударь> мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его». А уже 10 мая этого же года, в связи с распечатанным полицией на Московской почте письмом Пушкина к жене, Пушкин с горечью писал: «Г.<осударю> неужодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию. — Но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя небесного». Придворную среду, в которой вынужден был теперь возвращаться Пушкин, и ее нравы сам Пушкин в этой же дневниковой записи характеризовал так: «Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю. . . , и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина!» (XII, 318, 319, 329). Стараясь определить гарантии своей личной независимости в условиях конца 20-х — начала 30-х годов, Вяземский писал А. И. Тургеневу 1 марта 1829 года: «Чтобы не быть вне закона, то есть не давать на себя права каждому прохожему кидать в меня на улице камнями, как в бешеную собаку, я даже предал на произвол обязать меня службою, какою хотят. . . Кто-то мне говорил: лучшее средство быть свободным под Самовластием есть служить Самовластии».¹

Однако то, что было возможным для Вяземского этих лет, оказалось невозможным для Пушкина. Уже в середине 1834 года он пришел к выводу: «я не должен был вступать в службу» (XV, 156). Ощущение духоты окружавшей его среды приводило Пушкина к одному, наиболее характерному для этих лет желанию: «Ух кабы мне удрать на чистый воздух» (XV, 159).

Посетивший Пушкина в том же году А. Н. Вульф записал в своем дневнике: «Самого. . . поэта я нашел. . . сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева. . . Он говорит, что он возвращается к оппозиции. . .». Подвергая сомнению возможность последнего для Пушкина, Вульф заметил, что «это едва ли не слишком поздно; к тому же ее <оппозиции> у нас нет, разве только в молодежи».² Однако А. Н. Вульф слишком упрощенно понял слова Пушкина, которые, конечно, соответствовали действительности. Оппозиции, в форме тайных

¹ Архив братьев Тургеневых, вып. 6, 1921, стр. 74.

² Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 208.

обществ, какая существовала во времена декабристов, в 30-е годы, конечно, быть не могло, да Пушкин и не прикнул бы к ней, ибо путь заговоров давно уже перестал для него существовать. Пушкин имел в виду оппозицию иного рода, определяющуюся глубочайшим чувством отчуждения от среды, в которой он принужден был находиться. Оппозиция такого рода была характерной для подавляющего большинства передовых людей эпохи и проявлялась в самых разнообразных формах.

«В продолжении десяти лет, — писал Герцен о периоде 1826—1836 годов, — умственная деятельность не могла обнаружиться ни одним словом. . .

Иные отказались от своих богатств. . . и отправились на чужбину искать себе рассеяния; другие, неспособные переносить духоту петербургского воздуха, закопали себя в деревнях».¹

И то, и другое было выражением оппозиции, в формах, допускавшихся временем. «Дай бог тебя мне увидеть здоровою. . . , — писал Пушкин жене 18 мая 1834 года, — да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино. . . » (XV, 150). Как известно, и этот выход для Пушкина был заказан.

Об этой скрытой оппозиционности Пушкина прямо и недвусмысленно говорил такой злейший враг поэта, как шеф жандармов Бенкендорф, не прекращавший тайной слежки за каждым словом и движением Пушкина до самой его смерти. В своем «Отчете о действиях корпуса жандармов» за 1837 год Бенкендорф докладывал Николаю I: «В начале сего года умер, от полученной на поединке раны, знаменитый наш стихотворец Пушкин. — Пушкин соединял в себе два отдельных существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. — Осыпанный благодеяниями государя, он однако же до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъятии оных».²

Целый ряд обнаруженных в послереволюционный период новых материалов и документов, ставших достоянием науки, все более и более проясняет зловещую роль, какую сыграл в последней трагедии Пушкина Николай I. К числу докумен-

---

¹ А. И. Герцен. Русский народ и социализм. Полное собрание сочинений и писем, т. VI, 1919, стр. 460.

² П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, М.—Л., 1931, стр. 148.

тов такого рода следует отнести и обнаруженную П. Е. Щеголевым интереснейшую запись в камер-фурьерском журнале о состоявшемся тайном свидании Николая I, Бенкендорфа и Пушкина днем 23 ноября 1836 года, вскоре после получения Пушкиным и его знакомыми анонимных писем. «У нас не было никакого представления, — пишет по этому поводу П. Е. Щеголев, — об этом свидании в неурочное время поэта с царем в присутствии шефа жандармов. Никто из трех лиц, беседовавших в 4-м часу дня 23 ноября 1836 года в царском кабинете, в Зимнем дворце, не проговорился ни одним словом об этом свидании, и если бы беспристрастный камер-фурьер не записал о нем в свой журнал, тайна свидания сохронена была бы на век». «Во всяком случае, — делает вывод П. Е. Щеголев, — беседа втроем была чрезвычайно интимна, и никто из присутствовавших не проронил о ней ни слова. Но с полной уверенностью можно теперь утверждать, что Николай не был неосведомленным относительно происходившего: наоборот, он знал о деле Пушкина больше, чем его друзья, Жуковский и Вяземский».¹

Заслуживают внимания при изучении последнего периода жизни Пушкина и многочисленные отклики на его смерть со стороны иностранных дипломатов, аккредитованных при императорском дворе в Петербурге.

Вюртембергский посол в Петербурге кн. Гогенлоэ-Кирхберг доносил своему правительству 9/21 февраля 1837 года: «... Пушкин попрежнему оплакивается своими многочисленными друзьями, и по этому грустному поводу глаз стороннего наблюдателя мог убедиться еще раз, насколько сильна и могущественна чисто русская партия, к которой принадлежал Пушкин».² Он же в специальной заметке о Пушкине писал: «Пушкин, представитель слишком передовых для строя своей родины взглядов, был на разные лады судим своими соотечественниками, чему следует приписать эту разницу в чувствах к человеку, жизнь которого всегда была общественною... Пушкину не трудно было возбудить против себя недовольство власти, ибо дух и направление его произведений давали слишком много поводов для доносов врагов. Вот настоящие причины того недоброжелательства, которое известная часть дворянства (особенно та, которая занимала видные посты в госу-

¹ П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, изд. 3-е, М.—Л., 1931, стр. 145, 146.

² П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е, М.—Л., 1928, стр. 389.

дарстве) питала к Пушкину при его жизни и которое отнюдь не исчезло с его смертью».¹

Германский дипломат Либерман доносил своему правительству: «... я знаю положительно, что под предлогом пылкого патриотизма в последние дни в С.-Петербурге произносятся самые странные речи, утверждающие между прочим, что г. Пушкин был чуть не единственною опорой, единственным представителем народной вольности, и проч. и проч., и меня уверяли, что офицер, одетый в военную форму, произносил речь в этом смысле, посреди толпы людей, собравшихся вокруг тела покойного в доме, где он скончался».² Сам Геккерен писал барону Верстолку 2/14 февраля: «Смерть г. Пушкина открыла, по крайней мере, власти существование целой партии, главой которой он был, может быть, исключительно благодаря своему таланту, в высшей степени народному. Эту партию можно назвать реформаторской: этим названием пользуются сами ее члены. Если вспомнить, что Пушкин был замешан в событиях, предшествовавших 1825 году, то можно заключить, что такое предположение не лишено оснований».³ М. Г. Франш-Денери в письме к герцогу де Блака от 28 февраля 1837 года писал из Берлина: «Я имел честь сообщить Вам недавно о несчастной дуэли между г. Дантесом и поэтом Пушкиным; последний находился во главе русской молодежи и возбуждал ее к революционному движению, которое ощущается повсюду, с одного конца земли до другого».⁴

Изучение жизни и творчества Пушкина развивается в наше время такими темпами, что даже изданные в сравнительно недавнее время биографические труды о Пушкине в настоящее время требуют значительных уточнений и дополнений.

Современное состояние изучения всех доступных нам материалов о Пушкине обеспечивает все предпосылки для создания полной и подлинно научной биографии Пушкина.

К числу таких предпосылок, в первую очередь, относятся завершающаяся в настоящее время работа по составлению исчерпывающе полной, в границах дошедших до нас материа-

¹ Там же, стр. 391, 392.

² П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3-е, М.—Л., 1928, стр. 407.

³ Там же, стр. 327.

⁴ Там же, стр. 350.

лов, «Летописи жизни и творчества Пушкина» и уже законченная, в связи с изданием академического юбилейного Полного собрания сочинений Пушкина, работа по определению, прочтению и опубликованию всего корпуса дошедшего до нас рукописного наследия великого поэта.

Создание полной научной биографии Пушкина — безотлагательный долг нашего литературоведения перед советской культурой.

Б. С. МЕЙЛАХ

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

В дни пушкинского юбилея 1949 года советская печать и общественность справедливо отметили достижения советского литературоведения в изучении жизни и творчества Пушкина. Наша советская наука очистила образ Пушкина от «красок чуждых», которые накладывало на него буржуазно-дворянское литературоведение. На протяжении более тридцати послеоктябрьских лет велась острая борьба против всякого рода фальсификаций пушкинского наследия: буржуазно-либеральных, космополитических, формалистских и вульгарно-социологических. Советские ученые, на основе марксистско-ленинской теории, стремились раскрыть громадное значение Пушкина в истории культуры и литературы, в развитии революционного движения и передовой общественной мысли, значение пушкинского наследия для нашей, социалистической эпохи.

Лет пятнадцать назад, в середине 30-х годов, перед нашей наукой еще стояла задача создания биографии Пушкина; тогда не было ни одной биографии, которую можно было бы рекомендовать советскому читателю. Теперь у нас имеется ряд биографий Пушкина разного типа. Давно ли еще отсутствовали на книжных полках такие издания, как научно проверенный однотомник сочинений Пушкина или как комментированное массовое издание всех произведений Пушкина? Теперь мы такие издания имеем. За последние годы вышел ряд новых исследований о жизни и творчестве Пушкина. Высокого признания — Сталинской премии — удостоена монография Д. Д. Благого «Творческий путь Пушкина». Однако, в сравнении с теми громадными и справедливыми требованиями, которые предъявляет к литературоведению социалистическая современность, работа в области изучения жизни и творчества

Пушкина должна быть значительно расширена и улучшена. Мы еще в большом долгу перед читателями.

Огромное значение для дальнейшего подъема всей советской науки, и в том числе для литературоведения, имеют гениальные работы товарища Сталина о марксизме в языкознании. Эти труды являются ориентиром в разработке сложнейших вопросов литературоведения, мощным орудием борьбы со всякого рода вульгаризациями. Грубое искажение марксизма, которое марровцы проводили в области языка, имеет место в трактовках роли и значения Пушкина. Именно рапповским, пролеткультовским подходом к классическому наследию были продиктованы всякого рода «теории» о том, что Пушкин «устарел», что, будучи дворянином, он не мог выйти за рамки узко классовых интересов и т. п. В одной из учебных программ по литературе, выпущенных в 1928 году, содержался такой тезис: «Пушкин, отражая тенденции экономики России в период падения хлебных цен, принадлежал к дворянам, стремившимся к формам буржуазного землевладения». Конечно, теперь такого рода вредные пошлости больше не повторяются. Но это не значит, что мы должны ослабить борьбу с пережитками всякого рода вульгаризаторских взглядов. Напротив, это говорит о том, что мы должны учитывать возможность рецидивов неправильного, искажающего пушкинское наследие подхода. Вульгаризаторы от литературоведения, зачеркивая роль Пушкина для нашей современности, доходили и до полного отрицания значения пушкинского языка: ведь, по утверждению Н. Я. Марра, литературный язык, существовавший до 1917 года, «по содержанию своему не отвечает потребностям строящегося социализма, а по форме находится в противоречии с мышлением пролетарских трудящихся масс». Работы товарища Сталина о марксизме в языкознании полностью разоблачили вреднейший смысл этой и всякой иной вульгаризации марксизма. Являясь высочайшим образцом творческого марксизма, сталинские труды направляют советских ученых на разработку существеннейших, коренных научных проблем, выдвигают перед нами необходимость усиления борьбы за глубокое внедрение маркистско-ленинской теории в науку.

В наше время Пушкин приобрел действительно всенародную популярность. В этом выражено на деле ленинско-сталинское отношение к культурному наследию прошлого, неустанные заботы большевистской партии о духовном росте советского народа, о развитии русской культуры и культуры братских народов.

Поистине грандиозный размах получило празднование в 1949 году Пушкинского юбилея — 150-летия со дня рождения Пушкина. В дни юбилейных торжеств с особой очевидностью обнаружился весь вред и вместе с тем все ничтожество имевших ранее место попыток буржуазных ученых очернить прекрасный облик великого русского поэта, представить его подражателем западноевропейским писателям, превратить его из протестанта и непримиримого врага угнетения и рабства в либерала, который якобы только и думал о том, как примириться с царским самодержавием.

Мы живем в такое время, когда Пушкина изучают не только специалисты или «любители», но и весь народ. Разве не волнующим является факт проведения многих пушкинских конференций на заводах и в колхозах, где доклады о поэте делали рабочие, рядовые колхозники, советские и партийные работники. Посмотрите книгу отзывов Всесоюзного Пушкинского музея — сколько там ценных замечаний, обнаруживающих прекрасную осведомленность рядовых посетителей в биографии и творчестве Пушкина. Характерно, например, то, что именно *массовый* зритель отверг натуралистическую картину художника Лактионова «Пушкин в Михайловском», которую кое-какие «знатоки» пытались выдать за подлинное произведение реалистического искусства.

Такая же проверка жизнью, проверка мнением народа происходит и в пушкиноведении.

Вспомните вызвавшее большой общественный резонанс письмо двух шахтеров В. М. Молотову в 1936 году о текстах Пушкина.¹ В этом письме рабочие писали товарищу Молотову, что в новом издании Пушкина, по их мнению, имеются искажения. В стихотворении «К Чаадаеву» вместо «Заря пленительного счастья» они прочли «Звезда пленительного счастья» и вместо «тихой славы» — «гордой славы». Их встревожили эти разночтения, и они обратились к товарищу Молотову, учитывая, что издание Пушкина — мероприятие государственного значения. Тогда была произведена серьезная проверка этих фактов. Правда, оказалось, что искажений в данном случае не было, разночтения были основаны на более достоверных, чем в предыдущих изданиях, текстах. Но тем не менее самое обращение рядовых рабочих-читателей к В. М. Молотову по этому поводу чрезвычайно знаменательно.

Мощный рост нашей культуры, как культуры народной, действительно изменил требования к типу научного работника,

¹ Письмо опубликовано в «Литературной газете», 1936, № 71.

к типу научной работы вообще и также, конечно, к работе пушкиноведческой. Безвозвратно прошло то время, когда пушкинисты, по словам Анненкова, представляли собой целую «школу... археологов...», которые, освободив себя от труда мышления, заменили его трудом простого собирания документов... перечета отметок... на различных актах и тому подобными предварительными работами...».¹ Конечно, было бы неверным отрицать значение работников, специально занимающихся предварительным процессом элементарного накопления и обработки фактов, библиографией и т. п. Но сейчас пушкиноведение прочно встает на тот путь, который характерен для нашего советского литературоведения вообще, — это путь соединения теории литературы, истории литературы и критики с использованием всех вспомогательных дисциплин, включая источниковедение, текстологию и т. д. Нам нужны работы, где литературовед, вооруженный марксистско-ленинской методологией, владеющий историко-литературными фактами и всей богатой филологической техникой, изучает литературные явления в процессе развития, выясняет их значение в прошлом и их ценность для современности.

Ленин писал: «Максимум марксизма = максимум популярности и простоты...».² Конечно, жанры специального литературоведческого исследования и, скажем, массовой научно-популярной брошюры имеют свою специфику. Но, во-первых, простота изложения не противоречит глубине исследования, а должна являться одним из неперенных условий ее. Во-вторых, мы не можем не считаться с тем, что и специальная литературоведческая работа интересует широчайшие читательские круги. Уже одно это требует отказа от всякого рода искусственной усложненности, от длинных экскурсов на незначительные темы, уводящие от основных задач пушкиноведения, наконец, отказа от литературоведческого жаргона, засоряющего язык. Вместе с тем нужно бороться и со всякого рода невежественными попытками некоторых горе-литераторов судить и рядить о Пушкине без знания огромного материала, накопленного советской наукой. Такого рода литераторов наша печать подвергала справедливому осуждению.

Прежде чем перейти к проблемам советского пушкиноведения, следует кратко сказать об одном выдающемся событии в пушкиноведении — о завершении академического 16-томного «Полного собрания сочинений» Пушкина. Впервые в истории

¹ «Вестник Европы», 1881, кн. 2, стр. 915.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. XXX, изд. 3-е, стр. 331.

пушкиноведения здесь прочтено все рукописное наследие Пушкина до последней строки, до последней буквы, включая самые сложные черновики, многократно перечеркнутые, те, которые раньше считались невозможными для прочтения.

В результате этой работы мы имеем громадный новый материал по истории Петра, новые материалы по истории Пугачева. Мы имеем замечательный том вариантов прозы, который расширяет наши знания о Пушкине-прозаике.

В этом издании, несомненно, сказались правильность общих принципов нашей советской текстологии, которая исходит не из формальной транскрипции текстов, а из необходимости раскрыть замысел произведения. Как показала практика, одного только умения хорошо читать трудный почерк недостаточно для текстолога: громадное значение имеет его методологическая вооруженность. Текстология — это не «чистая», «беспартийная» наука. Достаточно указать на примеры работ таких текстологов-пушкинистов, как Анненков или Шляпкин, чтобы стало ясно, что они вносили свои идеологические интересы и в эту, казалось бы, специальную отрасль изучений литературного наследия. В советской текстологии правильное понимание идейно-творческой эволюции Пушкина помогло очистить его тексты от всякого рода искажений и вскрыть ряд ранее непонятых и нераскрытых замыслов.

Однако, говоря о громадном значении академического издания, надо сказать и о больших его недостатках. Прежде всего недостатком этого издания, который значительно его обесценивает, является то, что в нем нет комментариев. Я не говорю об историко-литературных комментариях, которые с большей или меньшей легкостью всегда можно восполнить.

Речь идет о другом. Дело в том, что в этом издании даются новые чтения целого ряда текстов, даны новые даты многих произведений, а между тем, ввиду отсутствия комментариев, эта работа осталась зашифрованной не только для грядущих поколений ученых, но и для современного исследователя. Каждый, кто захочет узнать, почему в том или ином случае выбран именно данный, а не иной текст, почему указана данная дата, должен проделать заново всю работу, т. е. самостоятельно обосновать мотивы, по которым здесь воспроизведены новые редакции текстов и указаны новые датировки.

Мне кажется, что на этой конференции нужно предложить, чтобы, в дополнение к академическому изданию, были изданы специальные комментарии, в которых должны быть даны обоснования текстов и датировок. Без этого нельзя считать это издание завершенным.

Следует отметить, что в академическом издании имеется немало спорных решений ряда текстологических вопросов, имеются и ошибки. Это издание, при всех его достоинствах, конечно, не снимает ряда текстологических проблем пушкиноведения. Необходимо дальше усовершенствовать способы воспроизведения вариантов с тем, чтобы они в большей степени передавали движение творческого процесса Пушкина, были доступнее для читателя. В дальнейшем мы, конечно, еще вернемся к обсуждению академического издания и к вопросу о развитии пушкинской текстологии.

Перехожу к проблемам изучения мировоззрения и творчества Пушкина.

Тема моего доклада является очень широкой и требует ограничений. Поэтому в нем ставятся только некоторые из большого количества вопросов пушкиноведения. Моя задача несколько облегчается тем, что остальные доклады, включенные в программу конференции, охватывают в той или иной степени важные проблемы пушкиноведения.

Главной задачей пушкиноведения является всестороннее освещение роли и значения Пушкина в развитии передовой русской национальной культуры, раскрытие его самобытности и своеобразия. В этой связи особо важной проблемой является изучение языка Пушкина, ибо, как указал товарищ Сталин, «национальный язык есть форма национальной культуры».¹ Без понимания принципов разработки и использования Пушкиным богатств общенародного языка — этого, по определению Горького, «первозлемента» литературы, без исследования роли Пушкина в истории русского литературного языка нельзя понять и всего значения деятельности великого русского национального поэта. Классические работы товарища Сталина представляют собой основу для разработки этих проблем во всей полноте.

В своем труде «Относительно марксизма в языкознании» товарищ Сталин пишет:

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык,

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат. 1950, стр. 21. (Дальше нами указываются только страницы этого издания).

то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина» (стр. 9).

Из этого положения товарища Сталина следует, что язык Пушкина является основой современного литературного языка. Товарищ Сталин разбил антимарксистскую теорию Марра о классовости языка и указал, что «... везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения» (стр. 12). В. И. Ленин писал о необходимости составить словарь «современного (от Пушкина до Горького) русского языка».¹ Отсюда следует необходимость для нашей науки всесторонне изучить в свете сталинских работ роль Пушкина в развитии русского литературного языка не только в историческом аспекте, но и с точки зрения сегодняшнего дня.

В свете сталинских работ следует всесторонне раскрыть сущность того исторического этапа развития русского литературного языка, который воплощен в творческой деятельности Пушкина. Нередко можно было встретить такие толкования роли Пушкина, согласно которым до Пушкина литературного языка не существовало, или утверждение о том, что Пушкин создал новый язык, противоположный якобы существовавшему дворянскому языку. В свете работ товарища Сталина очевидна неправильность таких трактовок.

Товарищ Сталин пишет, что «... развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка» (стр. 27). В развертывании и совершенствовании основных элементов общенародного, национально-самобытного русского языка и заключалась великая историческая заслуга Пушкина (а не в том, что он якобы создал новый язык). Из высказываний самого Пушкина следует, что он понимал задачу развития русского языка не путем уничтожения старого и построения нового, а на основе сближения языка, закрепленного в «книжной словесности», с находящимся в постоянном движении разговорным языком народа. «Письменный язык, — писал Пушкин, — оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 416.

в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка».¹

Верное решение вопроса о взаимоотношении народного и литературного языка указал Горький:

«Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, „сырой“ язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его».²

Историческая роль Пушкина, как основоположника современного русского литературного языка, заключается в том, что он закрепил и разработал в литературе общенациональную норму русского языка, обогатил достижения предшествующих ему выдающихся русских писателей сокровищами живой разговорной речи народа, закрепил в литературе правильное понимание многих слов и терминов. Выполняя эту грандиозную созидательную работу, Пушкин боролся против попыток реакционных групп дворянства извратить, задержать развитие русского литературного языка.

На основе трудов товарища Сталина о марксизме в языкознании необходимо внимательно исследовать роль Пушкина в той острейшей борьбе по вопросам о путях развития русского литературного языка, которая развернулась в первой трети XIX века. Эту борьбу, сложную и противоречивую, необходимо раскрыть, руководствуясь положением товарища Сталина о том, что «... язык и законы его развития можно познать лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка» (стр. 22). Товарищ Сталин показал, что язык, как средство общения людей в обществе, одинаково обслуживает все классы общества, но отдельные социальные группы не безразличны к языку. Известно, что в вопросах о путях развития языка всегда проявлялись интересы различных социальных сил. В эпоху Пушкина с особенной яркостью проявилось отмеченное И. В. Сталиным стремление отдельных социальных групп «... использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения». Товарищ Сталин указывает далее, что «... осо-

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 96. В дальнейшем цитируется это издание (т. I—XVI, 1937—1949).

² М. Горький. О литературе. Изд. 3-е, М., 1937, стр. 220.

бенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются „классовые“ диалекты, жаргоны, салонные „языки“» (стр. 13).

В начале XIX века в России дворянская аристократия, оторвавшаяся от народа, стремилась использовать язык в своих интересах, пыталась всячески воспрепятствовать тому, чтобы литературный язык служил оружием борьбы за разрушение феодально-крепостнического строя. С этой целью космополитические круги дворянства стремились утвердить в литературе свой салонный жаргон и засорить русский язык иностранными словами, обеднить его словарный состав, исказить правильное понимание важнейших терминов. Другая группа реакционного дворянства — националистическая — пыталась утвердить в качестве литературного языка книжный церковно-славянский, тем самым выступая против «общепонятности» (*Пушкин*) и желая воспрепятствовать обновлению словарного состава русского языка.

Подобные попытки нельзя, разумеется, квалифицировать как создание особого, дворянского, языка. В конечном счете, это были бессильные потуги вытеснить или заменить могучий, богатый русский общенародный, национальный язык жаргоном «для немногих». Несомненно, что все эти попытки были направлены против национально-самобытной русской культуры (формой которой является национальный язык) и мешали развитию литературы по реалистическому пути. Поэтому против псдобных попыток решительно восстали передовые силы общества. В свете работ товарища Сталина очевидно, что основной магистральной линией развития русского литературного языка могла быть только та линия, которая исходила из общенациональной нормы русского литературного языка, которая считала, что литературный язык — это обработанная, наиболее совершенная форма общенародного языка. А этой линии были враждебны и космополитические, и реакционно-националистические группы дворянства.

Огромная историческая заслуга Пушкина заключается в том, что он боролся в вопросе развития литературного языка на два фронта — и против космополитического дворянства, и против лагеря реакционного национализма.

Изучая ход этой борьбы, необходимо осветить исторические события, которые вызвали новые явления в области развития русского литературного языка.

На первое место здесь должно быть поставлено, именно с точки зрения развития литературного языка, такое событие,

как Отечественная война 1812 года. Старая дворянская историография не только игнорировала значение войны 1812 года, но и грубо искажала ее роль. Например, профессор Будде писал, что после 1812 года русское общество переживало сильное увлечение французским языком. Но ведь французофильство может быть отнесено только к дворянской аристократии! Это не значит, что тогда не было общенародного русского языка. Отечественная война 1812 года, в действительности, сыграла огромную роль в сближении языка литературы с разговорным языком народа. На эту тему имеются интереснейшие высказывания современников. Например, участник Бородинского сражения и всего заграничного похода русской армии, член Союза благоденствия, Федор Глинка писал, что литературный слог должен быть понятен не для одних ученых, не для одних военных, но и для людей всякого состояния, ибо «всякие состояния участвовали в славе войны и в свободе отечества». По вопросам языка имеются принципиальные положения и в программных документах декабристов, боровшихся против космополитических извращений языка, против салонного жаргона и против реакционного национализма.

Товарищ Сталин указал, что «классы... иногда по-разному понимают одни и те же слова и выражения» (стр. 40). В этом плане много нового могут дать наблюдения над особенностями семантики пушкинского языка, в частности в области политической терминологии. Пушкин закрепил в литературе враждебное реакционным группам дворянства содержание таких важнейших слов, как «свобода», «просвещение» и другие. Достаточно сравнить понимание таких слов в произведениях, например, Карамзина или Жуковского (не говоря уже о Шишкове), чтобы понять все значение этой стороны деятельности Пушкина.

Работы товарища Сталина являются методологической базой и для изучения индивидуального своеобразия стиля художественных произведений Пушкина, т. е. принципов использования общенародного языка в процессе образного воспроизведения действительности.

Академик В. В. Виноградов, говоря об общих задачах изучения стиля писателя, справедливо отмечает, что «писатель, пользуясь общенациональным языком и его стилистическими средствами, как общим достоянием, силой своего творчества, своего художественного мастерства создает такие языковые ценности, которые могут глубоко войти в сокровищницу общенародного языка. Но, с другой стороны, тот же писатель... может использовать общенародный язык... как средство выражения того или иного мировоззрения. Самый индивидуаль-

ный отбор средств языкового выражения, принципы их концентрации в манере повествования или построения художественных образов, разные способы идеологического освещения или экспрессивной окраски используемого писателем языкового материала могут свидетельствовать о своеобразной мировоззренческой, как говорят некоторые, направленности стиля писателя (и даже целого литературного направления)».¹

Изучение языка Пушкина в литературоведении нельзя отрывать от изучения его творчества. Нам следует изучать этапы развития языка произведений Пушкина в прямой связи с развитием его мировоззрения и художественного метода. По мере того, как принципы реализма и народности все более последовательно воплощались в творчестве Пушкина, он все более глубоко осваивал сокровища народной речи и этим путем добивался безусловного и точного соответствия слов выражаемой мысли. Поэтому, говоря об общих закономерностях взаимоотношения общенародного языка и индивидуально-художественного стиля Пушкина, нужно исходить из рассмотрения этапов его творческой эволюции, связывать изучение *языка*, как материала художественного творчества, с проблемами *стиля*, как определенной идейно-художественной системы.

Все эти и другие вопросы языка и стиля Пушкина, возникающие перед наукой о литературе после появления замечательных сталинских работ о марксизме в языкознании, требуют разработки и широкого обсуждения.² Здесь необходимо объединение усилий литературоведов и лингвистов.

Сталинскими трудами обозначен новый этап во всех областях науки, в том числе в области изучения творчества Пушкина и значения его многосторонней, поистине всеобъемлющей деятельности.

Дальнейшего углубленного раскрытия требует определение Пушкина как родоначальника новой русской литературы, определение, прочно вошедшее в наши работы и в систему преподавания.

Великий подвиг Пушкина заключается в том, что, продолжая лучшие традиции своих предшественников, он создад

---

¹ Академик В. В. Виноградов. Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания. Сб. «Материалы объединенной сессии Отделения литературы и языка Академии Наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР», М., 1950, стр. 20.

² Подробнее вопросы изучения языка Пушкина в свете трудов товарища Сталина поставлены в моей статье «Великий пример» («Знамя», 1951, № 10).

новую литературу, пронизанную идеей протеста против самодержавия и крепостничества, вскрывающую противоречия исторической действительности, основанную на принципах реализма. Этот тезис развивается в ряде работ о Пушкине. Однако в рассмотрении великой исторической роли Пушкина в развитии передовой русской культуры и общественной мысли еще нет той широты взгляда, которую требовали революционные демократы в своих оценках Пушкина. В отзывах классиков русского революционного демократизма дано глубокое определение роли и значения Пушкина. И Добролюбов и Чернышевский оценивали Пушкина как выразителя и крупнейшего деятеля передовой русской национальной культуры, русского национального просвещения. Добролюбов называл Пушкина одним из вождей русского просвещения. В том же плане о громадном значении Пушкина в истории русской образованности говорил и Чернышевский.

Если исходить из этих формулировок, мы должны оценивать деятельность Пушкина во всех областях, которых он касался, как деятельность борца за передовую русскую национальную культуру в самом широком смысле.

Пришла пора подвергнуть анализу в полном объеме огромный энциклопедический охват Пушкиным всех явлений русской и мировой культуры. Ведь не в том дело, чтобы констатировать широту интересов Пушкина, например, отметить интерес поэта к истории, политике, науке. Дело здесь в другом: для Пушкина, как крупнейшего деятеля русской передовой национальной культуры своего времени, синтетический охват всех явлений культурной и общественной жизни был закономерен, необходим. *Художник, мыслитель, политический деятель* — таким является для нас облик Пушкина, и все эти стороны его деятельности находятся в полном единстве. Такое синтетическое изучение роли поэта было не только невозможно для буржуазно-либеральной науки, но прямо ею отрицалось. Известно, например, что Анненков говорил, что Пушкин не был ни мыслителем, ни политическим деятелем или борцом, а «только художником». В советские годы вышла книга Николая Лернера «Проза Пушкина», где он пытался утверждать, что Пушкину было чуждо теоретическое мышление.

Наша задача состоит в том, чтобы всесторонне раскрыть громадное значение Пушкина для России. Нужно в решении этой задачи показать и традиции Пушкина в русской культуре, и почву, на которой он вырос. Компаративистские измышления о том, что Пушкин — выученик Запада, полностью разоблачены.

Что касается отношения Пушкина к западноевропейской культуре, то наиболее четкую формулировку мы находим в докладе К. М. Симонова на торжественном юбилейном заседании в Большом театре СССР 6 июня 1949 года. Вот что говорил Симонов:

«Впитав в себя драгоценные традиции отечественной литературы, обогатившись глубоким знанием отечественной истории, включив в круг своего писательского внимания все достижения мировой литературы, от греков и римлян до современных ему Байрона, Гете и Вальтера Скотта, Пушкин всю свою писательскую жизнь посвятил открытию новых путей для русской, а тем самым и для всей мировой литературы...»

Он был во всем самобытен и самостоятелен не только как великий художественный гений, но и как принципиальный борец за самобытное развитие русской литературы».

Далее, вскрывая смысл враждебных попыток оторвать Пушкина от национальных корней, Симонов сказал:

«Было бы неверно отрицать широкий и пристальный интерес Пушкина к мировой литературе, к Шекспиру, Байрону или Вальтеру Скотту, интерес, о котором он сам без обиняков говорит на страницах своих статей и заметок. Естественно, что великий поэт, находившийся на вершине мировой общественной мысли и культуры своего времени, использовал из богатства мировой культуры все то, что казалось ему полезным и нужным для роста и развития отечественной литературы, для собственного могучего развития.»

«Но разве Пушкин велик тем, что на него в то или иное время, в той или иной степени повлиял тот или иной писатель?»

«Он велик тем, что он сам влиял на передовых читателей современного ему русского общества, влиял на десятки и сотни миллионов русских людей на протяжении многих поколений, вплоть до наших дней, влиял на великую русскую и на мировую литературу».¹

Пушкин велик тем, что по-новому поставил целый ряд вопросов исторического развития, разрабатывая их на материале русской действительности, отражая коренные вопросы русской жизни. Именно потому, что Пушкин разносторонне воплотил в своем творчестве своеобразие русской нации, он стал и поэтом мировым.

Итак, центральной проблемой творческой деятельности Пушкина, которую необходимо всесторонне осветить, является

---

¹ К. Симонов. Александр Сергеевич Пушкин. Изд. «Советский писатель», 1949, стр. 12, 13, 35.

дальнейшее, по сравнению с предшественниками, утверждение им передовой национальной культуры, основанной на слиянии патриотизма и идей политической свободы, раскрытие особенностей русского национального характера, русской истории, «особенной физиономии народа», как говорил Пушкин. В этой своей деятельности он отразил самые коренные жизненно необходимые требования исторической действительности.

Для правильного рассмотрения этого вопроса наше пушкиноведение в последние годы сделало немало.

Здесь прежде всего надо отметить пристальное внимание советских литературоведов к теме «Пушкин и 1812 год». Раньше значение деятельности Пушкина часто рассматривалось в пределах литературы. Но, как отмечал еще Чернышевский, «не книгами... пробуждается дух нации, — он пробуждается событиями».¹ Наше пушкиноведение стремится всесторонне показать громадное определяющее значение 1812 года для формирования и развития мировоззрения Пушкина. Необходимо дальше расширить разработку этого вопроса на основании учения Ленина—Сталина о национально-освободительных войнах.

Сама логика развития национально-освободительной войны такова, что защита родины и борьба за политическую свободу всегда неразрывно связаны. Здесь Пушкин выступает как типичный представитель всего передового поколения своего времени. И в мемуарах и в стихотворениях декабристов мы находим много материалов, которые свидетельствуют о том, что истоки декабристского движения восходят к 1812 году.

Важно подчеркнуть, что именно в эпоху 1812 года и в послевоенные годы перед будущими декабристами с особой остротой встал вопрос о народе, который спас родину от Наполеона, но который остался в цепях крепостного рабства. Как ни далеки были декабристы от народа, им стало ясно, что судьбы государства нельзя решать, не принимая во внимание судьбу народа. В декабристских мемуарах, в декабристских стихотворениях мы видим живое сочувствие угнетенному положению народа.

Основные отличительные идеи свободолобивой политической лирики Пушкина, лозунги «просвещенной свободы», мечты о времени, когда поэт увидит «падшее рабство» и «народ неугнетенный», — все это выражало глубочайшие чаяния всего передового поколения. Но если бы мы остановились

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. IV, 1948, стр. 765.

только на констатации того, что Пушкин и декабристы желали освобождения народа от цепей деспотизма и крепостничества и оставили бы в стороне моменты исторической ограниченности содержания этих идей, то мы отступили бы от основного марксистско-ленинского принципа классового анализа: историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать. На этом вопросе стоит остановиться подробнее, ибо элементы антиисторической идеализации взглядов Пушкина встречаются в различных работах и до сих пор.

Неизмеримо велик бессмертный подвиг Пушкина и декабристов в борьбе против самодержавия и крепостничества. Но, тем не менее, нашей науке предстоит выяснить *степень* представительства Пушкиным и декабристами народных интересов. То обстоятельство, что Пушкин и декабристы были представителями класса дворян, хотя и лучшей, передовой его части, не мог не отразиться на характере освободительного движения. Об этой эпохе В. И. Ленин говорил: «Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильное без поддержки народа».¹ «Ничтожное меньшинство» — это значит, что весь класс в целом не протестовал, а, наоборот, поддерживал самодержавие и крепостничество, являлся социальной базой существовавшего строя. Исторические условия в то время были таковы, что уозсть революционного движения была обусловлена самой эпохой. На этом этапе «лучшие люди из дворян» (по терминологии Ленина²) были представителями народных интересов. Эта небольшая прослойка дворянского класса поняла свою ответственность за положение народа и на деле проявила свое желание, искреннее желание улучшить это положение. Правда, в творчестве Пушкина, отражавшем действительность в ее самых существенных чертах, революционное отрицание и пафос борьбы перекрывали, а зачастую вступали в противоречие с, так сказать, программными политическими установками и оказывались сильнее тех сторон мировоззрения поэта, на которых сказывалась его классовая принадлежность.

Несомненно, что на всем протяжении своего жизненного пути Пушкин был решительным врагом абсолютизма и крепостничества. Вместе с тем мы можем констатировать, что, будучи решительным врагом абсолютизма и крепостничества, Пушкин на всех этапах своей идейной биографии формулировал свое отрицательное отношение к народовластию. Это

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 294—295.

² Там же, стр. 295.

имеет место в оде «Вольность». Он осуждает порядки, «Где иль народу иль царям Законом властвовать возможно». Это имеет место и в таком стихотворении, как «Кинжал», где отрицательное отношение к якобинской диктатуре выражено со всей отчетливостью. Стихия народных мятежей пугала Пушкина, и хотя идеология его изменялась и развивалась, но отрицательное отношение к якобинцам оставалось неизменным. Даже в 30-е годы, когда Пушкин выразил прямое восхищение народной мудростью, бесстрашием, героизмом Пугачева, все же и тогда он высказывал отрицательное отношение к методам крестьянской, плебейской расправы (хотя и считал, что причины восстания коренились в угнетении народа). По мысли Пушкина, выразителем и носителем прогресса (в революционном понимании этого слова) было передовое дворянство, которому, как писал поэт, выпала историческая миссия борьбы за свободу народа, того народа, перед величием которого он преклонялся, которому он посвятил все свои лучшие помыслы и стремления, свой творческий гений.

Отсюда становится понятным, что известные заметки Пушкина, в которых он защищает, по его терминологии, «просвещенное дворянство», являются своеобразным выражением идеи представительства народных интересов. И здесь Пушкин был не одинок: высказывания, близкие к такого рода пониманию роли «просвещенного дворянства», мы находим и у декабристов. Приведем один из наиболее ярких примеров. Нет необходимости говорить о различиях в политических взглядах Пушкина и Пестеля — самого левого из декабристов. Но нельзя в упомянутой выше связи не вспомнить следующие слова Пестеля о дворянстве (в «Русской правде»): «Дворянство есть установление справедливое, когда основанием своего существования имеет услуги, им отечеству оказываемые». Даже говоря о равенстве граждан и равных выборах в республике, Пестель пишет: «дворяне... будут, вероятно, чаще других граждан избираемы, если будут просвещеннее прочих».¹

Пушкин, утверждая, что «просвещенное дворянство» должно быть защитником народных интересов, не без гордости писал: «Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много» (XII, 335). Этот вопрос заслуживает специальной разработки. Мы обычно говорим о «просвещенном дворянстве», когда формулируем политические взгляды Пуш-

¹ П. И. Пестель. Русская правда. СПб., 1906, стр. 194, 217.

кина, но большей частью в общей форме, не расшифровывая конкретного содержания этой формулировки. А важность ее очевидна.

В. И. Ленин, говоря об ограниченности дворянских революционеров, вместе с тем указывал, что все же они были первым поколением русских революционеров, т. е., следовательно, они являлись на данном историческом этапе самыми передовыми представителями общенациональных интересов.

Своеобразие освободительного движения этого времени сказалось и на значении всей разносторонней деятельности Пушкина, в которой нашли свое воплощение самые передовые стремления эпохи. Он был гениальным художником, и логика художественных образов, отразивших самые существенные черты эпохи, зачастую вела его дальше, чем самые левые программы современников.

Выступая ярчайшим представителем народа в борьбе за передовую национальную культуру, Пушкин должен был вступить в борьбу со всеми антинародными, реакционными силами, с самодержавием и с подавляющим большинством класса, к которому принадлежал (ибо по существу протестовало ничтожное меньшинство этого класса).

Буржуазно-либеральное литературоведение фальсифицировало облик Пушкина, утверждало, что он был пассивным художником, далеким от политических боев. Между тем он был *писателем-борцом*: борьба за утверждение национальной литературы и культуры, обличение всевозможных форм угнетения и реакции проходит через весь его творческий путь. Он боролся с галломанами и англomанами, презиравшими свою родину и русский народ, преклонявшимися перед всем иноземным, перед всяким заезжим иностранцем. Но Пушкин боролся и против тех реакционеров, которые спекулировали в корыстных интересах на чувствах народного патриотизма, извращали его, облыжно утверждали, что русский национальный характер выражается якобы в покорности угнетателям, в преданности самодержавию и вражде ко всему новому. Пушкин обличал проповедников человеконенавистничества, реакционного национализма, врагов просвещения, гуманизма.

Если рассматривать деятельность Пушкина в широкой исторической перспективе развития передовой русской литературы и общественной мысли, то ее остремленность и политическая направленность раскроются со все большей и большей полнотой, обнаруживая новые и существенные стороны.

Нашему пушкиноведению необходимо при изучении Пушкина осветить всю сложность исторических условий борьбы за

национальную культуру, которую вел Пушкин. Выяснение общей картины и четкое определение линий этой борьбы являются исключительно важными для изучения Пушкина и его эпохи. Становятся яснее исторические традиции той борьбы двух культур, о которой В. И. Ленин писал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова».¹ Тенденции и элементы этих двух культур отчетливо проявляются и в пушкинскую эпоху. Мы видим среди современников Пушкина предков Пуришкевича и Струве, предков реакционных националистов и буржуазных либералов, видим и людей, которые явились предшественниками революционных демократов. Нужно распутать все эти линии политической борьбы того времени. Когда мы изучаем исторический этап дворянской революционности и отражение его в деятельности Пушкина, нужно помнить, что борьба протекала в период слабого размежевания политических направлений, ибо в эпоху феодально-крепостническую нет еще той четкости размежевания, которая появляется позже, с усилением классовой борьбы и усилением активности самих масс.

Но вот что важно: в сознании Пушкина и людей его круга понятия *русского, национального* отождествляются с понятиями политического прогресса и защиты народных интересов. Все чуждое этим понятиям воспринималось как *антинациональное, антинародное*. Такого рода понимание национальной культуры является одним из следствий национально-освободительного подъема 1812 года.

Исключительно важна в истории русской культуры и литературы борьба Пушкина против реакционного славянофила Шишкова и всей группы «беседчиков» с ее платформой. Эта борьба до сих пор трактовалась только как «полемика о старом и новом слоге». А на самом деле здесь нашла яркое выражение борьба «двух культур».

Поразительна та глубина, с которой еще юный Пушкин разбирался в истинной сущности псевдопатриотических писаний Шишкова и его лживо-лицемерных рассуждений о народной гордости и любви к отечеству. В чем своеобразие позиций Шишкова, которое с особенной яркостью выражало линию одного из мощных направлений реакционного лагеря, особенно опасного именно в силу спекуляции на патриотиче-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 16.

ских чувствах? Понятие национальной гордости, понятие национального Шишков отождествляет с преданностью народа самодержавию и крепостничеству. Существующая в литературоведении путаница с определением литературно-политических позиций Шишкова объясняется рядом моментов. Ссылаются на значение манифестов 1812 года, которые писал Шишков. Но народ вкладывал иное содержание в понятия свободы и национальной гордости, чем Шишков. Нечеткость анализа позиций Шишкова в ряде работ объясняется и следующим обстоятельством: известно, что Шишков вел борьбу с дворянским сентиментализмом, а против дворянского сентиментализма выступил также Пушкин. Но конкретный анализ показывает принципиальное различие этой борьбы даже в частных проявлениях, поскольку Шишков, борясь с Карамзиным, с сентименталистами, исходил из принципа реакционного реставраторства, в то время как Пушкин преследовал цель революционного новаторства.

Борьба против реакционного национализма — это одна линия борьбы, она находит продолжение и в 30-е годы (наиболее ярко — в выступлении Пушкина против Лобанова).

Но была и другая линия борьбы Пушкина за передовую национальную культуру — линия борьбы с откровенными галломанами и англломанами, с людьми, чуждыми и враждебными национальной культуре, с теми, кого Пушкин заклеивал в образах графа Нулина или Корсакова в «Арапе Петра Великого» — тех дворян, о которых он с таким презрением писал в «Рославлеве» и которые, по его словам, считали любовь к отечеству педантством. В этом плане следует рассматривать и борьбу Пушкина против болгаринского лагеря, против тех продажных прислужников реакции, которые исходили из лозунга: «где хорошо, там и отечество».

Резкое размежевание Пушкина с этими двумя враждебными передовой культуре лагерями проявилось в его деятельности с полной отчетливостью. Но нужно также отметить часто скрытое, носившее очень сложный характер, размежевание Пушкина с теми представителями либерального дворянства, для которого «вольнoлюбие» заключалось лишь в фразе, в поверхностной, показной фронде.

Сложность размежевания Пушкина с этим лагерем мнимых «вольнoлюбцев» была тем труднее, что там были люди, с которыми поэт находился в долголетних близких отношениях. Но выяснение расхождения Пушкина с ними особенно важно потому, что является еще одним важным свидетельством органической близости Пушкина именно декабристскому

движению, а никакому иному в той или иной степени оппозиционному движению.

Начало расхождения Пушкина с представителями дворянской фронды восходит к периоду «Арзамаса». По условиям регламента не могу подробно говорить об этом. Напомню только, что «Арзамас» распался после того, как входившие туда декабристы пытались направить эту организацию на путь активной политической борьбы. Характерно, что такая тактика декабристов привела к резкой поляризации сил в этом литературном объединении. Члены тайного общества Н. Тургенев, М. Орлов увидели всю пустоту арзамасской фразеологии, когда нужно было перейти от слов к делу. Когда декабристы заявили о желании перестроить «Арзамас», начались попытки правых арзамасцев отойти от работы, отделаться обычными для собраний этого объединения шутками. Некоторые арзамасцы (например, Северин), как свидетельствуют документы, намеренно старались не присутствовать на заседаниях, где ставились острые политические вопросы.

Расхождение, которое наметилось между декабристами и арзамасцами, было чутко воспринято Пушкиным. Пушкинские отзывы о его арзамасских друзьях говорят об этом со всей очевидностью. Если это до сих пор не было установлено, то лишь потому, что дружественные личные отношения зачастую отождествлялись в литературе о Пушкине с понятием однородности мировоззрения. Но факты говорят об ином. В плане идейном Пушкину были близки по-настоящему, безраздельно люди, которые искренно отстаивали политическую свободу, которые стремились осуществить свои слова в делах.

Тема «Пушкин и декабристы» в основных чертах намечена нашим пушкиноведением верно. Для нас ясно, что Пушкин был друг и соратник декабристов, что деятельность Пушкина и декабристов имеет общие истоки в русской действительности. Но дальнейшая разработка этого вопроса требует более детального изучения соотношений взглядов Пушкина и декабристов. Следует учесть, что среди декабристов были люди различной степени революционности, сторонники как более левых, так и более умеренных программ.

«Пушкин и декабристы после 1825 года» — это другая тема, до сих пор исследователями не развернутая. Советское литературоведение справедливо борется против буржуазной легенды о якобы имевшем место «поправении» Пушкина после 1825 года. Наши советские ученые дали правильную интерпретацию «Стансов». Конечно, «Стансы» отразили иллюзию Пушкина, которого Николай I, лицемерно разыграв-

ший из себя «реформатора», «нового Петра», обманул, как обманул он и декабристов. Чистота субъективных намерений Пушкина, как автора «Стансов», ясна: поэт был убежден, что «уроками царю» содействует «общественному благу» в условиях последекабрьской реакции. В «Стансах» сказалось также просветительское понимание Пушкиным и вопроса о роли личности в истории. Согласно этому пониманию, лицо, обладающее законодательной властью, может по «доброй воле» изменить коренным образом правительственную политику.

Хотя объективно «Стансы» явились ошибкой Пушкина и вызвали известное недоверие к нему в передовых кругах общества (на это указывал Белинский в «Письме к Гоголю»), они не выражают его политическую линию после декабря. Он не отступил от идеалов свободы: стихотворение «Арион» было прямым ответом на обвинения «друзей» («Я гимны прежние пою...»).

В разработке темы «Пушкин и декабристы» имеются некоторые крайности. Если раньше в ряде работ ошибочно говорилось о капитуляции Пушкина перед самодержавием, то в последние годы встречались утверждения, что Пушкин пошел настолько дальше декабристов, что перешел на позиции революционной демократии.

Прежде всего, в каком смысле Пушкин «пошел дальше декабристов»? Ведь сами декабристы, как хорошо известно, не оставались неизменными. О целостном движении декабризма после 1825 года говорить не приходится, оно было разгромлено. Но эволюция декабристов после декабря, с точки зрения их индивидуальной биографии, весьма примечательна. Были среди декабристов впоследствии, как говорили, «благонамеренные» люди, — «протрезвившиеся». Но были и такие, как Горбачевский, который не осквернил свое перо ни одним прошением к властям о каком бы то ни было смягчении своей судьбы, человек, который отказался по амнистии вернуться в Россию. В период «освобождения крестьян» в 1861 году, в то время, когда некоторые участники декабристского движения говорили, что их мечты исполнились, Горбачевский заявил, что это «освобождение» — обман народа. И дальше, если мы возьмем сохранившиеся и дошедшие до нас произведения лучших деятелей декабристских тайных обществ после 1825 года, то мы увидим, что эти деятели эволюционировали в том направлении, что и вся передовая русская общественная мысль.

Проблема народа все более встает перед декабристами. Она отражена, в той или иной степени, и в стихах Одоевского,

и в «Андрее Безымянном» А. Бестужева, и у В. Кюхельбекера в его трагедии «Прокофий Ляпунов».

Рассмотрение эволюции Пушкина на фоне литературно-политической борьбы после восстания декабристов показывает, что, несмотря на свои противоречия, он был выразителем самых передовых общественных сил своего времени.

1825 год был, по сравнению с предшествующими историческими периодами, новым этапом поляризации общественных сил. Представители дворянской фронды, мнимые «вольнoлюбцы», которые раньше грешили вольнолюбивой фразеологией, окончательно капитулировали перед самодержавием. Прочтите последекабрьские письма Жуковского и Карамзина — отклики на восстание: они пронизаны классовой ненавистью к декабристам, среди которых ведь были и коротко знакомые им люди, встречавшиеся с ними на страницах журналов, даже в некоторых литературных собраниях.

Всякого рода иллюзии, которые вспыхивали у Пушкина и нашли свое наиболее полное выражение в «Стансах», — все это выражает не основную линию его развития, а отступление от нее. Основная линия его развития — это послание «В Сибирь», «Арион».

Пора опровергнуть встречающееся иногда утверждение, что после декабрьского восстания Пушкин оказался в полном одиночестве. Нужно суммировать все факты скрытой и явной поддержки Пушкина всем передовым поколением России, поколением, которое продолжало бороться.

С этой точки зрения не изучены достаточно политические процессы 20—30-х годов, даже кружок Критских, даже подпольная поэзия 20—30-х годов, развивавшаяся под прямым влиянием поэзии Пушкина, перепевавшая вольнолюбивые стихи Пушкина, пользовавшаяся его поэтическими лозунгами.

Самым ярким свидетельством верности Пушкина декабристским традициям является теснейшая связь творчества Пушкина с современностью, стремление ответить на коренные вопросы, которые ставила перед ним русская действительность.

Надо сказать, что в наших работах мы много говорим о пушкинской эпохе, когда касаемся проблем, возникавших до 1825 года. Когда же мы переходим к рассмотрению пушкинского творчества *после* 1825 года, то большей частью изучаем произведения Пушкина без привлечения большого фактического материала, характеризующего вторую половину 20-х и 30-е годы. Если пушкинские произведения после 1825 года рассматривать на широком фоне общественно-политической

борьбы, то многое в его эволюции станет более ясным. Станет ясно, что те его произведения, где ставились вопросы крестьянского восстания («Капитанская дочка», «История Пугачева»), являются не только историческими, но и в известном смысле современными ему, т. е. являются попытками разобраться в корнях и движущих силах крестьянских восстаний, бушевавших также в 20-е и 30-е годы. Следует иметь в виду и факты, которые не учтены, которые Пушкин наблюдал, которые лично его задевали. Так, например, после декабрьского восстания, недалеко от Михайловского, произошли крестьянские волнения, носившие весьма острый характер. В одной из деревень Псковской губернии сорок крестьян в течение трех дней выдерживали осаду военной команды. К ним на помощь пришли вооруженные крестьяне. Пушкин не мог этого не знать.

Привлечение таких фактов позволит более конкретно и с большей полнотой понять его жгучую заинтересованность, как художника и мыслителя, в выяснении корней и судеб крестьянского протеста.

Изучение позиций Пушкина в борьбе за передовую национальную культуру и литературу дает основание заключить, что на протяжении всего творческого пути он противостоял и таким идеологам реакционного дворянства, как Шишков и Лобанов, и тем, которых буржуазно-либеральная историография причисляла к сподвижникам Пушкина, к «пушкинской плеяде», но которые в действительности таковыми не являлись.

Нужно разрушить легенду о единстве идейно-политических взглядов Пушкина и людей его ближайшего окружения, с которыми он находился в личной дружбе, — с Вяземским, А. Тургеневым, Жуковским. Пушкин был в идейном родстве с людьми декабристского круга, а не с Вяземским и тем более не с Жуковским, который отрывал поэзию от истоков русской культуры, стремился ослабить революционные порывы Пушкина и примирить его с самодержавием. Мы должны видеть грань, которая проходила между Пушкиным и этими людьми, грань, возникшую еще в «Арзамасе».

В свете этого по-новому встают многие вопросы. Как уже приходилось отмечать, взгляды Пушкина на русскую национальную культуру отличали его даже от таких, в молодости прогрессивных литературных деятелей, как П. А. Вяземский, а тем более — как А. И. Тургенев.

«Однажды Пушкин между приятелями сильно руссофильствовал и громил Запад, — вспоминал Вяземский. — Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятель-

ствам, а частью и по наклонности. Он горячо оспаривал мнения Пушкина. . .».¹

По поводу своих отношений к Пушкину Вяземский говорил: «В политических вопросах мы вообще сходились: разве бывало иногда разномыслие в так называемых чисто русских вопросах».² Это «разномыслие» вскрывается в другом месте в связи с работой Вяземского о Фонвизине: «Между прочим находил он (Пушкин, — Б. М.), что я слишком живо нападаю на Фонвизина за мнения его о французах и слишком горячо отстаиваю французских писателей. При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в отношении суда его над чужестранными писателями».³ Сам же Вяземский так говорит о себе: «Ум мой был воспитан и образован во французской школе. . . , русский ключ. . . пробивался во мне из-под французской насыпи. . .».⁴

Противоречия между Пушкиным, с одной стороны, Вяземским и Жуковским, с другой, постепенно нарастали. Пушкин в 30-х годах еще теснее подошел к коренным вопросам русской национальной истории, он обратился к темам народных восстаний. Вяземский же все дальше отходил от передовой национальной культуры, от родной почвы. Это явилось одной из причин того, что Вяземский быстро эволюционировал в сторону реакции.

Конечно, Вяземский 20-х годов это не то, что Вяземский 30-х годов: в 20-х годах у него были связи с декабристами, его ценили как автора гневно-обличительного стихотворения «Негодование». Но и тогда в его мировоззрении и поведении имелись элементы, предсказывавшие позднего Вяземского. Возмущенное стихотворение Пушкина 20-х годов «Заступники кнута и плети», где подразумевался и Вяземский, не является попросту вспышкой поэта, рассерженного на друзей. Процесс идеологического размежевания, начавшийся еще в период «Арзамаса», достиг наибольшей остроты в 30-х годах.

В 30-х годах Пушкин оказался на рубеже двух эпох: он был связан с эпохой дворянского просветительства и дворянской революционности, разделяя ее слабые и сильные стороны. Но он не оказался человеком, враждебно встретившим (подобно Вяземскому, например) настроения новой эпохи и лю-

¹ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. VIII, 1883, стр. 168.

² То же, т. I, 1878, стр. LVII.

³ Там же, стр. LI.

⁴ Там же, стр. LVIII.

дей нового передового поколения, представителем которого явился Белинский.

Во взглядах Пушкина 30-х годов отразилось все своеобразие и сложность этого переходного времени. Он видел ограниченность литературных аристократов, одобрительно отзывался о литераторах из разночинской среды, не без сожаления отмечал, что старый патриархально-дворянский быт отмирает, и в то же время приветствовал новые тенденции русской жизни, ознаменовавшие приближение конца России феодальной. Он восторгался героизмом и духовной красотой Пугачева и его сторонников, но отвергал их методы, как «бунт бессмысленный и беспощадный». Нужно раз и навсегда установить, что идейная эволюция Пушкина не получила к концу его жизни полной завершенности, кристаллизации взглядов: она была насильственно оборвана его смертью. Мы можем говорить только о *тенденциях* дальнейшего развития поэта. И памятником трагизма пушкинских попыток самоопределения явилось «Путешествие из Москвы в Петербург», где он подтвердил свои позиции врага рабства и сторонника коренных перемен в общественном укладе России, но где он не смог примирить желание этих перемен с вынужденной обстоятельностью этого времени, да и слабыми сторонами своего мировоззрения, необходимостью ждать «постепенных улучшений».

Мы должны в полной мере оценить попытку Пушкина к сближению с Белинским. Эта попытка должна рассматриваться на фоне общей его позиции в литературной борьбе 30-х годов. В черновике пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург» имеются такие строки:

«Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны. Несмотря на то их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия. Писатели-дворяне... постепенно начинают от них удаляться под предлогом какого-то *неприличия*. Странно, что в то время, когда во всей Европе готический предрассудок противу наук и словесности... почти совершенно исчез, у нас он только что начинает показываться. Уже один из самых плодovitых наших писателей провозгласил, что литературой заниматься он более не намерен, потому что она *дело не дворянское*. Жаль! Конечно, не слишком лестное товарищество некоторых новичков отчасти тому причиною, но разве бесчестное поведение двух или трех выслужившихся *проходимцев* может быть достаточным предлогом

для всех офицеров оставить шпагу и отречься от честного звания воинов!» (XI, 229—230).

Это — декларация принципиального значения. Она показывает, что борьба Пушкина с «выслужившимися проходимцами» не заслоняла для него значения факта вхождения в литературу целой социальной группы разночинцев. Это не значит, конечно, что он переходил в лагерь разночинцев. Мы помним отрицательное отношение Пушкина и в 30-е годы к лозунгу французской революции, призывавшему к плебейской расправе с дворянством. Но нужно вскрыть всю сложность позиций Пушкина. Почему, желая связаться с Белинским, он сказал, чтобы том «Современника» Белинскому передили «тихонько от наблюдателей»? Эти слова весьма знаменательны. «Московский наблюдатель» сплотил литераторов антидемократического направления — Шевырева, Погодина, Мельгунова, Хомякова и других. Они выступали против «площадной» литературы, проповедывали нормы салонно-дворянской эстетики, враждебной Пушкину. И он не мог не сочувствовать Белинскому в этой его борьбе против платформы «Московского наблюдателя».

В 30-х годах мы видим у Пушкина стремление к оценке ряда фактов русской жизни с точки зрения народных масс. Это новые тенденции в его мировоззрении, и мимо них нельзя пройти. Таковы записи в пушкинском дневнике:

«Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян. — Эти четыреста тысяч останутся в их карманах... В обществе ропщут, — а у Нессельроде и Кочубей будут балы — (что также есть способ льстить двору)».

В дневнике Пушкина звучит глубокое сочувствие беспорядку и нищету народу, осуждение дворянства и правительства. 17 марта 1834 года он записывает:

«Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника... Вероятно купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?» (XII, 317, 322).

Укрепление демократизма Пушкина в 30-х годах отражает нарастание протеста в самом народе. Отсюда же — историзм Пушкина. Он руководствовался сформулированной им же установкой: «одна только история народа может объяснить истинные требования онного» (XII, 18).

Работая над историческими темами, Пушкин в своих замыслах 30-х годов со всей четкостью обнажает социальные

противоречия между «верхами» и «низами», антагонизм дворянства и крестьянства. Вспомним его слова:

«Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны» (IX, 375). Характерны и реплики из «Сцен из рыцарских времен», где вскрывается социальный антагонизм и указывается, что справедливости не может быть в обществе, основанном на неравенстве:

«Франц: Разве мещанин недостоин дышать одним воздухом с дворянином? Разве не все мы произошли от Адама?

Бергольд: Правда, правда. Но видишь, Франц, уже этому давно: Каин и Авель были тоже братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем — и они не были равны перед богом. В первом семействе уже мы видим неравенство и зависть».

Пушкин все более сознавал, что народным интересам равно враждебны и феодальная система и система «новойшей цивилизации», т. е. буржуазный строй в государствах Западной Европы и Америки. В уничтожающей критике Пушкина лживости, лицемерия, порочности политического строя Англии и США сказывались результаты глубоких размышлений о ходе исторического процесса, об отсутствии действительной свободы в странах, где за ширмой демократической фразеологии все более возрастало порабощение и нищета народа.

Отсюда следует, что невозможно изучать взгляды и творчество Пушкина вне самого широкого и многостороннего изучения его эпохи. Это положение относится также к изучению художественного метода Пушкина и его эстетики. Переворот, который Пушкин совершил в эстетических представлениях своего времени, может быть понят и раскрыт только как прямой ответ на требования современного Пушкину этапа общественно-политического развития России.

Анализ особенностей художественной формы до сих пор является одним из самых слабых мест нашего литературоведения. Теперь, после появления трудов товарища Сталина о марксизме в языкознании, с особенной силой обнаружилась необходимость ликвидации этого недостатка. Как отметил товарищ Сталин, «...у общественных явлений... имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки».¹

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 35.

Отсюда очевидно первостепенное значение изучения эстетики Пушкина и особенностей художественной формы его произведений во взаимоотношении с содержанием.

Мы должны раскрыть во всей глубине тезис Белинского: Пушкин — поэт действительности, раскрыть не только в подтверждающих этот тезис цитатах, а в конкретных исследованиях. Анализируя эстетику Пушкина, нашей науке предстоит показать решительный разрыв Пушкина с нормами старой эстетики.

Необходимо со всей полнотой раскрыть внутреннюю полемичность творчества Пушкина против всего старого в трактовке мира природы и общественных отношений, задач искусства, в понимании эстетического идеала, в подходе к тем или иным жанрам.

Пушкин своими художественными образами выразил тот эстетический идеал, который Чернышевский позже определил словами: «прекрасное есть жизнь». Не мистические идеалы, не идиллия отрешенной от борьбы личности, не экзотика чужих краев, а величие русского национального характера, героика народа, очарование русской природы, действительность в разнообразных ее проявлениях, — вот что являлось содержанием пушкинского творчества.

Когда Жуковский хотел выразить идеал прекрасного, он говорил о «невыразимом», о гении «чистой красоты». Батюшков — поэт иного склада, чем Жуковский, — воплотил представление о прекрасном в эстетизированно-условных образах цветения «душистого мирта» и хотя пластически завершенных, но далеких от «грубой природы» изображений героев греческой мифологии.

Только Пушкин с мастерством гениального художника доказал, что содержанием искусства является «все интересное в жизни» (*Чернышевский*), то, что для дворянской эстетики считалось недостойным искусства, «низким» и что на самом деле является высоким, будучи освещенным идеей жизни, идеей развития, стремлением человека к изменению существовавшего порядка вещей.

Разрыв Пушкина со старой эстетикой, со вкусами и требованиями верхушки дворянского общества стал ясен уже в поэме «Руслан и Людмила». Непосредственные авторские обращения к читателям в «Руслане и Людмиле» — это обращения к передовой молодежи. Именно этот новый круг читателей противопоставляется в поэме злому «бледному критику»:

Ты видишь, добрый мой читатель,
Тут злобы черную печать!

Разрыв Пушкина с «почтеннейшей публикой», с ее взглядами был отчетливо понят приверженцами старины. Отсюда та острая политическая борьба, которая развернулась вокруг поэмы «Руслан и Людмила», отсюда упреки в «оскорблении хорошего вкуса» «площадными шутками». И в этом, сказочном произведении звучит голос поэта — как сына своего времени. В образе Руслана были воплощены глубоко симпатичные передовому поколению читателей черты мужественного, бесстрашного борца со злыми силами. Нельзя забывать и о том, что эпизод осады Киева печенегами, рассказ о сражении, когда Руслан «пал на басурмана», и о ликовании освобожденного русского города, — все это на фоне недавних событий 1812 года вызывало соответствующие ассоциации у читателя. Идейное содержание «Руслана» нельзя понять вне той общественно-политической борьбы «старого» с «новым», которая в других произведениях Пушкина отражена в прямой форме.

Даже ранние поэмы Пушкина, в которых, казалось бы, не содержалось непосредственного отклика на «злобу дня», всегда воспринимались как произведения, посвященные острому вопросу современности. Декабристы восторженно встретили поэмы «Кавказский пленник» и «Цыганы». В этих произведениях, несмотря на романтическую отвлеченность образов, были отражены типические черты героя, протестующего против сложившегося порядка вещей и ищущего иной, свободной жизни. Мотивы пушкинских «южных» поэм многими нитями были связаны с мироощущением передового поколения, с его надеждами и чувствами. Характерен в этом смысле аспект восприятия в то время поэмы «Братья разбойники». П. А. Вяземский писал: «Я благодарил его [Пушкина] и за то, что он не отнимает у нас, бедных заключенных, надежду плавать и с кандалами на ногах».¹

В «южных» поэмах Пушкина содержались отчетливые реалистические тенденции, которые полностью развернулись в «Евгении Онегине», произведении, отразившем, как в зеркале, всю эпоху, охватившем огромный круг вопросов общественной жизни — политических, моральных, литературных и эстетических. Пушкин начал писать свой гениальный реалистический роман в 1823 году, в период, когда он еще находился в полосе романтических увлечений. Ведь к 1823 году относится самая его романтическая поэма «Бахчисарайский фонтан»! Уже это сопоставление дат говорит о сложности эволюции

¹ Остафьевский архив князей Вяземских, т. II, 1899, стр. 327.

художественного метода Пушкина, раскрыть которую во всей полноте — важнейшая задача пушкиноведения. Нужно всесторонне показать всемирно-историческое значение Пушкина как величайшего реалиста. Вместе с тем следует проанализировать процесс преодоления им классицизма и романтизма, как художественных методов.

К сожалению, эволюция Пушкина, как художника, часто упрощается. Это упрощение сказывается и в таком вопросе, как вопрос о романтизме в творчестве Пушкина.

За последнее время в историко-литературных работах, посвященных пушкинской эпохе, стало модным третировать романтизм. Одни говорят о романтизме и пушкинском романтизме как-то стыдливо, другие о нем вообще умалчивают, а третьи — термин «романтизм» относят ко всему плохому в литературе! Если что-то плохо, то потому, что это — «романтизм».

Сравнительно недавно, как мы знаем, на страницах журнала «Октябрь» происходила весьма неудачная дискуссия по вопросу о романтизме в связи с вопросами советской литературы. И на XIII пленуме правления Союза советских писателей, и в нашей печати совершенно правильно критиковали тех вульгаризаторов, которые пытались в социалистическом реализме выделить какое-то самостоятельное романтическое течение, которые неправильно утверждали, что романтизм нашего времени должен якобы «возвышать» действительность.

Некоторые литературоведы из справедливой критики «дискуссии» в журнале «Октябрь» сделали странные выводы и стали пугаться употребления самого термина «романтизм» даже по отношению к романтизму в произведениях Пушкина и декабристов. Предается забвению истина, которая гласит, что нет романтизма «вообще», а есть романтизм разной идейно-политической направленности и разных этапов развития литературы. Романтизм на каждом этапе своеобразен. Это своеобразие выражено и в романтизме 20-х годов XIX века, в период, когда появились «южные» поэмы Пушкина и расцвела революционно-романтическая лирика декабристов. В это время Пушкин и декабристы чрезвычайно ценили романтизм в литературе, провозглашали романтизм своей творческой программой. Белинский говорил: «*Романтизм* — вот первое слово, огласившее *Пушкинский период*».¹ Чем объясняется это

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, 1900, стр. 383.

обстоятельство? Оно объясняется тем, что романтизм в поэзии Пушкина и декабристов был направлен против феодально-крепостнического режима и к тому же в годы, когда революционное движение имело еще узкий характер, когда силы для разгрома абсолютизма и крепостничества еще не вполне созрели. В тех исторических условиях такого рода романтизм, протестующий, воодушевленный мечтой о свободе, был исторически необходим и оправдан. Он был коренным образом отличен от реакционного романтизма в поэзии Жуковского, разоружавшего человека, призывавшего к отказу от борьбы, приводившего к мистицизму.

Революционная романтика в поэзии декабристов содержалась в самой борьбе горстки героев, выступивших на штурм абсолютизма, но с готовностью, если переворот не осуществится, пожертвовать собой для того, чтобы разбудить грядущие поколения. «Исповедь Наливайки», написанная Рылеевым, одним из выдающихся вождей декабристского движения, — звучала в то время пророчески:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

Не ясно ли отсюда, что корни такого рода героизма заключались в исторической действительности России того периода и что он был порожден не отрешением от жизни, а наболениями над действительностью, сочувствием угнетенному положению народа, т. е. самой жизнью.

Этот протест и эта героика питали и революционный романтизм передовых писателей эпохи.

В самом деле, разве романтика в таких произведениях, как «Кавказский пленник» и «Цыганы» Пушкина, как поэмы и «Думы» Рылеева, могла вырасти на литературных источниках? Только то литературное движение может быть живым, которое исходит из требований своего времени, общественно-политической борьбы, которое вызвано потребностями данной страны в данный отрезок времени.

В отличие от западноевропейской романтики, даже в ее революционном выражении, в отличие от протестующей

поэзии Байрона, русский революционный романтизм носил особые, своеобразные черты.

Прежде всего русский революционный романтизм в произведениях Пушкина и декабристов, наряду с критическими задачами, выражающими протест, воплощал в себе и задачи положительные. Отсюда создание положительного образа — протестанта, героя-борца. Но задача создания положительного образа решалась и в лирических стихотворениях. Если рассмотреть в этом плане «К Чаадаеву», «Вольность» Пушкина, «Гражданин» Рылеева, лирику Кюхельбекера, то перед нами встанет обобщенный, синтетический образ положительного героя, для которого цель жизни — борьба за осуществление революционной мечты о свободе, о низвержении деспотизма. Поэтому эти произведения Пушкина и декабристов содержали в себе *реалистические* задания и тенденции.

С этим идейным содержанием революционного романтизма в передовой русской поэзии связана и ее художественная форма, ее символика. Идея, согласно которой счастье не в покое, не в мирном идиллическом существовании, а в борьбе, нашла свое выражение, например, в особом взгляде на природу. В революционно-романтической лирике положительную эстетическую характеристику получала лишь бурная стихия, а природа мирная воспринималась как нечто идейно ущербное и эстетически неполноценное. Вспомните стихи Пушкина:

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?

И дальше призыв:

Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.
(1822.)

Сила Пушкина была в том, что он не остановился на романтизме, что и в тех его произведениях, которые современники оценивали как романтические, заключались могучие реалистические тенденции.

И в «Кавказском пленнике» и в «Цыганах» Пушкин ставил перед собой реалистические задачи, но не мог их полностью осуществить вследствие противоречия между замыслом и ограниченными возможностями романтических принципов изображения характера. Как формулировал Пушкин задачу «Кавказского пленника»? По его собственным словам, он ставил задачу создать типичный образ молодого человека XIX века, раскрыть его равнодушие к жизни. Но сама постановка такой

задачи входила в противоречие с чертами романтического метода, который не может раскрыть типический характер в типических обстоятельствах.

В поэме «Цыганы» противоречивость реалистического задания и принципов романтического метода сказывается с еще большей остротой. В основе своей жизненно-правдивое разоблачение иллюзорности ухода от противоречий жизни в «естественную среду», реалистические черты обрисовки быта — все это сочеталось здесь с чисто романтическими эффектами изображения, с романтической обрисовкой характеров.

Итак, при изучении эволюции художественного метода Пушкина нужно показать, как и в романтических произведениях Пушкина нарастали реалистические тенденции, затем как произошло преодоление романтических иллюзий и как совершился полный переход к реализму. При этом мы должны учесть все значение романтизма этого периода как своеобразной ступени на пути к реализму, к методу, нашедшему классическое выражение в «Борисе Годунове», «Графе Нулине», «Полтаве», «Домике в Коломне», «Медном всаднике», «маленьких трагедиях», в прозаических произведениях.

Преодолев слабые стороны романтизма — романтическую отвлеченность, романтическую абстрактность, известную неясность в обрисовке героев, — Пушкин удержал те ценные элементы, которые были в революционном романтизме. Романтизм в творчестве Пушкина был необходимым этапом на пути к реализму и поэтому объявлять этот этап случайным, ненужным эпизодом было бы величайшей ошибкой.

Не лишне вспомнить, что реакционные профессеры вроде А. И. Незеленова рассматривали пушкинский романтизм как полосу «ошибок юности», «политических увлечений» и фантастических упований. Конец VI главы «Евгения Онегина» («Так, полдень мой настал...») Незеленов рассматривал как декларацию о «конце юности» и начале новой жизни, в которую Пушкина умчал... присланный Николаем I в Михайловское фельдъегерь.

Но в том же «Евгении Онегине» Пушкин с иронией писал о «покое» и «горшке щей» как венце желаний, а о романтических мечтах говорил вдохновенными словами:

Как часто ласковая Муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!
Как часто, по скалам Кавказа,
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне!

(гл. VIII, стр. 17)

В других местах «Евгения Онегина» и в особенности в черновиках этого произведения он противопоставляет мечтательность гордой юности — жалкой прозе обывательского покоя, скептицизму «благоразумных» людей, которым были чужды романтизм передовой молодежи, пафос борьбы и протеста, была чужда мечта об иной, свободной жизни (но которые, кстати говоря, нередко были приверженцами враждебного Пушкину реакционного романтизма, уводившего человека в мир так называемого «божественного откровения» и «чистой красоты»).

В этом плане огромной заслугой Пушкина-реалиста является защита ценных элементов романтизма периода «южных» поэм. В «Евгении Онегине», этом величайшем реалистическом произведении, содержится защита именно такого рода романтических элементов. О педантах, которым чужда мечтательность, чужды высокие порывы, которые по-молчалински избегают всего, что связано с дерзанием, Пушкин говорит:

.. Жалок тот, кто все предвидит,
Чья не кружится голова...

С едкой насмешкой отзывался он о «благоразумии» тех,

Кто странным сном не предавался...
Кто доброй славы и чинов
Спокойно в очередь добился...

Чрезвычайно любопытно отношение Пушкина к образу Ленского. Ленский справедливо рассматривается во всех литературоведческих работах именно как романтик. Известны также и пушкинские строки об одном из возможных вариантов судьбы Ленского: он мог бы быть «повешен, как Рылеев». Однако, если мы попытаемся обосновать эту пушкинскую гипотезу о возможной судьбе Ленского беловым текстом романа, то мы почти не найдем для этого никаких мотивов. А между тем, если изучать черновики романа, то *такого рода вариант* развития образа Ленского находит для себя подтверждение. В некоторых черновых строфах романтизм Ленского приобретает ярко выраженную политическую окраску и в этом плане противопоставляется политическому скептицизму Онегина.

Из окончательного текста романа мы знаем, что Пушкин видел недостаток Ленского в том, что он не проникал в сущность окружающей жизни, что он был младенчески-восторженным, слишком доверчивым: именно поэтому Ленский мог с годами утратить «пыль души». В черновиках же скептицизм

Онегина противопоставлен не только этим чертам характера Ленского, но и его революционно-романтической настроенности (которая в окончательном тексте развития не получила). Так, первостепенный интерес представляют те места черновиков второй главы, где говорится о том, как Ленский читал стихи Онегину. В числе тем стихов Ленского в вариантах черновиков называются и темы политические — «негодование», «угнетенье». Вся терминология, которой здесь характеризуется образ и поэзия Ленского, это терминология «высокой» гражданской романтической эстетики: «возвышенные чувства», «добро», «слава», «жажда мщенья», «к благу чистая любовь» (вариант: «к людям пылкая любовь»), «доблесть». Все это расширяет представление о Ленском — эгегическом певце любви (хотя и в окончательном тексте девятой строфы некоторые из терминов, характерных для гражданской романтической лирики, остались). Онегин слушал стихи Ленского с обычным скептицизмом. Далее в черновике следовало (в форме лирического отступления) страстное обличение авторов «нечистых» (вариант: «раболепных») стихов и апология «вольной» поэзии:

Но добрый юноша готовый
Высокий подвиг совершить
Не будет в гордости суровой
Стихи нечистые твердить
Но праведник изнеможенный
К цепям неправдой присужденный
В своей <...> в тюрьме
С лампадой, дремлющей во тьме
Не склонит в тишине пустынной
На свиток ваш очей своих
И на стене ваш вольный стих
Не начертит рукой безвинной
Немой и горестный привет
Для узника грядущих <лет>.

Конечно, эти стихи лишь вариант движения замысла, к тому же тогда совершенно неприемлемый по цензурным условиям. Но все же и как вариант он представляет огромный интерес. А далее в рукописи следовали строки, в косвенной форме также продолжающие апологию героического романтизма, прославляющие «своевольность» и «порывы» страстей в противовес «благоразумной тишине».

То, что Пушкин преодолел слабые стороны романтизма и удержал его сильные элементы, то, что он сумел отвергнуть романтизм как творческий метод, способствовало его исключительно быстрой эволюции по реалистическому пути.

С бóльшей конкретностью следует подходить и к изучению творчества пушкинского реализма. Он обычно определяется как реализм критический. Конечно, сила реализма Пушкина — в критике действительности, во вскрытии несправедливости существовавшего строя, в обличении лжи, лицемерия, жестокости крепостнического дворянства. Но наряду с этим пушкинский реализм был также утверждающим. Величайшей заслугой Пушкина является создание целой галереи разнообразных положительных образов и героических характеров.

Среди них: героические характеры — Пугачев и Кирджали, благородные мстители — Дубровский и Сильвио, пламенная патриотка Полина («Рославлев»), Татьяна в «Евгении Онегине», простая русская девушка из драмы «Русалка» и другие.

В лирической поэзии Пушкина также создавался синтетический образ положительного героя.

Одной из самых типических черт лирического героя пушкинской поэзии является пафос патриотизма и свободолюбия, утверждение гражданской доблести, бесстрашия, стойкости. Создание этого образа было особенно важно в обстановке дикого, террористического режима царской России, особенно в годы последекабрьской реакции, когда нужно было обладать стоической силой сопротивления, чтобы не спастись, не сдать себя, не власть в уныние. В этом и было громадное воспитательное, бессмертное значение лирики Пушкина и всего его творчества. Были такие тяжчайшие моменты в жизни Пушкина, в особенности после декабрьского восстания, когда он спрашивал самого себя:

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

(«Предчувствие»)

Пушкин сохранил до конца эту непреклонность, эти черты героического характера вплоть до той минуты, когда, уже смертельно раненый, упав на землю, он собрал остатки сил для того, чтобы все же воспользоваться правом своего выстрела в Дантеса.

Черты героического характера, как типические национальные черты своего народа и лучших людей своего поколения, Пушкин воплотил в своем творчестве.

Зная все это, нельзя раскрывать его реализм только как обличение существовавших порядков, не говоря в то же время об утверждающей силе пушкинского реализма,

о созданных Пушкиным положительных образах. Перед нами стоит задача — охарактеризовать художественный метод Пушкина в своеобразных, присущих именно ему, отражающих именно его время особенностях.

— —

В заключение своего доклада я хочу кратко остановиться на одной большой задаче, которая должна сплотить весь коллектив советских литературоведов. Я имею в виду капитальную работу — «Пушкинскую энциклопедию», большое трехтомное издание, которое Институту русской литературы (Пушкинскому Дому) предстоит создать при участии большого количества работников других научных учреждений в ближайшие годы.

Задача «Пушкинской энциклопедии» — дать на основе марксистско-ленинской науки всестороннее освещение биографии Пушкина, всего его творчества, значения его наследия для культуры социалистической.

Предпринимая это издание, мы знаем, что оно необходимо не только специалистам-литературоведам, оно должно быть полезно и нужно советскому народу и прогрессивным читателям других стран, всем тем, кто стремится овладеть наследием величайшего гения русской культуры.

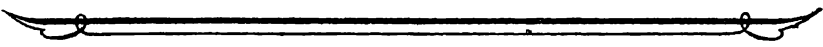
В этой энциклопедии будут освещены такие темы, как эпоха Пушкина — прежде всего общественно-политическая борьба, Отечественная война 1812 года, декабристское движение. Следует всесторонне показать роль Пушкина в развитии и современной ему литературы и литературы последующей, в развитии русского литературного языка. Мы должны показать оплодотворяющее значение творчества Пушкина в развитии литературы русской и зарубежной, в истории русской критики и общественной мысли, в развитии всей русской культуры — театра, музыки, живописи и других искусств.

Одной из важнейших тем, в разработке которой мы наеемся на помощь Академий наук Союзных Республик, является тема «Пушкин в литературе и искусстве народов СССР». Наконец, особо важной задачей нашей новой большой работы является тема «Пушкин и советская культура». «Пушкинская энциклопедия» должна показать огромное значение Октябрьской революции в изучении и пропаганде пушкинского творчества, всестороннюю разработку пушкинского наследия в советское время, влияние пушкинского творчества

на советскую литературу и советское искусство. Все это представляет собой задачу большой сложности, и мы, как я полагаю, вернемся к обсуждению ее на нашей следующей Всесоюзной Пушкинской конференции.

Нет сомнения, что наши литературоведы справятся с этой большой задачей и что «Пушкинская энциклопедия» будет служить полезным пособием для изучения жизни и творчества величайшего русского национального поэта, обозначившего своим творчеством новую эпоху в развитии русской и мировой культуры.

Б. И. БУРСОВ

БЕЛИНСКИЙ О РЕАЛИЗМЕ ПУШКИНА

Белинский — первый теоретик реализма. Он обосновал реализм в русской литературе и исторически и теоретически. Иначе говоря, он раскрыл историческую закономерность возникновения реализма в русской литературе и сформулировал принципы реалистического художественного метода, определил его сущность и структурные особенности, разработал программу развития русской реалистической литературы.

Теория реализма, созданная Белинским, опиралась на весь богатейший опыт русской литературы XVIII и первой половины XIX века. Вот почему Белинский был одновременно теоретиком реализма, историком литературы и литературным критиком.

В разработке и обосновании теории реализма исходным пунктом для Белинского было творчество Пушкина, которого он считал основоположником реализма в русской литературе. Творчество Пушкина он рассматривал как итог всего многовекового развития русской литературы и как источник ее дальнейшего движения вперед. О Пушкине Белинский писал постоянно, на протяжении всей своей литературной деятельности, Пушкину он посвятил и специальный цикл статей, являющихся ценнейшей частью наследия великого критика. Статьи эти представляют и по сей день лучшее истолкование творчества Пушкина. В то же время они имеют громадный общетеоретический и историко-литературный интерес. В них дана в наиболее развернутом виде историко-литературная концепция Белинского и разработаны такие понятия, как «поэт действительной жизни», «народный поэт», «национальный поэт», «мировой поэт», «поэт — выразитель духа своего времени» и т. д.

В нашу задачу не входит подробное изложение взглядов Белинского на Пушкина. В своей значительной части задача эта решена в ряде новейших работ, посвященных теме «Белинский и Пушкин». Мы ставим здесь лишь один вопрос этой большой темы — вопрос о том, как Белинский объяснял историческую закономерность возникновения пушкинского реализма и в чем он видел особенности его.

Из одиннадцати статей Белинского о Пушкине три относятся к предшественникам Пушкина. Разбирая их произведения, Белинский выяснял, как была подготовлена почва для появления Пушкина. Поэтому без анализа, хотя бы и очень сжатого, историко-литературной концепции Белинского невозможно понять его характеристики пушкинского реализма.

Нередко историко-литературные взгляды Белинского излагались так.

Русская литература — не туземное, а пересадное растение. Она зародилась под влиянием западноевропейской литературы, как следствие петровских реформ. Естественно, что русские писатели могли заимствовать на Западе лишь литературную форму, которую они должны были срастить с русским содержанием. Этот процесс сращения продолжался в русской литературе на протяжении более чем столетия и окончательно завершился лишь в творчестве Пушкина. В литературе, предшествовавшей Пушкину, не было гармонического слияния формы и содержания. Форма, заимствованная на Западе, оставалась чуждой русскому национальному содержанию, поскольку это последнее вводилось в русскую литературу. Для преодоления в литературе отчужденности между формой и содержанием необходимо было, во-первых, чтобы русские писатели глубже проникли в сущность русской действительности, а, во-вторых, сообразуясь с ней, произвели бы коренные изменения в самой форме. Только Пушкин вполне овладел русским национальным содержанием и создал адекватную этому содержанию литературную форму.

В работах самого последнего времени начался пересмотр прежних представлений об историко-литературных взглядах Белинского. Выдвигается мысль о том, что высказывания Белинского о подражательном характере русской литературы XVIII века не определяют сущности его историко-литературных взглядов. И это, действительно, так. Но важно не забывать и о том, что высказывания о подражательном характере русской литературы XVIII века не были для Белинского случайными обмолвками. Мы их можем встретить как в его ран-

них, так и в самых поздних статьях. Поэтому мы не можем игнорировать их. Игнорировать их — значит лишить себя возможности до конца разобраться в сложной историко-литературной концепции Белинского, в его взглядах на Пушкина, Гоголя и другие крупнейшие литературные явления той эпохи.

1

Свой взгляд на историю русской литературы Белинский впервые подробно изложил в статье «Литературные мечтания». Здесь он доказывал, что в России «нет литературы» как выражения закономерного развивающегося народного самосознания. Крупнейшие русские писатели здесь были названы «случайными явлениями». «В самом деле, — читаем мы в «Литературных мечтаниях», — *Державин, Пушкин, Крылов и Грибоедов* — вот все ее (русской литературы. — Б. Б.) представители; других покуда нет и не ищите их. Но могут ли составить целую литературу четыре человека, являвшиеся не в одно время? И притом, разве они были не случайными явлениями?»¹

Историко-литературные взгляды Белинского развивались и углублялись. Вскоре Белинский признал, что русский народ имеет свою национально-самобытную литературу, которая с течением времени все более глубоко и полно выражала его самосознание. Белинский признал последовательную преемственность в творчестве крупнейших русских писателей от Кантемира до Гоголя, строгую закономерность в развитии русской литературы. И, несмотря на все это, он не отказался от мысли, что Державин, Крылов и Фонвизин были в известном смысле преждевременными явлениями.

Для уяснения историко-литературных взглядов Белинского необходимо остановиться на том, какой смысл вкладывал он в слово «литература».

Понятию «литература» критик придавал огромное значение. Это подтверждается хотя бы его статьей, которая так и озаглавлена: «Общее значение слова литература». В статье утверждается, что в зависимости от степени развития народа он может иметь или словесность, т. е. народную поэзию, или же

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, под редакцией С. А. Венгерова, т. 1, 1900, стр. 393. — В дальнейшем все цитаты из произведений Белинского приводятся по этому изданию (тт. I—XIII, 1900—1948).

литературу. «Произведения словесности, непосредственно выходя из духа народа, носят на себе общий отпечаток этого духа и в содержании и в форме: этим одним и ограничиваются их отношения и связь между собою. Ни одно из них не имеет влияния на другое, ни одно не бывает следствием другого; они являются отдельно, разрозненно, и для них, следовательно, нет истории. Память народа хранит их также отрывочно, не зная их числа, многие из них изменяя, другие забывая совсем» (VI, 528).

Второй признак народной поэзии тот, что «она выражает собою сознание народа, еще не вышедшее из пелен непосредственного, бессознательного созерцания. В произведениях народной поэзии еще нет мысли, а есть только темное стремление к мысли, ее предощущение, предчувствие. И потому произведения народной поэзии не могут возвыситься до художественной формы, в которую может только воплощаться развившееся до *идеи* созерцание. Вследствие этого, народная поэзия одного народа мало и не вполне доступна другому: на ней лежит печать исключительной особенности. Сфера народной поэзии не обширна и не многосложна: пословица, поговорка, параболы, басня, песня, сказка, легенда — эти первые проявления сознания младенческих обществ — вот все, что заключает в себе поэзия, которую называют народною, естественною или непосредственною, и которую еще можно назвать поэтическою словесностию народа» (VI, 527). В противоположность этой последней, литература создается не массой народной, а отдельными лицами, выражающими «свою умственную деятельность различные стороны народного духа» (VI, 520).

Все значительные явления литературы внутренне связаны между собой. Литература, создаваясь отдельными лицами, принадлежит всему обществу. «Под литературою, в точном и определенном значении этого слова, должно разуметь *сознание народа, исторически* выразившееся в словесных произведениях его ума и фантазии, — а так как сознание есть высшее проявление жизни народа, то литература необходимо должна быть его общим достоянием, чем-то таким, что до всех равно касается, всех равно интересует, всем равно доступно. Словом: литература должна быть, в отношении к народу, вместе и сценою и спектаклем, который на ней разыгрывается, а народ, в отношении к литературе, должен быть публикою, которая не сводит глаз со сцены, созерцая представляемое на ней зрелище» (VI, 521).

Идеи подлинной литературы общенациональны; выражая самосознание нации, они оказывают непосредственное и глу-

бокое влияние на ее жизнь. Литература не может обойтись без публики. «Литература всегда опирается на публичность, получает свое утверждение от общественного мнения. Она существует не при свете только уединенной лампы отшельника, или гонимого ученого, но при свете солнца, открыто и явно. Она поддерживается не вниманием только небольшого круга посвященных, составляющих род тайного общества, или избранных любителей, но вниманием всего народа, по крайней мере, в лице его образованных классов. Литература есть достояние всего общества, которое, через нее, обратно получает себе, в сознательной и изящной форме, все то, чему источником было его же собственное непосредственное бытие. Общество находит в литературе свою действительную жизнь, возведенную в идеал, приведенную в сознание» (VI, 520).

Читающая публика, почерпнув определенные идеи из литературных произведений, вносит их затем в жизнь государства и нации. А так как в XVIII, да и в начале XIX века в России к «читающей публике» принадлежали почти исключительно представители господствующего меньшинства и так как только они имели возможность оказать влияние на государственную жизнь, то именно с ними критик и связывал существование и развитие литературы. Критик говорил, что в тот период, когда в жизни народа совершается крутой перелом и народная поэзия переходит в литературу, «... первая остается преимущественно на долю низших, необразованных классов народа, никогда не умирая в его устах, а вторая делается исключительным достоянием высших, образованных классов народа» (VI, 527). Здесь Белинский подошел к чрезвычайно сложному и глубокому противоречию современной ему действительности и литературы, которого он так и не смог до конца разрешить: литература порождается народной жизнью, но в условиях эксплуататорского строя она оказывается мало доступной для самого народа. Перед этим противоречием остановятся затем и Чернышевский, и Добролюбов, и они, так же как и Белинский, не найдут окончательного ответа на вопрос, который их будет волновать. Ответ будет дан В. И. Лениным в статьях о Толстом, где он назовет Толстого выразителем интересов и настроений многомиллионного крестьянства и укажет, что это крестьянство очень мало было знакомо с творчеством великого писателя. Представители господствующего меньшинства неизмеримо лучше, нежели народ, знали Толстого, но это вовсе не означало того, что Толстой был «исключительно их достоянием». Как раз наоборот, он вел ожесточенную борьбу против них, оставаясь народным писателем, а задача народа заключа-

лась в том, чтобы завоевать такие условия жизни, при которых ему были бы доступны все достижения человеческой культуры. По Ленину, народ всегда, даже при самых тяжелых условиях жизни, когда он остается темным и невежественным, является единственным творцом культуры.

Белинский, как и все революционные демократы, не преодолел до конца просветительского взгляда на историю. Иногда он высказывал мысль, будто успехи или неуспехи того или иного государства объясняются тем, на какой стадии просвещения находится его население. В связи с этим он в отдельных случаях переоценивал роль так называемых «образованных классов» в культурном и общественном развитии нации в целом.

В работах Белинского 40-х годов материалистические взгляды нередко вступают в противоречие с просветительскими, идеалистическими. Сказав, что литература является «исключительным достоянием высших, образованных классов», Белинский допустил ошибку. Характерно, что несколько раньше, в той же самой статье, он утверждал, что «... внимательный взор легко открывает в литературах новейших народов живое историческое развитие духа тех самых масс, которые, в своем невежестве, и не подозревают существования литературы, выразившей сущность их же собственного нравственного существования» (VI, 525). Белинский-материалист поправляет Белинского-просветителя, но все-таки не снимает противоречивого определения литературы: литература как выражение духовного самосознания народа и литература как исключительное достояние образованных классов.

Национальная литература, согласно концепции Белинского, возникает в тот момент исторического развития нации, когда у последней есть возможность посредством литературы оказывать влияние на установившиеся формы общественной жизни и когда в этом деле, в той или иной мере, принимает участие весь народ. С наступлением такого момента народная поэзия перерождается в литературу. «Если субстанциальное зерно духовной жизни народа попадает на историческую почву и получает возможность развития из самого себя, — тогда естественная поэзия народа перерождается в художественную, его словесность в литературу...» (VI, 527). В России, по мнению Белинского, этого не случилось, и не случилось потому, что «субстанциальное зерно» духовной жизни русского народа перешло из одной стадии в другую не само по себе, а благодаря вмешательству внешних сил. Переломным этапом в истории России Белинский считал реформы Петра.

Белинский-просветитель переоценивал роль личности в истории, роль гения, который будто бы при использовании успехов цивилизации, достигнутых другими странами, может добиться решительного перелома в истории собственной страны, перелома, даже не подготовленного всем предшествующим ее развитием. Так, например, одну из причин трагизма Бориса Годунова Белинский видел в отсутствии у него гения: «... все предприятия его не состоялись именно потому (а не по чему-нибудь другому), что у него был только ум и даровитость, но не было гениальности, — тогда как судьба поставила его в такое положение, что гениальность была ему необходима» (XII, 163). Годунов не был наследным царем, он был «высочкой». Ему надо было доказать свое право управлять страной и народом, надо было доказать, что он выше всех остальных людей. А этого можно было достигнуть только одним способом — повести Россию по новому пути, который был бы несравненно лучше старого: «Ведя Русь по старой колее, он сам не мог не споткнуться на этой колее, потому что старая Русь не могла простить ему того, что видела его боярином прежде, чем увидела царем своим. Чтоб утвердиться самому на престоле и упрочить его за своим потомством, — ему надо было преобразовать, перевоспитать Русь, внести в ее жизнь новые элементы. Но для этого у него не было никакой идеи, никакого принципа. Он был только умнее своего времени, но не выше его» (XII, 163—164).

Годунову Белинский противопоставляет Петра, как гениального реформатора, который оказался и умнее и выше своего времени. При этом сопоставлении Белинский упускает из виду различие исторических условий в эпоху Годунова и в эпоху Петра. Будь Годунов гением, рассуждает Белинский, он не оказался бы лицом трагическим и его царствование ознаменовалось бы новой эпохой в истории России.

Так рассуждает просветитель. Материалист поправляет его. Оставаясь на материалистических позициях, Белинский показывает, что Петр I, обладавший гениальностью, не совершил никакого чуда, что он лишь выполнил необходимое историческое дело. В другой статье о Петре Белинский говорит, что «Петр явился во-время» (VI, 192), т. е., иначе говоря, когда в нем настала потребность. «Из ничего не бывает ничего, и великий человек не творит своего, но только дает действительное существование тому, что прежде него существовало в возможности» (VI, 183). Сам Петр — явление историческое и национальное. Он был возможен только в России и только в определенный период ее исторического развития. «Если бы

русский народ не заключал в духе своем зерна богатой жизни, — реформа Петра только убила бы его насмерть и обессилила, а не оживила и не укрепила бы новую жизнь и новыми силами. Мы уже не говорим о том, что из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Петр: только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ» (VI, 183). Петр, как мудрый руководитель России, мог быть выдвинут только Россией. Следовательно, Россия, выдвинув Петра, достигла уже той стадии своего развития, когда она способна была преодолеть исторически сложившиеся недостатки в укладе своей государственной жизни. В экономическом и политическом отношении Россия, в сравнении со странами Западной Европы, была отсталой страной. Причина отсталости России — татарское иго, в течение целых столетий подавлявшее творческую жизнь в стране. Смысл петровских реформ в том и заключался, что они избавляли страну от тяжких пережитков татарского ига. В русском народе были для этого и силы и возможности. Великая жизнеспособность его была давно и много раз доказана. Он мог сделать все необходимое своими собственными силами, но за ним оставалось право использовать весь исторический опыт западноевропейских народов.

Свои материалистические рассуждения в отношении петровской эпохи Белинский все же не доводит до конца. В некотором смысле Петр так и остался для него царем-героем, усилиями одного своего гения оторвавшим Россию от ее прошлого, а реформы Петра — искусственным вмешательством отдельной личности в исторический процесс.

2

Исходя из своего определения литературы и понимания сущности петровских реформ, Белинский утверждал, что перед русской литературой от эпохи Петра и вплоть до появления первых зрелых произведений Пушкина стояли две задачи: во-первых, она обязана была правдиво изображать современную ей национальную русскую действительность, во-вторых, стремиться к тому, чтобы стать искусством в полном значении этого слова.

Проблема формы для русской литературы XVIII и первой четверти XIX века действительно имела огромное значение. И Белинский глубоко прав, указывая на это. Ошибка его заключается только в том, что он иногда рассуждая как просветитель, отрывал задачу выработки литературной формы от

задачи все более широкого охвата национального содержания и все более глубокого проникновения в него. Подходя к решению вопроса с материалистической точки зрения, Белинский приходил к выводу, что русские писатели тем больших успехов достигали в отношении выработки поэтической формы, чем последовательнее и решительнее боролись за правдивое, истинное воспроизведение окружающей жизни.

Противоречивое истолкование русского историко-литературного процесса Белинский полностью не преодолел и в своих самых последних статьях. Поэтому противоречивы и его взгляды на многих писателей допушкинской эпохи. Карамзина Белинский называет главой целого периода в развитии русской литературы. Характерно, что заслугу Карамзина Белинский видит прежде всего в пропаганде им в России западноевропейской литературы. Он не признает за его повестями никакого художественного достоинства. «... Никто, — говорит он, — не будет читать их как художественные произведения, ради эстетического наслаждения, никто не будет ими восхищаться...» (XI, 217). И несколько ниже: «... для всех мыслящих людей ясно, как день божий, что творения Карамзина могут теперь составлять только более или менее любопытный предмет изучения в истории русского языка, русской литературы, русской общественности, но уже нисколько не имеют, для настоящего времени, того интереса, который заставляет читать и перечитывать великих и самобытных писателей. В сочинениях Карамзина все чуждо нашему времени — и чувства, и мысли, и слог, и самый язык. Во всем этом ничего нет нашего, и все это навсегда умерло для нас» (XI, 222). Белинский приравнивал оригинальные повести Карамзина к тем, что переводились им с западноевропейских языков. «Переводом повестей Мармонтеля и некоторых повестей Жанли Карамзин оказал русскому обществу столь же важную услугу, как и своими собственными повестями. Это значило ни больше, ни меньше, как познакомить русское общество с чувствами, образом мыслей, а следовательно и с *образом выражения* образованнейшего общества в мире» (XI, 218).

Истинно национально-самобытными русскими художниками в XVIII веке для Белинского являлись Державин, Крылов, Фонвизин.

Сопоставляя Крылова и Карамзина, Белинский пишет. «Басни Крылова давно уже пережили творения Карамзина; они будут читаться до тех пор, пока русское слово не перестанет быть живою речью живого народа... Такого великого и самобытного таланта, каков талант Крылова, было бы доста-

точно для того, чтобы ему самому быть главою и представителем целого периода литературы...» (XI, 224).

Очень высоко оценивал Белинский Державина и Фонвизина. Тем не менее и Крылов, и Державин, и Фонвизин оставались всегда для Белинского в известном смысле преждевременными явлениями. В статьях о Пушкине, крупнейшем и самом глубоком историко-литературном сочинении Белинского, мы встречаемся с такими формулировками относительно Державина и Фонвизина: «... поэзия Державина есть безвременно явившаяся, а потому и неудачная поэзия пушкинская, а поэзия пушкинская есть во-время явившаяся и вполне достигшая своей определенности, роскошно и благоуханно развившаяся поэзия державинская» (XI, 340). И в другом месте: «Кроме Державина, в это время был Фонвизин — первый даровитый комик в русской литературе, писатель, которого теперь не только чрезвычайно интересно изучать, но которого читать есть истинное наслаждение. В его лице русская литература как будто даже преждевременно сделала огромный шаг к сближению с русской действительностью: его сочинения — живая летопись той эпохи» (X, 392).

Считая Державина и Фонвизина *безвременно* или *преждевременно* явившимися, Белинский имел в виду и значительность задач, решавшихся этими художниками, и невозможность для того времени решить их в полном объеме. Литература возникает из потребностей самой действительной жизни, но уровень первой зависит от уровня второй. Говоря о процессе формирования в России литературы как искусства, как поэзии, Белинский подразумевал именно реалистическую литературу. Он был непреклонным борцом за реализм, и он был убежден, что для утверждения реализма в России в XVIII веке не было всех необходимых условий. Главным препятствием в этом плане было недостаточное развитие общественной жизни в России той эпохи. «Повторяем не раз уже сказанное и, смеем надеяться, доказанное нами, — замечал Белинский, — что, при всей огромности таланта, который мы и не думаем отрицать, и пред которым мы умеем благоговеть больше, нежели все крикуны и лицемеры, вопиющие против нас — Державин не принадлежит к тем вечно-юным гениям, которых создания никогда не стареются, всегда новы и интересны. Поэзия Державина была блестящею и интересною попыткою, для успеха которой не были готовы ни русское общество, ни русский язык, ни образование самого поэта. Это поэзия, носящая на себе все родовые признаки своего времени, а потому, для нас, русских, имеющая свой исторический интерес; но как

время этой поэзии, так и сама эта поэзия чужды всякого действительного и определенного идеального содержания, которое дается только сильно развитою народною жизнью» (XI, 332—333).

Белинский рассматривал поэзию Державина в двух аспектах: по отношению к последующей и по отношению к предшествующей литературе. В первом случае подчеркиваются преимущественно недостатки поэзии Державина, во втором — преимущественно достоинства ее. Недостатки державинской поэзии обусловлены тем, что во времена Державина «не было общества», достоинства — тем, что тогда «оно зарождалось». «... Державин уже имел перед Ломоносовым большое преимущество и со стороны содержания для своей поэзии, хотя он был человеком без образования, не только без учености. Поэтому, поэзия Державина далеко разнообразнее, живее, человечнее со стороны содержания, нежели поэзия Ломоносова. Причина этого не в том только, что Ломоносов был больше превосходный стихотворец, нежели поэт, тогда как Державин от природы получил поэтический гений, но и в сравнительном успехе общества времен Екатерины Великой перед обществом времен императриц Анны и Елизаветы» (X, 392).

Этапы развития русской литературы отражают этапы духовной жизни нации.

Писатели, которых Белинский называл «преждевременными явлениями», сказываются, в его же истолковании, истинными деятелями русской литературы. Они овладевали русским национальным содержанием, они разрабатывали национально-самобытную литературную форму. Между ними была последовательная творческая преемственность. Особенное внимание Белинский обращает на две черты в их произведениях: на элементы народности и на определенную близость к современной им действительной жизни. Еще в «Литературных мечтаниях» по поводу стихов Державина говорится, что «в них видна практическая философия ума *русского*; посему главное отличительное их свойство есть *народность*, народность, состоящая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи. В сем отношении *Державин* народен в высочайшей степени» (I, 339—340). Крылов еще более народен. На прямую творческую связь этих двух художников Белинский указывает в статье пушкинского цикла. Здесь утверждается, что «... *народность*, которая только проблескивала и промелькивала временами в сочинениях Державина, .. в поэзии Крылова явилась главным и преобладающим элементом» (XI, 224).

Пушкина Белинский объявил первым русским народным поэтом и первым «поэтом действительной жизни» в России. Тем самым Белинский устанавливал прямое творческое родство между Пушкиным, с одной стороны, Державиным, Фонвизинным и Крыловым, с другой. Но, будь возможность у Белинского говорить о Радищеве, он, безусловно, отнес бы его к ближайшим и крупнейшим предшественникам Пушкина. Никто из русских поэтов и писателей XVIII и начала XIX века не был столь близок к народу и к действительности, как Радищев.

По мысли Белинского, Пушкин был рожден прежде всего эпохой 1812 года. «Время от 1812 до 1815 года было великою эпохой для России. Мы разумеем здесь не только внешнее величие и блеск, какими покрыла себя Россия в эту великую для нее эпоху, но и внутреннее преуспеяние в гражданственности и образовании, бывшее результатом этой эпохи. Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года. С одной стороны, 12-й год, потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил, чувством общей опасности сплотил в одну огромную массу косневшие в чувстве разъединенных интересов частные воли, возбудил народное сознание и народную гордость, и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения; кроме того, 12-й год нанес сильный удар коснеющей старине... С другой стороны, вся Россия, в лице своего победоносного войска, лицом к лицу увиделась с Европою, пройдя по ней путем побед и торжеств» (XII, 88—89).

«Вся Россия» — это значит прежде всего народная масса. Народ победил Наполеона — эта истина прочно вошла в сознание передовых представителей «образованных сословий», что явилось основной причиной зарождения декабристского движения. Сам народ не принимал в нем участия, но оно стало возможным лишь вследствие того, что Отечественная война 1812 года раскрыла перед всем миром и величие, и весь ужас положения его.

И как одно из последствий войны: «явился Пушкин» (XII, 89).

В гении Пушкина Белинский видит воплощение гения народа. Белинский потому и смог дать такое глубокое истолкование творчества Пушкина, что он первый из критиков поставил это творчество в связь с историческим путем русского

народа и с его исторической судьбой. О народности Пушкина говорили и до Белинского, но никто не связывал вопроса о народности великого поэта со всем комплексом вопросов, касающихся прошлого, настоящего и будущего всей страны.

Величие Пушкина — это и величие его эпохи. Но как эпоха Пушкина связана со всеми предшествующими эпохами в жизни русского народа, так и сам Пушкин связан со всей предшествующей русской литературой.

Пушкин выразил могучий дух народа. Естественно, что его истинными предшественниками могли быть только те поэты, которые стремились поставить и решить задачу, оказавшуюся по силам Пушкину.

Такова, с нашей точки зрения, основная тенденция в историко-литературных взглядах Белинского. Она, как видим, сводится к раскрытию закономерности становления реализма в русской литературе.

3

Белинский рассматривал допушкинскую русскую литературу не только под углом становления в ней реализма, но и под углом формирования ее как искусства. Вообще говоря, постановка этого вопроса глубока и правильна. Петровская эпоха — водораздел в развитии русской культуры. Вследствие петровской реформы, подготовленной всем ходом исторического развития России, на основе древней русской культуры стала складываться новая русская культура, новая русская литература, которая должна была стать одним из важнейших средств воспитания широких читательских масс. Но для этого ей необходимо было выработать такие свойства, благодаря которым она была бы доступна широким читательским массам по своей форме и представляла бы для них интерес своим содержанием. *Публичность* — это необходимейшее качество литературы. Но это качество только вырабатывалось литературой XVIII века. Весьма значительных, может быть, наибольших успехов в этом отношении добился Карамзин. Он был издателем первого русского литературного журнала. «Он, — по словам Белинского, — создал русскую публику, которой до него не было: — под «публикою» мы разумеем известный круг читателей» (XI, 222). Именем Карамзина «... началась новая эпоха русской литературы. Преобразование языка отнюдь не составляет исключительного характера этой эпохи, как думают многие. Как бы ни была велика реформа, произведенная кем-нибудь, или сама собою происшедшая в языке, — она никогда не может быть

фактом особенной важности. Язык, взятый сам по себе, есть только посредствующий материал, и его движение может быть только формальное. Но всегда важно движение языка вследствие движения мысли... Карамзин ввел русскую литературу в сферу новых идей...» (XI, 216).

Но что же это за идеи? Они отнюдь не самостоятельно выработаны Карамзиным, а заимствованы им из западноевропейской литературы. Карамзин «научился у французов мыслить и чувствовать, как следует образованному человеку» (XI, 218). Карамзин ввел русскую литературу в круг идей буржуазного Запада, которые могли удовлетворить запросы и требования лишь определенных слоев господствующих классов. Русскому народу идеи Карамзина были чужды. И Белинский решительно заявляет, что в Карамзине *нет ничего нашего*.

Оценка Карамзина — один из блестящих примеров диалектического подхода Белинского к решению сложных вопросов развития литературы. Карамзин достиг определенных успехов в деле создания читающей публики в России. Он достиг этого прежде всего тем, что стал изображать частную жизнь частных людей. Белинский и называет один из периодов в развитии русской литературы карамзинским периодом главным образом потому, что Карамзин придал литературе характер публичности. В деле же разработки самой системы изображения русской литературой русской жизни Белинский, в сущности, не признает за Карамзиным никаких заслуг.

Из всех высказываний Белинского о Карамзине можно заключить, что критик отлично понимал то, почему именно Карамзину в наибольшей степени удалось привить свойство публичности русской литературе. Идеологически Карамзин ориентировался на наиболее грамотные, т. е. на привилегированные слои населения. Затем, он пользовался разработанными западноевропейской литературой приемами, очень мало заботясь об оригинальной национально-самобытной художественной системе.

Оценка Карамзина — частное выражение общей точки зрения Белинского на взаимоотношение русской и западноевропейской литературы.

Некритическое отношение Карамзина к Западу лишило его возможности создать национально-самобытные художественные произведения. Белинский отмечает, что вредное влияние Запада испытали и некоторые другие русские писатели. Говоря о Ломоносове, Белинский указывает, что одна из главных его задач, как поэта, состояла в борьбе с различными течениями западноевропейских литератур. О Державине Белинский ска-

зал однажды (в «Литературных мечтаниях»), что его спасло невежество. Через год Белинский уточнил свою мысль. В статье «Ничто о ничем» он заявил: «Я однажды высказал, или, лучше сказать, повторил чужую мысль, что *Державина спасло его невежество*: отрекаюсь торжественно от этой мысли, как совершенно ложной. Державин не был учен, но находился под влиянием современной ему учености, разделял верования и мнения своего времени об условиях творчества и, на зло своему гению, всю жизнь свою шел по ложному пути. Поэтому, те из его созданий, которые противоречили современной ему эстетике, отличаются истинною поэзиею... Державин шел путем слишком тесным: он льстил современности, нападал на интересы частные, современные, и редко прибегал к интересам общим, никогда не стареющим, никогда не изменяющимся — к интересам души и сердца человеческого! И в этом виновата ученость века, которой он был непричастен, но под влиянием которой он всегда находился» (I, 339, 340). Белинский оставался при убеждении, что хотя Державин и не являлся человеком образованным, но в то же время был в постоянной зависимости от общепринятых, т. е. характерных для дворянско-буржуазного общества, взглядов на задачи литературы и искусства. В этом смысле и надо понимать слова Белинского о Державине: он «на зло своему гению всю жизнь свою шел по ложному пути», «он льстил современности». Именно те произведения Державина, которые поэт создавал, вступая в противоречие с «современной ему эстетикой», т. е. эстетикой, завезенной с Запада, «отличаются истинной поэзиею».

Русская литература, развиваясь в ряду других литератур мира, не могла и не должна была изолироваться от них. Это, впрочем, относится и к литературам всех других стран. Но у русской литературы, как и у всякой другой, есть свой особый путь, неразрывно связанный с историческим путем русского народа. Здесь и надо искать те закономерности, которые определяют весь ход ее развития. Успех русской литературы зависел прежде всего от того, насколько полно, глубоко и верно будет выражать она самосознание русского народа. Что касается ее отношений с литературами других стран, это уже вопрос второго порядка, который не является определяющим для судеб русской литературы.

Западноевропейская литература была неоднородна. Общение с ее крупнейшими прогрессивными представителями сказывалось плодотворно на развитии русской литературы, общение с реакционными течениями в западноевропейской литературе тормозило это развитие. Эту диалектику взаимоотношения

русской и западноевропейской литератур учитывал не один Белинский. Так, Пушкин, постоянно отмечавший громадное значение Шекспира для мировой литературы, в том числе и для русской, в то же время резко отрицательно относился ко многим западноевропейским писателям и указывал на то, что некоторые русские писатели, подражая им, впадали в полнейшее ничтожество. В черновой заметке «О французской словесности» (1822), называя подражателями ее Дмитриева, Карамзина и Богдановича, он устанавливает «вредные последствия» этого подражания: «манерность, робость, бледность». И Пушкин восклицал: «как можно ей (французской словесности. — Б. Б.) подражать». Пушкин призывает русских писателей идти своим, самобытным путем, опираясь на традиции национальной литературы и народной поэзии: «... есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.»¹ В 1834 году Пушкин работал над статьей «О ничтожестве литературы русской». Статья осталась незаконченной. Из плана ее видно, что Пушкин намерен был в ней со всей силой обрушиться на отрицательное влияние на некоторых русских писателей, в первую очередь на Карамзина и карамзинистов, все той же французской словесности. Пушкин писал: «... бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корня дубов, Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, М-de Жанлис — овладевают русской словесностью. Sterne нам чужд, за исключением Карамзина».²

Тезис Белинского о том, что русская литература является не туземным, а пересаженным растением, оказывается предрассудком, характеризующим исторически ограниченную, слабую сторону его мировоззрения. Вопрос об отношении русской литературы к западноевропейской Белинский решал во всей его исторической сложности. Ко всему сказанному следует добавить, что, решая этот вопрос, Белинский вел систематическую борьбу с низкопоклонством отдельных русских писателей, связанных с господствовавшей верхушкой, перед дворянско-буржуазной западноевропейской литературой. Либерально-буржуазное литературоведение, демагогически используя ошибочные положения в статьях Белинского, на протяжении многих десятилетий изображало его проповедником зависимости русской литературы от западноевропейской. В этом нет ничего удивительного. Удивительно то, что глубоко ошибочные

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 191, 192.

² Те же, т. XI, стр. 495—496.

представления об истолковании Белинским отношения русской литературы к западноевропейской держались до недавнего прошлого в советском литературоведении.

Изложенные взгляды Белинского на русскую допушкинскую литературу нашли свое прямое отражение и в его взглядах на Пушкина. Белинский не раз заявлял, что Пушкин является поэтом формы по преимуществу. И в этом его заявлении заключен глубокий, хотя и противоречивый смысл. Между тем некоторые исследователи пытаются затушевать этот вопрос. Их смущает формула: «Пушкин, по преимуществу, поэт формы». Им кажется, что это звучит формалистически, и они пытаются оправдать Белинского. Они говорят, что Белинский не отрывал формы от содержания, что в его истолковании форма всегда содержательна. А раз так, значит его определение — «Пушкин, по преимуществу, поэт формы» — ничего ошибочного в себе не содержит. Но тут возникает вопрос: почему именно Пушкина Белинский называет поэтом формы по преимуществу, а не Гоголя, не Лермонтова и т. д.?

Пушкинское творчество было для Белинского итогом развития всей русской литературы. Именно — *всей*. Вспомним начало его четвертой статьи пушкинского цикла:

«Великие реки составляют из множества других, которые, как обыкновенную дань, несут им обилие вод своих. И кто может разложить химически воду, например, Волги, чтоб узнать в ней воды Оки или Камы? Приняв в себя столько рек, и больших и малых, Волга пышно катит свои собственные волны, и все, зная о ее бесчисленных похищениях, не могут указать ни на одно из них, плывя по ее широкому раздолью. Муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя, как свое законное достояние, и возвратила их миру в новом, преображенном виде. Можно сказать и доказать, что без Державина, Жуковского и Батюшкова не было бы и Пушкина, что он их ученик; но нельзя сказать, и еще менее доказать, чтоб он что-нибудь заимствовал от своих учителей и образцов, или чтоб где-нибудь и в чем-нибудь он не был неизмеримо выше их» (XI, 331).

Мы привыкли к этим замечательным строкам Белинского, но воспринимаем их по преимуществу с эмоциональной стороны — как выразительный образ. Между тем необходимо раскрыть историческое и смысловое значение этого образа. Всем своим анализом русского литературного процесса Белинский показал, что русская литература допушкинской поры не была однородна. В ней боролись различные идейно-художественные течения.

ственные направления. В частности, несомненно, что Карамзин противостоял Радищеву, что поэзия Жуковского резко отличалась от поэзии Крылова и т. д. Такие писатели XVIII века, как Крылов, Фонвизин, а в особенности Радищев, глубоко проникали в суть своей эпохи, выражали в своих произведениях дух ее, самосознание народа, между тем как в художественных произведениях Карамзина *не было ничего нашего*. В числе предшественников и учителей Пушкина Белинский называет и Жуковского, который, подобно Карамзину, был очень далек от передовых идей эпохи. Перечислив лучшие произведения Жуковского, Белинский тут же отметил, что «многие из этих пьес уже не могут иметь такого интереса, какой имели прежде, и не могут читаться с таким восторгом и упоением, с какими читались прежде; но причина этого заключается совсем не в таланте Жуковского, а в содержании и духе этих пьес. У всякого времени есть своя задушевная дума, то радостная, то тяжелая; есть свои потребности и свои интересы, а потому и своя поэзия. Неувядаемость поэзии каждой эпохи зависит от идеальной значительности этой эпохи, от глубины и общности идеи, выраженной ее исторической жизнью. Долее всех живут такие произведения искусства, которые во всей полноте и во всей силе передают то, что было самого истинного, самого существенного и самого характеристического в эпохе. Все же, что не выполняет этих условий, или выполняет их неудовлетворительно, — все такое теряет свой интерес в другую эпоху и мало-помалу на веки смывается волнами шумно несущейся жизни. И немного, слишком немного выносится наверх волнами этого глубокого и безбрежного океана, и как много тонет в его бездонной глубине!..» (XI, 287).

Большинство произведений Жуковского не пережило своей эпохи, так как в них не была раскрыта сущность ее.

Как же, с точки зрения Белинского, Пушкин мог одновременно использовать творческий опыт таких разных писателей, как Радищев и Карамзин, Крылов и Жуковский?

Суть дела в том, что, с точки зрения Белинского, русская литература на протяжении всего XVIII и первой четверти XIX века находилась в процессе становления, как литература общенационального значения и звучания. Она не могла стать общенациональной литературой, не выработав метода изображения частной жизни частных людей, не произведя серьезных изменений в литературном языке (в первую очередь, в смысле сближения его с разговорным языком), не создав периодических органов, где бы могли печататься литературные произ-

ведения, не образовав определенных кругов читающей публики с определенными вкусами, требованиями, мнениями и суждениями и т. д. Эти задачи решала вся русская литература, их решали и Радищев, и Карамзин. Как уже отмечалось, Белинский видит серьезные заслуги Карамзина в повороте внимания литературы к частной жизни частных людей, в создании в России читающей публики, в том, что он положил начало изданию литературных журналов. Не меньшие заслуги имеет Карамзин, как один из преобразователей русского литературного языка. Гениальные труды товарища Сталина по вопросам языкознания дают нам возможность по-новому подойти к вопросу о роли и значении Карамзина в этом отношении, по-новому раскрыть многие высказывания Белинского о Карамзине. Товарищ Сталин указывает: «Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан, как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык. Ввиду этого служебная роль языка, как средства общения людей, состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать все общество, все классы общества. Этим собственно и объясняется, что язык может одинаково обслуживать как старый, умирающий строй, так и новый, поднимающийся строй; как старый базис, так и новый, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых».¹

Карамзин, участвуя в разработке русского литературного языка, выполнял определенное задание своего класса. Тем не менее, эта работа, в которой, как и в художественном творчестве, обнаружилась его классовая ограниченность, была на пользу всей нации. Создание русского литературного языка было общенациональным делом. Все это давало основание Белинскому отнести Карамзина к предшественникам Пушкина.

Значение Радищева для истории русской литературы вообще, для Пушкина в частности, несоизмеримо со значением Карамзина. Радищев поднялся на такую идейную высоту, что в этом отношении он был примером для передовых русских

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 5—6.

писателей на протяжении многих десятилетий. Радищев решал задачи, не идущие ни в какое сравнение с теми, что решались Карамзиным. Радищев ставил в своих произведениях вопросы о судьбах страны, он был защитником интересов народа, борцом за его счастливое будущее. У него были и единомышленники, и почитатели, и читатели. На умы современников он оказывал чрезвычайно глубокое воздействие. Но все же идеалам его суждено было осуществиться лишь в будущем. Между тем Карамзин проповедывал такие «идеалы», которые были уже осуществлены или осуществлялись всем складом жизни русского дворянства. Во второй статье пушкинского цикла Белинский писал:

«Есть два рода деятелей на всяком поприще: одни своими делами творят новую эпоху, действуют на будущее; другие действуют в настоящем и для настоящего. Первые бывают не признаны, не поняты, не оценены и часто даже гонимы и ненавидимы своими современниками; их апофеоза создается в будущем, когда уже самые кости их истлеют в могиле; вторые — всегда любимцы и властелины своего времени, но, уваженные, превознесенные и счастливые при жизни своей, они получают уже совсем не то значение после их смерти, а иногда и переживают свою славу. Без сомнения, первые выше вторых, ибо это натуры великие и гениальные, тогда как вторые — только сильно и ярко даровитые натуры. Первые, если они действуют на литературном поприще, завещают потомству творения вечные, неумирающие; вторые — пишут для своих современников, и их произведения для будущих поколений получают уже не безусловное, но только историческое значение, как памятники известной эпохи. К числу деятелей второго разряда принадлежит Карамзин...» (XI, 219—220). Многозначием Белинский намекнул на то, что он лишен возможности назвать представителя деятелей первого разряда. Таким мог быть только Радищев. Мы вполне присоединяемся к мнению Н. И. Мордовченко, впервые обратившему на это внимание.¹

При всем различии между деятелями первого и второго типа — и те, и другие, по убеждению Белинского, вносили соответственный вклад в дело строительства великой русской общенациональной литературы, становление которой завершилось в творчестве Пушкина. По словам Чернышевского, «через него разлилось литературное образование на десятки тысяч

¹ Н. И. Мордовченко. Белинский и литература его времени. Гослитиздат, 1950, стр. 187.

людей... Он первый возвел у нас литературу в достоинство национального дела...».¹ Пушкин совершил исторический подвиг, опираясь на достижения всех русских писателей предшествующей эпохи. В этом смысле и надо понимать образное выражение Белинского, сравнившего Пушкина с великой рекой, вобравшей в себя воды всех малых рек и даже ручейков.

4

Прежде всего как создателя общенациональной литературы Белинский и называл Пушкина поэтом формы по преимуществу. Пушкин достиг того, к чему стремились все выдающиеся русские писатели на протяжении всего XVIII и первых двух десятилетий XIX века, — он создал национальную литературную форму, с помощью которой стало возможным всестороннее и глубокое изображение русской национальной действительности в целях духовного воспитания русского народа. Именно Пушкину в заслугу ставит Белинский создание национальной литературной формы, а не Гоголю и не Лермонтову.

Действительно, Белинский не отрывал формы от содержания. Пушкина он называл первым поэтом действительной жизни в России. Только воплотив в своем творчестве всю полноту содержания русской национальной жизни, Пушкин сумел создать и русскую национальную форму. Этим Пушкин обязан своему гению и той колоссальной работе, которая была проделана его предшественниками. Однако основной причиной успеха Пушкина было то, что Отечественная война 1812 года, героическая борьба русского народа с нашествием Наполеона, сокрушение наполеоновской армии, против которой не могла устоять ни одна страна, кроме России, — что все это с небывалой дотоле полнотой и глубиной раскрыло могучие духовные силы русского народа, русского национального характера. Пушкин имел огромные преимущества перед всеми своими предшественниками в смысле того содержания, которое давало его творчеству русская жизнь. Громадный патристический подъем в России, рожденный войной 1812 года, послужил почвой для возникновения революционного декабристского движения, сообщившего поэзии Пушкина особую политическую направленность. Пушкин стал одновременно певцом патриотизма и певцом свободы.

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, Гослитиздат, 1949, стр. 475.

Как любил говорить Белинский, Пушкин писал о России и для России. Пушкин поставил в своих произведениях коренные проблемы исторического развития России — ее прошедшего, настоящего и будущего. С исключительной силой он показал решающую и определяющую роль народа в истории страны. Решение этих задач было доступно только великому художнику-реалисту. Выполняя свою историческую миссию, Пушкин стал основоположником реализма в русской литературе. Формула Белинского — Пушкин поэт формы по преимуществу — имеет поэтому и второе значение: Пушкин является создателем реалистического метода.

Называя Пушкина поэтом формы по преимуществу, Белинский подразумевал и его великие заслуги перед русской литературой и исторически обусловленную ограниченность пушкинского реализма. Само собой разумеется, что реализм Пушкина — явление, исторически обусловленное. Но это не дает никаких оснований утверждать, что форме Пушкин отдавал предпочтение перед содержанием. В тех случаях, когда Белинский говорит это, он исходит или из неверной посылки относительно того, что русская национальная литература сложилась путем сращения русского содержания с заимствованной на Западе литературной формой, или из того, что ни один из предшественников Пушкина не был вполне и до конца художником, что до появления Пушкина русская литература не обладала средствами всестороннего изображения русской действительности. Только Пушкин полностью овладел ими. Он был первым художником на Руси. Белинский иногда допускает мысль, будто главная заслуга Пушкина и сводилась к тому, что он стал первым русским писателем-художником. Вот как Белинский определяет пафос пушкинской поэзии:

«В Шекспире, вас... останавливает прежде всего не художник, а глубокий сердцеведец, мирообъемлющий созерцатель; художество же в нем как будто признается вами без всяких слов и объяснений... В поэзии Байрона, прежде всего обоймет вашу душу ужасом удивления колоссальная личность поэта, титаническая смелость и гордость его чувств и мыслей. В поэзии Гете, перед вами выступает поэтически-созерцательный мыслитель, могучий царь и властелин внутреннего мира души человека. В поэзии Шиллера, вы преклонитесь с любовью и благоговением перед трибуном человечества, провозвестником гуманности, страстным поклонником всего высокого и нравственно-прекрасного. В Пушкине, напротив, прежде всего увидите художника, вооруженного всеми чарами поэзии, призванного для искусства, как для искусства, исполненного»

любви, интереса ко всему эстетически-прекрасному, любящего все, и потому терпимого ко всему. Отсюда все достоинства, все недостатки его поэзии, — и если вы будете рассматривать его с этой точки, то с удвоенною полнотою насладитесь его достоинствами и оправдаете его недостатки, как необходимое следствие, как оборотную сторону его же достоинств...» (XI, 376, 377).

Заметим, что это сказано Белинским в 1843 году.

Ставя Пушкина, как равного, в один ряд с гениальными мировыми поэтами, Белинский, в известном смысле, и противопоставляет его им. Гомер, Шекспир, Байрон, Гете, Шиллер — величайшие художники, они владеют всеми средствами искусства, как искусства. Но, помимо того, каждый из них обладает еще особой, индивидуальной чертой, определяющей его место в истории мировой литературы. Пушкин же, в отличие от них, только величайший художник, утвердивший в России поэзию, литературу вообще, как искусство.

Мы не можем согласиться с этим. Сам Белинский анализом творчества Пушкина показывает, что его сопоставление Пушкина с мировыми поэтами страдает односторонностью. По характеристике самого же Белинского Пушкин потому и стал величайшим художником, потому и утвердил окончательно на Руси поэзию, как искусство, что он выразил в своем творчестве важнейший акт в развитии самосознания русского народа, обусловленный всем ходом исторических событий.

Таким образом, формулировка Белинского, перешедшая затем к Чернышевскому и Добролюбову относительно того, что Пушкин — поэт формы по преимуществу, является закономерным выводом из его историко-литературных взглядов. Она, как видим, выражает и силу их, и некоторую слабость. Эта слабость есть следствие, с одной стороны, просветительских тенденций в исторической концепции критика, а с другой — противоречивых суждений о природе художественности. В сущности говоря, Белинский всегда стоял на точке зрения единства формы и содержания в художественном произведении. Он считал, что само понятие «художественность» является исторически развивающимся. В 40-е годы Белинский утверждал, что один из первейших признаков художественности того или иного произведения — его актуальность, современность, решение в нем самых жгучих вопросов современности, соответствующее наиболее прогрессивным устремлениям эпохи. Вместе с тем и в 40-е годы он не порвал окончательно с ошибочным, неверным определением художественности, как совершенно особого качества, автономного от содержания.

Этот ошибочный взгляд на природу художественности, оставшийся непреодоленным до конца и в позднейших статьях Белинского, также отчасти сказался на трактовке Белинским Пушкина, более всего — на сопоставлении его с мировыми поэтами.

Отдельные ошибочные положения в статьях и высказываниях Белинского о Пушкине ни в малейшей степени не колеблют основных установок и принципов его гениальной концепции творчества Пушкина. Эта концепция характеризуется органическим единством исторического и эстетического подхода к творениям великого поэта. Историческое обоснование самого появления поэзии Пушкина было для Белинского конкретным выражением ее эстетической оценки.

«Наблюдая за ходом отечественной литературы, — замечает Белинский, — мы, естественно, часто должны были в прошедшем отыскивать причины настоящего, и прозревать в историческую связь явлений. Чем более думали мы о Пушкине, тем глубже прозревали в живую связь его с прошедшим и настоящим русской литературы, и убеждались, что писать о Пушкине — значит писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей» (XI, 193).

Те высокие качества, которые Пушкин привил русской литературе, должны были, в соответствии с новыми потребностями, получить дальнейшее свое развитие. Прямыми и непосредственными наследниками Пушкина, продолжателями его традиций Белинский считает Лермонтова и Гоголя: «... Лермонтов призван был выразить собою и удовлетворить своею поэзией несравненно высшее, по своим требованиям и своему характеру, время, чем то, которого выражением была поэзия Пушкина». И далее, имея в виду Гоголя и его поэму «Мертвые души», Белинский пишет: «Другой поэт, вышедший на литературное поприще при жизни Пушкина и приветствованный им, как великая надежда будущего, после долгого и скорбного безмолвия, подарил, наконец, публику таким творением, которое должно составить эпоху и в летописях литературы, и в летописях развития общественного сознания...» (XI, 192).

Словом, Пушкин при всем его величии, при всей горячей любви к нему со стороны Белинского был для критика все-таки определенным этапом в развитии русской литературы.

В чем же, с точки зрения Белинского, состоят основные черты пушкинского реализма, как важнейшего этапа на путях исторического движения русской литературы?

Рассмотрим здесь два вопроса, которые решает Белинский в отношении Пушкина: вопрос о народности Пушкина и вопрос о Пушкине, как поэте действительной жизни.

5

Белинский считал народность определяющей чертой реалистического искусства. Сама народность, однако, не была для него раз навсегда данной и неизменной. Он понимал ее исторически. Так, например, с его точки зрения, народность Гоголя и народность Пушкина, при всей общности между ними, в то же время и отличались одна от другой.

Пушкин запечатлел в своем творчестве могущество русского народа, проявленное им с исключительной, небывалой силой в победе над Наполеоном, в освобождении от наполеоновского гнета народов Европы. Пушкин запечатлел в своем творчестве любовь русского народа к своей родине, его духовную красоту, его ненависть к строю угнетения и эксплуатации, неугасимое стремление к свободе. Произведения Пушкина отличаются высокой гуманностью, защитой прав и достоинств человека, независимо от его положения в обществе. Творчество Пушкина пронизано горячей верой в великое и прекрасное будущее России, русского народа и русской культуры. В Пушкине нашли выражение все лучшие свойства русской нации на определенном этапе ее исторической жизни. Он создал целую галерею образов положительных героев.

«Поэзия Пушкина, — провозглашает Белинский, — удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу, или русские характеры: на этом основании, общий голос нарек его русским национальным, народным поэтом. . .» (XI, 389).

Как истинный народный и национальный поэт, Пушкин постиг сущность русского национального характера, национальных русских традиций. Развивая эту мысль, Белинский пишет: «Чтоб верно изображать какое-нибудь общество, надо сперва постигнуть его сущность, его особенность, — а этого нельзя иначе сделать, как узнав фактически и оценив философски ту сумму правил, которыми держится общество. У всякого народа две философии: одна ученая, книжная, торжественная и праздничная, другая — ежедневная, домашняя, обиходная. Часто обе эти философии находятся более или менее в близком соотношении друг к другу; и кто хочет изображать общество, тому надо познакомиться с обеими, но последнюю особенно необходимо изучить. Так точно, кто хочет узнать

какой-нибудь народ, тот прежде всего должен изучить его — в его семейном, домашнем быту. Кажется, что бы за важность могли иметь два такие слова, как, напр., *авось* и *живет*, а между тем они очень важны и, не понимая их важности, иногда нельзя понять иного романа, не только самому написать роман. И вот глубокое знание этой-то обиходной философии и сделало *Онегина* и *Горе от ума* произведениями оригинальными и чисто русскими» (XII, 85).

Народность Пушкина Белинский подтверждает анализом всего его творчества. Но особое значение в этом отношении он придает «Евгению Онегину», как центральному пушкинскому произведению. «Евгений Онегин», по определению Белинского, «есть поэма *историческая* в полном смысле слова, хотя в числе ее героев нет ни одного исторического лица» (XII, 74). С другой стороны, «Евгения Онегина» Белинский называет энциклопедией русской жизни. Историческим произведением искусства, по мысли Белинского, будет то, которое отражает те или иные существенные черты той или иной эпохи. Что касается «Евгения Онегина», в нем, как указывает Белинский, отражена эпоха «двадцатых годов текущего т. е. XIX столетия» (XII, 89). Одной из самых характерных особенностей этой эпохи было появление среди передовых слоев дворянства людей типа Евгения Онегина, т. е. таких, которые не удовлетворялись ни существующими условиями жизни, ни самими собой. Значительность образа Онегина, как его истолковывает Белинский, в том и состоит, что он выражал мысль поэта о необходимости коренных перемен в существующем строе. И эта мысль поэта соответствовала интересам народа.

Таким образом, основной признак народности художника — его способность быть духовным вождем народа. Эту способность Белинский и признавал за Пушкиным.

Вместе с тем Белинский считал, что русская литература уже в 30-е, а тем более в 40-е годы должна была идти дальше Пушкина в смысле сближения с народом, в смысле все более полного и глубокого выражения постоянно возрастающих общественных запросов народа. Пушкин, будучи истинно народным и истинно национальным поэтом, был в то же время человеком, прочно связанным с дворянством.

Принадлежность Пушкина к дворянству не мешала ему быть народным поэтом, но придавала его народности определенный характер. Самые передовые идеи эпохи 20-х годов — идеи дворянских революционеров, декабристов. Белинский, явно недооценивая связи Пушкина с декабристами, постоянно подчеркивал то обстоятельство, что его творчество питалось

передовыми идеями эпохи, каковыми могли быть только идеи декабристов. Мы не имеем возможности здесь останавливаться на том, почему Белинский не смог с надлежащей полнотой и глубиной понять и осветить вопрос о взаимоотношении Пушкина и декабристов. Это — особая тема. Для нас важно установить, что, связывая творчество Пушкина с передовыми течениями общественной мысли, Белинский тем самым логически признавал и его связь с декабристами. И если декабристы, оставаясь дворянами, могли служить делу народа, мог ему служить и Пушкин, будучи дворянином. Более того, он, собственно, потому и поднимался в своем творчестве до служения *всей* нации, *всему* народу, что идейную основу его произведений составляли идеи самых передовых представителей дворянства. Как показал В. И. Ленин, во главе идейного движения той эпохи были и могли быть только выходцы из дворянской среды.

Характеризуя декабристов, Ленин устанавливает и их величие, и их ограниченность, как революционеров.

В свете ленинской характеристики декабристов мы можем понять и указание Белинского на ограниченность народности Пушкина. В последнее время в некоторых работах о Пушкине проводится мысль о том, что Пушкин в своих зрелых произведениях был гораздо ближе к народу, нежели декабристы. Это положение следует, очевидно, признать бесспорным, хотя оно еще недостаточно аргументировано и не развернуто. Бесспорно, однако, и то, что Пушкин, решительно пошедший на сближение с народом, был тем не менее дальше от народа, нежели Белинский, дальше не только субъективно, но и объективно, т. е. в своем творчестве. Белинский много раз указывал на то, что его собственные идеологические позиции и позиции Пушкина — отнюдь не тождественны. Белинский говорит об этом даже тогда, когда защищает Пушкина от нападок за его пристрастие к дворянству, за то, что он отводит центральное место в своих произведениях дворянскому герою. Пушкин прав был, избрав главным героем своего главного произведения передового дворянина, ибо, создавая образ этого героя, он смог поставить существеннейшие вопросы эпохи. Но Белинский и на этот раз не упускает случая заявить, что его собственная позиция не является дворянской: «Что касается лично до нас, мы совсем не светские люди и в свете не бываем» (XII, 90).

Рассматривая народность Пушкина с революционно-демократических позиций, Белинский отмечает в ней два недостатка. Первый недостаток тот, что Пушкин, хотя и связал

свое творчество с судьбой русского народа, хотя и выражал его мысли и настроения, но делал это более по свойственному ему художественному инстинкту, нежели по убеждению.

«Национальный поэт, — пишет Белинский, — выражает в своих творениях и основную, безразличную, неуловимую для определения субстанциальную стихию, которой представителем бывает масса народа, и определенное значение этой субстанциальной стихии, разившейся в жизни образованнейших сословий нации. Национальный поэт — великое дело!» (XI, 389).

Пушкин потому и был русским национальным поэтом, что выражал в своем творчестве передовую мысль «образованнейших сословий», которая в той или иной мере являлась обобщением еще не осознанных народной массой тенденций в ее же собственной жизни. Но Пушкин стихийно выражал эту мысль. Утверждая это, Белинский и высказывал недооценку влияния на Пушкина декабризма, которую он, по сути дела, отменял всем своим анализом творчества Пушкина.

Все же ограничиться в этом вопросе выяснением недочетов в подходе Белинского к творчеству Пушкина невозможно.

Статьи Белинского о Пушкине, имея своим основным назначением определить роль Пушкина в истории русской литературы, в то же время формулировали те задачи, которые стояли перед русскими передовыми писателями в 40-х годах. Это были задачи более сложные, чем те, которые решал Пушкин, и в свете их становилась очевидной историческая обусловленность народности Пушкина. От передовой литературы нового исторического периода требовалось более решительно и более сознательно разоблачать крепостнический строй.

С точки зрения этих требований народность Пушкина не совсем удовлетворяла Белинского. «Обращаясь к Пушкину, — замечает он, — мы скажем, по поводу вопроса о его национальности, что он не мог не отразить в себе географически и физиологически народной жизни, ибо был не только русский, но притом русский, наделенный от природы гениальными силами; однакож в том, что называют народностью или национальностью его поэзии, мы больше видим его необыкновенно великий художнический такт. Он в высшей степени обладал этим тактом действительности, который составляет одну из главных сторон художника» (XI, 389).

Напомним еще раз, что Белинский говорит о недостатках реализма и народности Пушкина с точки зрения тех требований, которые предъявлялись к русской литературе новой исторической эпохой. По Белинскому, послепушкинская литература должна была в этом отношении пойти гораздо дальше Пуш-

кина, развивая и углубляя его традиции. Так что речь шла не о том, чтобы отменить или даже изменить принципы пушкинской народности, но о том, чтобы разрабатывать их в соответствии с новыми требованиями новой эпохи.

Для Белинского Пушкин был самым глубоким выразителем духа своего времени. Но так как Белинский признавал, что Россия, особенно после победоносной войны 1812 года, стремительно двигалась вперед по пути прогресса, то он не мог не рассматривать Пушкина как звено в общей цепи растущей и развивающейся русской литературы. То, что Пушкин не отвечал на все запросы *новой* эпохи, было для Белинского одновременно и доказательством величия Пушкина, как сына своего времени, и доказательством могущества духа русского народа, который выдвинул достойных преемников Пушкина — Лермонтова и Гоголя.

В восьмой статье пушкинского цикла мы читаем: «...самые недостатки *Онегина* суть в то же время и его величайшие достоинства: эти недостатки можно выразить одним словом — «старò»; но разве вина поэта, что в России все движется так быстро? — и разве это не великая заслуга со стороны поэта, что он так верно умел схватить действительность известного мгновения из жизни общества? Если б в *Онегине* ничто не казалось теперь устаревшим или отсталым от нашего времени, — это было бы явным признаком, что в этой поэме нет истины, что в ней изображено не действительно существовавшее, а воображаемое общество: в таком случае, что ж бы это была за поэма, и стоило ли бы говорить о ней?..» (XII, 89).

Итак, по Белинскому, время опередило Пушкина. В то же время, с точки зрения Белинского, Пушкин опередил свое время. Белинский считает, что поэзия Пушкина всегда будет иметь огромное значение в воспитании русского национального характера. «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, благоуханное и грациозное во всяком чувстве Пушкина. В этом отношении, читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека, и такое чтение особенно полезно для молодых людей обоюбого пола. Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства». И дальше: «...чтение Пушкина должно сильно действовать на воспитание, развитие и образование изящно-гуманного чувства в человеке» (XI, 395, 398).

Сравнивая «Цыган» с «Кавказским пленником» и «Бахчисарайским фонтаном», Белинский писал: «Мы хорошо помним

это время, помним, как многие были неприятно разочарованы „Цыганами“ и говорили, что „Кавказский пленник“ и „Бахчисарайский фонтан“ гораздо выше новой поэмы. Это значило, что поэт вдруг перерос свою публику и одним орлиным взмахом очутился на высоте, недоступной для большинства. В то время, как он уже сам беспощадно смеялся над первыми своими поэмами, его добродушные поклонники еще бредили *Пленником, Черкешенкою, Заремою, Мариєю, Гиреем, Братьями-разбойниками*, и только по какой-то робости похваляли „Цыган“, или боясь окомпрометировать себя, как образованных судей изящного, или детски восхищаясь песнью Земфиры и сценою убийства. Явный знак, что Пушкин уже перестал быть выразителем нравственной настроенности современного ему общества, и что отселе он явился уже воспитателем будущих поколений» (XII, 28).

Из дальнейших рассуждений Белинского видно, что причину разрыва Пушкина с современным ему обществом критик видит в резком повороте поэта к реализму, в твердом вступлении его на реалистический путь творчества. При помощи реалистического метода Пушкин раскрывал во всей глубине реальные противоречия русской действительности той эпохи. Современники поэта в своей основной массе не были подготовлены к тому, чтобы воспринять и оценить это. Отсюда и охлаждение их к Пушкину, то равнодушие, с которым они встретили самые зрелые произведения его. Оценить их суждено было лишь будущим поколениям. «Но поколения возникают и образуются не днями, а годами, и потому Пушкину не суждено было дожидаться воспитанных его духом поколений — своих истинных судей. „Цыганы“ произвели какое-то колебание в быстро возраставшей до того времени славе Пушкина; но после „Цыган“ каждый новый успех Пушкина был новым его падением, — и „Полтава“, последние и лучшие две главы „Онегина“, „Борис Годунов“ были приняты публикою холодно, а некоторыми журналистами с ожесточением и с оскорбительными криками безусловного неодобрения» (XII, 28—29).

Пушкина смогло оценить только поколение Белинского. Так устанавливается прямая связь и преемственность между поколением Пушкина и поколением Белинского. Белинский потому и оценил Пушкина со всеми его великими достоинствами, что сам был воспитан *его духом*.

Пушкин опередил эпоху, и эпоха опередила Пушкина — эти два внешне противоречивых утверждения Белинского в действительности не противоречат одно другому.

«Публика, с одной стороны, не была в состоянии оценить художественного совершенства его последних созданий (и это, конечно, не вина Пушкина); с другой стороны, она вправе была искать в поэзии Пушкина более нравственных и философских вопросов, нежели сколько находила их (и это, конечно, была не ее вина). Между тем, избранный Пушкиным путь оправдывался его натурою и призванием: он не пал, а только сделался самим собою, но по несчастию в такое время, которое было очень неблагоприятно для подобного направления, от которого выигрывало искусство и мало приобретало общество» (XI, 401).

Не только рядовой читатель из передового слоя дворянства не мог понять и оценить великих реалистических произведений Пушкина, — этого не в силах были сделать до конца даже декабристы. Реалистический метод, разрабатывавшийся Пушкиным, выводил его за рамки декабристской идеологии. И когда Белинский говорит о том, что Пушкин опередил свое время, он, конечно, имеет в виду и это обстоятельство, и еще более то, что в творчестве Пушкина поставлены такие вопросы, которые никогда не утратят своего значения для человечества, особенно для русского народа.

Реалистические произведения Пушкина, изображая жизнь во всей ее сложности и со всеми ее действительными противоречиями, подводили поэта к вопросу о роли народа в историческом развитии общества.

Вместе с тем эпоха Пушкина — это эпоха формирования поколения Белинского. Без поэзии Пушкина была бы немислима эстетика и критика Белинского. Воспитавшись во многих отношениях на Пушкине, Белинский затем дал гениальную оценку Пушкину. Но духовные запросы Белинского (как и поколения, к которому он принадлежал), ставшего в 40-х годах революционным демократом, уже в 30-е годы не смогли вполне удовлетвориться идейным содержанием творчества Пушкина. Имея это в виду, Белинский и говорит о том, что Пушкин отстал от своей эпохи.

Следовательно, требуя дальнейшего развития традиций народности Пушкина, Белинский требовал того, чтобы народность русской литературы соответствовала революционно-демократической идеологии.

Время поставило перед послепушкинской литературой вопросы, которые не стояли перед Пушкиным. Однако Пушкин ответил в своем творчестве на такие вопросы, которые были важны не только для его времени. Пушкин — певец патриотизма и свободы. И эти качества его поэзии никогда не могут

устареть. На всех этапах исторического развития России, при всех изменениях, которые происходили в условиях общественно-политической жизни русского народа и в его самосознании, чувства его горячей любви к Родине и свободе всегда были и поныне остаются наиболее характерными для него.

Вот почему поэзия Пушкина навсегда сохранит свое воспитательное значение.

6

Народным поэтом может быть только поэт действительной жизни. В реалистическом воспроизведении этой последней именно народ прежде всего и заинтересован. В то же время выражение тем или иным поэтом народной точки зрения — важнейшая предпосылка реального воспроизведения действительной жизни в его произведениях.

Две проблемы, о которых здесь идет речь, хотя и тесно связаны между собой, но не тождественны.

Говорить о народности Пушкина — это значит говорить преимущественно о том, в какой мере Пушкин отразил в своем творчестве сущность русского национального характера и выразил его духовные запросы.

Говорить о Пушкине, как поэте действительной жизни, это значит говорить о том, как решается в его творчестве вопрос о взаимоотношении человека и окружающей его среды, о власти среды над человеком и о возможности человека возвыситься над средой.

«Поэзия Пушкина, — утверждает Белинский, — удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу, или русские характеры. . .». Белинский рекомендует читателям Пушкина: «Прочтите его чудную драматическую поэму „Русалка“: она вся насквозь проникнута истинностью русской жизни; прочтите его тоже чудную драматическую поэму „Каменный Гость“: она, и по природе страны и по нравам своих героев, так и дышит воздухом Испании; прочтите его „Египетские Ночи“: вы будете перенесены в самое сердце издыхающего древнего мира. . . Если он с такою истиною рисовал природу и нравы даже никогда не виданных им стран, как же бы его изображения предметов русских не отличались верностью природы?» (XI, 389, 390).

Пушкин уничтожил разрыв между поэзией и действительностью. Но он достиг этого благодаря тому, что для него

человек и действительность, окружающий его мир, представляли собой нечто единое и целое, хотя и глубоко противоречивое.

«Пушкин не дает судьбе победы над собою; он вырывает у ней хоть часть отнятой у него отрады. Как истинный художник, он владел этим инстинктом истины, этим тактом действительности, который на „здесь“ указывал ему как на источник и горя и утешения, и заставлял его искать целения в той же сущности, где постигла его болезнь. И, право, в этой силе, опирающейся на внутреннем богатстве своей природы, более веры в промысл и оправдания путей его, чем во всех заоблачных порываниях мечтательного романтизма» (XI, 386).

Пушкин, как реалист, показывал в своих произведениях законосообразность явлений окружающей жизни.

Пушкин, как реалист, устанавливал и зависимость духовного и нравственного мира человека от условий, в которых он живет.

Однако сами эти условия не являются неизменными. С течением времени они изменяются и развиваются, а следовательно, изменяется и развивается духовный и нравственный мир человека, причем это движение и развитие совершается не только вследствие движения и развития самой действительности, но и вследствие расширяющегося и углубляющегося понимания ее человеком.

Чем шире и глубже представления человека об окружающем его мире, тем разностороннее и богаче его духовный мир. Познавая действительность, человек духовно растет и развивается. Познавание действительности невозможно без оценки ее, без отношения к ней. Вследствие этого человек в своем духовном и нравственном развитии может возвыситься над непосредственно окружающими его условиями жизни, стать в отрицательное отношение к ним. Это и случается с некоторыми героями Пушкина, в том числе и с Евгением Онегиным.

По определению Белинского, «Онегин — характер действительный, в том смысле, что в нем нет ничего мечтательного, фантастического, что он мог быть счастлив или несчастлив только в действительности и через действительность» (XII, 111).

Та действительность, в которой приходилось жить Онегину, не могла удовлетворить его. В ней он не мог чувствовать себя счастливым. Онегина Белинский причисляет к лучшим представителям «образованнейшего сословия», которые под влия-

нием патриотического подъема, вызванного Отечественной войной 1812 года, задумались над многими существенными вопросами общенациональной жизни. В связи с этим знание действительности у Онегина несравненно богаче, нежели у обыкновенного дворянина того времени. Взгляды и понятия Онегина существенно отличаются от обычных взглядов и понятий его среды. «...Онегин не был ни холоден, ни сух, ни черств, ... в душе его жила поэзия, ... вообще он был не из числа обыкновенных, дюжинных людей» (XII, 96). «Онегин — не Мельмот, не Чайльд-Гарольд, не демон, не пародия, не модная причуда, не гений, не великий человек, а просто — „добрый малый, как вы да я, как целый свет“. Поэт справедливо называет „обветшалую модою“ везде находить или везде искать все гениев да необыкновенных людей. Повторяем: Онегин — добрый малый, но, при этом, недюжинный человек. Он не годится в гении, не лезет в великие люди, но бездельность и пошлость жизни душат его; он даже не знает, чего ему надо, чего ему хочется; но он знает, и очень хорошо знает, что ему не надо, что ему не хочется того, чем так довольна, так счастлива самолюбивая посредственность. И зато эта самолюбивая посредственность не только провозгласила его „безнравственным“, но и отняла у него страсть сердца, теплоту души, доступность всему доброму и прекрасному» (XII, 99).

Онегин — недюжинный человек. Он более широко связан с миром, чем люди его круга. В то время, как для них, например, крестьянин существовал лишь в качестве крепостного тягла, для Онегина он был человеком. Онегин так или иначе стремился познать, понять и облегчить участь крестьянина. Он задумывается о стране в целом, о ее развитии, о взаимоотношениях с другими странами.

Рост духовного и нравственного мира Онегина Пушкин рисует на фоне всей жизни страны, всех ее сословий. Иначе и не могло быть. Онегин — это человек, много видевший и много думавший. В этом и состоит его превосходство над людьми своего круга: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей», разумеется не людей вообще, а людей определенной категории.

Отсюда понятно, почему роман, центральным героем которого является дворянин, лучший представитель «образованнейшего слоя», стал энциклопедией русской жизни.

Пушкин, как величайший реалист, с огромной силой раскрывал диалектику взаимоотношения человека и действительности. Это давало ему возможность, во-первых, правдиво и

глубоко изображать людей различных сословий и классов во всей психологической сложности и противоречивости; во-вторых, отражать действительность страны в целом.

Метод реалистического изображения человека во взаимосвязях со средой, открывший возможность показывать не только зависимость человека от среды, но, и, при известных условиях, возвышение его над средой, Белинский считал величайшим завоеванием Пушкина. Белинский ставил перед современной ему литературой задачу продолжения и развития пушкинских традиций в этом отношении. В статьях о Пушкине и в других своих работах последних лет жизни он довольно часто возвращается к этому вопросу.

Современная ему действительность не удовлетворяла Пушкина, как и его лучших героев. В этом величайшее достоинство поэзии Пушкина.

Не удовлетворяясь окружающей действительностью, Пушкин и его лучшие герои ищут выхода не в «заоблачных мечтаниях», а в той же самой действительности. Именно за это и ценит Белинский Онегина. Другое дело, что Онегин не мог найти никакого выхода. За это нельзя винить ни его самого, ни Пушкина. Вина за это лежит на той же самой действительности. Онегин хотя и осудил ее, но порвать с нею не смог. «Что-нибудь делать можно только в обществе, на основании общественных потребностей, указываемых самою действительностью, а не теориею; но что бы стал делать Онегин в сообществе с такими прекрасными соседями, в кругу таких милых ближних?» (XII, 101).

Обращение Пушкина к действительности, как к источнику и средству, с помощью которых можно устранить ее же собственные недостатки, Белинский опять-таки рассматривал как величайшее достоинство его поэзии.

Но Белинский не ограничивается установлением того, что реалистический метод, созданный Пушкиным, давал возможность изображения действительности во всей ее исторически и социально обусловленной противоречивости, позволял вскрывать ее пороки и осуждать их. Белинский ставит вопрос о качестве самого осуждения отрицательных сторон действительности в реализме Пушкина. С точки зрения исторических требований новой эпохи и своей материалистической эстетики Белинский отмечает некоторые недостатки пушкинского реализма в этом плане.

То, что Пушкин изображает, как говорит Белинский, диссонансы в окружающих его условиях жизни, — это критик объявляет его огромным достижением. Но само отношение

Пушкина к этим диссонансам не вполне удовлетворяет Белинского. Здесь, в сущности говоря, Белинский из области рассмотрения реализма Пушкина переключается в область рассмотрения непосредственно мировоззрения и политических позиций поэта. Приведем наиболее развернутое суждение Белинского на этот счет из пятой статьи пушкинского цикла.

«Так как поэзия Пушкина вся заключается преимущественно в поэтическом созерцании мира, и так как она безусловно признает его настоящее положение, если не всегда утешительным, то всегда необходимо разумным, — поэтому она отличается характером более созерцательным, нежели рефлектирующим, выказывается более, как чувство, или как созерцание, нежели как мысль. Вся насквозь проникнутая гуманностию, муза Пушкина умеет глубоко страдать от диссонансов и противоречий жизни, но она смотрит на них с каким-то самоотрицанием (*resignatio*), как бы признавая их роковую неизбежность и не нося в душе своей идеала лучшей действительности и веры в возможность его осуществления. Такой взгляд на мир вытекал уже из самой природы Пушкина; этому взгляду обязан Пушкин изящною елейностию, кротостию, глубиною и возвышенностию своей поэзии, и в этом же взгляде заключаются недостатки его поэзии. Как бы то ни было, но по своему воззрению, Пушкин принадлежит к той школе искусства, которой пора уже миновала совершенно в Европе, и которая даже у нас не может произвести ни одного великого поэта. Дух анализа, неукротимое стремление исследования, страстное, полное вражды и любви мышление, сделались теперь жизнью всякой истинной поэзии» (XI, 399).

Мысли, заключенные в приведенной цитате, не были для Белинского случайными. В тех или иных вариантах они неоднократно повторяются в его статьях.

Центральным моментом в приведенном суждении надо признать замечание Белинского о том, что Пушкин как бы признавал «роковую неизбежность» так называемых «диссонансов», что он не носил «в душе своей идеала лучшей действительности и веры в возможность его осуществления».

Здесь затронут основной вопрос мировоззрения Пушкина и его общественно-политических позиций — вопрос об отношении поэта к отрицательным сторонам современной ему действительности и о его политическом идеале. Белинский, в сущности, устанавливает противоречивость Пушкина в этом вопросе. Как художник, он правдиво воспроизводил действительность, вскрывал все ее пороки и ужасы. Как мыслитель,

он не делал из этого надлежащих выводов, не подчеркивал неизбежности падения и гибели всего устаревшего и уродливого, не показывал его исторической обреченности.

Отсюда и утверждение Белинского о превосходстве Пушкина-художника над Пушкиным-мыслителем.

Не удовлетворяясь силой отрицания в произведениях Пушкина, Белинский иногда был склонен объяснить этот недостаток великого поэта особенностью самой природы его. В других случаях, говоря о превосходстве Пушкина-художника над Пушкиным-мыслителем, Белинский исходит из своего ограниченного понимания исторического назначения Пушкина, призвание которого будто бы состояло лишь в утверждении в России литературы как искусства. Но и то и другое объяснение не могло удовлетворить самого Белинского, и он выдвигает третье объяснение. Закljučая девятую статью о Пушкине, посвященную анализу «Евгения Онегина», Белинский пишет: «Заметим одно: личность поэта, так полно и ярко отразившаяся в этой поэме, везде является такою прекрасною, такою гуманною, но в то же время по преимуществу артистическою. Везде видите вы в нем человека, душою и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого им класса; короче, везде видите русского помещика... Он нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности; но принцип класса для него — вечная истина... И потому в самой сатире его так много любви, самое отрицание его так часто похоже на одобрение и на любование...» (XII, 144).

Таким образом, недостаточная сила отрицания в реализме Пушкина в конечном счете объясняется, с точки зрения Белинского, прочной связью поэта с дворянской идеологией и с жизненными интересами дворянства. Поэтому, говоря о превосходстве Пушкина-художника над Пушкиным-мыслителем, Белинский имел в виду отнюдь не разрыв между творческой одаренностью поэта и его умственными силами, но социальную направленность и социальное содержание его мировоззрения. Логика реалистического искусства, основоположником которого в России был Пушкин, вела его к отрицанию существовавших форм жизни. Логика общественно-политических и жизненных позиций не давала ему возможности довести это отрицание до отрицания самих основ помещичьей жизни, вложить в него всю силу страсти, убежденности и заинтересованности. Напротив, подчиняясь логике своих общественно-политических взглядов, не выходящих за рамки дворянской идеологии, он не только не доводил до полного завершения логики

отрицания, вытекавшей из всей системы его реализма, но порой прямо ослаблял ее.

Одним из основных и важнейших принципов реалистической эстетики Белинского было утверждение необходимости слияния в искусстве художественного и мыслительного элементов. Лишь в свете этого утверждения и можно будет окончательно уяснить тезис Белинского о соотношении Пушкина-мыслителя и Пушкина-художника. Было бы крайней наивностью думать, что Белинский, требуя от современной ему передовой литературы не только высокой художественности, но и высокой идейности, считал всю литературу предшествующих эпох совершенно безидейной. Белинский имел в виду совершенно другое. Он не представлял себе подлинного произведения искусства, к какой бы эпохе оно ни относилось, без большой мысли. Требуя соединения в искусстве художественного и мыслительного элементов, Белинский требовал от него активного вмешательства в жизнь, всестороннего охвата жизненных явлений, глубокого анализа и продуманной оценки их, страстного отрицания того, что должно отрицать, и страстного утверждения того, что должно утверждать.

Говоря о соединении мыслительного и художественного элементов, Белинский, в сущности, имел в виду внесение революционно-демократических идей в современную ему передовую русскую литературу.

Для Белинского Пушкин-мыслитель гораздо ниже Пушкина-художника потому, что произведения Пушкина не поднимаются на уровень революционно-демократической идейности.

Борясь за то, чтобы передовая русская литература выполняла предназначения революционно-демократической эстетики, Белинский, естественно, должен был сказать, что пора школы Пушкина уже миновала и что Пушкин завершил круг своего развития.

Для Белинского реализм Пушкина — явление, исторически, национально и социально обусловленное. Он возник как результат, как итог длительного исторического развития русской нации и русской культуры. Будучи явлением общенационального значения, реализм Пушкина должен стать неиссякаемым источником дальнейшего духовного роста русского народа и дальнейшего подъема русской культуры.

Белинский дал не только историческое, но и эстетическое объяснение поэзии Пушкина, раскрыв ее непреходящую цен-

ность для русского человека и охарактеризовав самый метод, с помощью которого она создавалась. Исторический и эстетический подходы к Пушкину у Белинского органически взаимосвязаны. Пушкин именно потому имеет великое историческое значение, что его поэзия представляет собой неоспоримую эстетическую ценность, что она, будучи подлинным искусством, удивительно верна русской действительности. И, напротив, Пушкин именно потому имеет громадное эстетическое значение, что его поэзия своими корнями глубоко уходит в историю русской нации.

Исторически оценивая Пушкина, Белинский ни на минуту не забывает об эстетических достоинствах его поэзии, обо всем богатстве и всей прелести ее, о самой природе дарования поэта.

Белинский гениально раскрыл историческое и эстетическое значение Пушкина как выразителя целой эпохи в духовной жизни русского народа. Но, озабоченный дальнейшей судьбой русской литературы, дальнейшим ростом ее, определением дальнейших путей ее развития, он провел слишком резкую разграничительную грань между эпохой Пушкина и своей собственной эпохой, между его и своими идейными и эстетическими позициями, не отметив того, что Пушкин был не только его предшественником, но и шел навстречу ему как в плане развития своего реализма, так и в отношении своего идейного развития.

Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ДРАМАТУРГИИ ПУШКИНА

1

Драматургическое наследие Пушкина до сих пор является одной из наименее разработанных областей пушкиноведения. Весьма значительная часть дореволюционных исследований ограничивала изучение этой области пушкинского творчества лишь источниковедческой и текстологической стороной вопроса, не затрагивая проблематики самих произведений. Буржуазно-объективистские и компаративистские позиции ряда исследователей сказывались при этом в стремлении во что бы то ни стало установить зависимость Пушкина-драматурга от образцов западноевропейской драматургии и в методологически порочном решении проблемы так называемого «шекспиризма» Пушкина.

Формалистическое изучение пушкинской драматургии в пределах замкнутого жанрового ряда, развивающегося якобы по каким-то своим собственным внутренним законам, приводило к полному отрыву драматических произведений Пушкина от всего его творчества в целом. Во всех этих случаях основные и важнейшие проблемы пушкинской драматургии оставались вне сферы исследования.

Советское пушкиноведение располагает уже рядом ценных работ, посвященных отдельным проблемам и произведениям пушкинской драматургии, но у нас до сих пор еще нет больших обобщающих монографий исследовательского характера, посвященных драматургии Пушкина в целом и стоящих на уровне наших современных представлений о Пушкине.

Необходимо подчеркнуть условность самого понятия «драматургия» того или иного писателя. В этом отношении

следует исходить из того, что и «Борис Годунов», и «Каменный гость», и «Русалка», и «Сцены из рыцарских времен» — все это совершенно различные, не похожие друг на друга произведения, относящиеся к разным этапам мировоззренческого и художественного развития Пушкина и отражающие различное — на разных этапах — отношение поэта к действительности.

В то же время и «Борис Годунов», и «Каменный гость», и «Русалка», и «Сцены из рыцарских времен» написаны с учетом специфических требований их сценического воплощения, ибо «драма, — как писал Гоголь, — живет только на сцене. Без нее она как душа без тела».¹ И в этом отношении закономерна проблема изучения данных драматических произведений и с точки зрения развивающегося драматургического метода и мастерства писателя, дававших ему возможность воплощать различные идеи и образы в специфической драматической форме.

Поэтому каждое из произведений, написанных в драматической форме, отнюдь не может быть полностью понято и раскрыто путем простого сопоставления его только с другими произведениями того же жанрового ряда. Например, полностью понять «Бориса Годунова» невозможно путем сопоставления этой трагедии только с «Вадимом», «Русалкой», «Маленькими трагедиями» и «Сценами из рыцарских времен». Понять и осмыслить «Бориса Годунова» можно и единственно должно лишь на общем фоне развития Пушкина данного периода, путем соотнесения этой трагедии с целым рядом художественных задач, которые стояли перед поэтом в этот период.

Незаконченная трагедия о Вадиме должна рассматриваться с учетом всех особенностей творчества Пушкина южного периода 1820—1821 годов. Только принимая во внимание все развитие мировоззрения и творчества Пушкина этого периода, можно установить, почему трагедия осталась незавершенной и почему Пушкин никогда более к этой теме не возвращался.

Следует отличать драматические произведения от целого ряда других, которые также могут быть частично или даже полностью написаны в драматической форме, не являясь по существу произведениями драматургии. При оценке чисто драматургических свойств фрагментов пушкинских поэм,

¹ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. X, Изд. Академии Наук СССР, 1940, стр. 263.

написанных в драматизированной форме, мы неизбежно сталкиваемся с рядом существенных проблем, связанных с самой спецификой драматургического жанра.

В произведениях эпических действие разворачивается и движется вперед рассказом автора. В произведениях же драматургических события разворачиваются, закономерно вырастая из поступков самих героев, без видимого авторского участия. Так, Лиза в грибоедовской комедии, переводя стрелки часов и заставляя последние бить и играть, чтобы прервать свидание Софьи и Молчалина, тем самым вызывает приход Фамусова. Вызванный падением Молчалина с лошади обморок Софьи является причиной настороженности Чацкого, обуславливающей дальнейшее развитие действия комедии в определенном направлении.

Если с учетом всего этого подойти хотя бы к «Цыганам», где драматизированные фрагменты текста составляют большую часть поэмы, то надо будет признать, что традиционная, идущая от Дельвига высокая оценка драматургических качеств этих мест поэмы является не совсем точной.

Первый большой фрагмент поэмы, написанный с разделением на лица, не является драматургическим: он рассказывает о героях средствами эпического повествования, а не показывает их в действии и, тем более, не раскрывает их переживаний через действия. Вступительные вопросы Земфиры введены в текст лишь для того, чтобы дать возможность Алеко произнести свой большой лирический монолог. Реплика Земфиры лишь разбивает этот большой монолог на две части. Рассказ Старика цыгана об Овидии явно входит в лирико-эпическую ткань поэмы, и, наконец, последний, заключительный монолог Алеко написан в духе и тоне таких лирических стихотворений Пушкина, как «Герой», и также не содержит элементов драматического действия. Диалог Алеко и Старика цыгана целиком построен на лирических декларациях того и другого. Разговор Земфиры и Молодого цыгана, несмотря на кажущуюся драматическую напряженность, мог бы войти в лирико-эпическую ткань поэмы и без обозначения действующих лиц, как, например, входит в общую повествовательную ткань «Евгения Онегина» разговор Онегина с Ленским или разговор героини «Графа Нулина» с графом.

Драматизированные диалоги в пушкинских поэмах и стихотворениях имеют мало общего с чисто драматургическим жанром и несут на себе иные функции. Их задача — лирические высказывания героев о самих себе. Примеров этому в пушкинском творчестве достаточно.

Таким образом, круг драматических произведений Пушкина, которые подлежат изучению с точки зрения общих проблем пушкинской драматургии, должен быть ограничен. До нас дошли данные не менее чем о двадцати четырех драматургических замыслах Пушкина, из которых закончены пять: «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и «Пир во время чумы». Две драмы не были завершены: «Русалка» и «Сцены из рыцарских времен». От восьми неосуществленных замыслов сохранились лишь краткие и отрывочные наброски, не дающие представления о характере произведения в целом. О двух комедиях лицейского периода «Так водится в свете» и «Философ» ничего неизвестно, кроме их названий. Наконец, замыслы шести драм и одной комедии, повидимому, не были реализованы совсем и известны лишь по заглавиям.

2

Новое социально-политическое содержание общественной жизни в России 1820-х годов ставило новые задачи и в таких общественно значимых областях искусства, как театр и драматургия.

Старый классический репертуар сходил со сцены. Постановка остававшихся в репертуаре классических трагедий оправдывалась лишь игрой в них выдающихся актеров.

«Дмитрий Донской» Озерова положил начало целой серии исторических трагедий, основанных на применениях исторических событий к современности. Развитие трагедии этого типа шло в двух направлениях. Первая линия — это серия монархических «патриотических» трагедий, вызванных к жизни войной 1805—1807 годов. Беспомощные в художественном отношении, эти трагедии сохраняли еще ряд характерных особенностей трагедий и классического и озеровского типа. От трагедий классицизма они сохраняли прямолинейность построения и старую декламационную систему. От озеровской драматургии заимствовали антиисторичность, систему применений исторического прошлого к современности, элементарную сентиментальность и некоторые незначительные вольности формального порядка. Параллельно с этой наметилась и другая линия, представленная серией трагедий, основанных также на исторических применениях, но иного порядка. Если для первой линии понятие патриотизма было неразрывно связано с проблемой защиты и укрепления монархии, то для второй это же понятие определялось задачами защиты не монархии, а Ро-

дины и Отечества. В трагедиях последнего типа патриотическая тема раскрывалась в ее прогрессивном значении, как тема освобождения Отечества от ига тирана, и, в этом отношении, знаменитая формула озеровской трагедии: «Рука всевышнего Отечества спасла», впоследствии использованная Кукольниковом в качестве названия своей верноподданнической трагедии, звучала у Озерова совершенно по-иному и была наполнена принципиально иным содержанием.

Общим для всех этих трагедий был метод исторических применений, который толкал на путь антиисторического субъективизма и лишал эти трагедии какого бы то ни было исторического значения.

Более интенсивно шло развитие комедийного жанра. Драматургическая деятельность Шаховского освещалась, преимущественно, с ее реакционной стороны. Последнее обстоятельство вызывалось главным образом организационной принадлежностью Шаховского к шишковской «Беседе» и его резкими выпадами в «Новом Стерне» (1805) — против Карамзина и в «Липецких водах» (1815) — против Жуковского; при этом не принималось во внимание то обстоятельство, что объективно Шаховской подвергал осмеянию космополитические стороны деятельности Карамзина, с одной стороны, и реакционный романтизм Жуковского, с другой.

Неинная по внешности, сатира Шаховского вскрывала порой достаточно темные стороны. Помещик Транжирин в «Полубарских затеях» (1808) весело рассказывает о том, как он женил арапа на своей крепостной девке и таким экономным, без затрат, путем развел своих домашних арапчат. Факт — сам по себе — страшный.

Комедии Шаховского содержали много острых и метких характеристик и наблюдений над современным ему светским обществом. Некоторые из этих характеристик оказались настолько меткими и жизненными, что вошли в большую комедийную традицию и не потеряли своей свежести вплоть до грибоедовских времен.

Параллельно с комедиями Шаховского—Загоскина шло развитие комедийного театра несколько иного типа. Освобожденная от какой бы то ни было социальной остроты, построенная на легкой салонной любовной интриге, стихотворная комедия этого типа культивировала остроумный и живой светский диалог и была рассчитана на публику, способную с полуслова понимать все тонкости, намеки и обиняки салонной любовной игры. Представляется вероятным, что в период распада старой театральной системы и поисков новых путей развития

русской драматургии комедии такого типа (Хмельницкий), написанные, как правило, прекрасными стихами, разрабатывавшие хотя и ограниченный, но все же достаточно разнообразный круг переживаний героев, могли являться своеобразной художественной реакцией высших дворянских кругов на психологическую и социальную ограниченность театра Шаховского—Загоскина.

Однако пути развития новой русской драматургии были далеко не ясны. В высшей степени показательны в этом отношении опыты самого Пушкина, относящиеся ко времени пребывания его на юге. Поиски Пушкина шли в разных направлениях. Отойдя от непосредственного общения с жизнью петербургских театров, Пушкин как бы приступает к испытанию и проверке на собственном творческом опыте тех различных путей развития русской драматургии, которые были уже намечены и представлены конкретными образцами. Пушкин последовательно вступает то на путь светской комедии, разрабатывавшейся в 1815—1818 годах Хмельницким и Грибоедовым и построенной на блестящем диалоге, острой интриге и благополучном конце, то обращается к традициям политической трагедии княжнинско-озеровского типа, основанной на применениях условно-исторического материала к современности.

В этой напряженной пушкинской работе русская драматургия, в тех ее основных направлениях, какие определились к 1820-м годам, как бы держала испытание на свою жизнеспособность и способность к развитию. Однако ни тот, ни другой пути этого испытания не выдерживали и, оставляя их, Пушкин переходил к поискам новых путей.

В 1821 году Пушкин работает над трехактной комедией в стихах из жизни света. Ситуация, положенная Пушкиным в основу этой комедии, была исключительно острой в общественном отношении: проигрыш в карты молодым баринком своего старого крепостного слуги. Комедия должна была развиваться в традициях, уже представленных на русской сцене Хмельницким и ранними опытами Грибоедова.

Резко очерченные характеры находили свое место в комедиях такого типа всецело в зависимости от их участия во внешней интриге. Зрителю они были ясны и понятны с первого появления на сцене. Это были именно и прежде всего театральные «характеры», но далеко еще не полноценные сценические образы. Не удовлетворенный возможностями, открывавшимися в комедии такого типа, Пушкин прекращает работу над ней и обращается к трагическому жанру.

Непосредственным предшественником Пушкина в драматургической интерпретации образа Вадима в республиканском его понимании являлся Княжнин.

Основываясь на дошедших данных, можно, с большей или меньшей степенью вероятности, представить в общих чертах содержание задуманной Пушкиным трагедии. В отличие от княжнинского варианта, Пушкин выводит Вадима молодым. Повидимому, не случайно Рогнеда у Пушкина является дочерью Гостомысла, так как именно последний, и по «Истории» Карамзина, и по княжнинской трагедии, утвердил власть Рюрика. Таким образом, отход Рогнеды от Вадима и сближение ее с Громвалом обусловлены тем, что и сама Рогнеда принадлежала к кругам, поддерживавшим Рюрика.

Тираноборческий сюжет пушкинской трагедии осложнен развитой любовной интригой, острота которой усиливается тем, что Вадим и Рогнеда находятся в противоположных политических станах. Одновременно с любовной интригой в трагедии завязывается еще один узел: Вадим—Громвал. Когда-то друзья детства, сейчас они не только соперники в любви, но и бойцы противоположных станов.

Определяющими моментами характера пушкинского Вадима являются его убеждение о непостоянстве народа («Неверна их вражда, неверна их любовь») и его верность своему долгу. Противопоставление исключительной роли народного вождя — косности и непостоянству народа, пафос романтической борьбы сильной героической личности во имя народа, — все это было естественным для рационалистического социально-политического мышления просветителей XVIII века. Эти моменты полностью определяют особенности тираноборческой трагедии Княжнина с одиноким героем, лишенным поддержки народа. Они же, в конечном счете, определяли и особенности отношения к народу и высокий пафос индивидуального жертвенного подвига во имя народа в литературе декабризма.

Однако в процессе развития мировоззрения и творчества Пушкина моменты такого порядка характеризовали скорее те позиции, от которых Пушкин уже отходил, нежели те, к которым он приходил.

В драматургическом отношении пушкинская трагедия о Вадиме менее строга, чем трагедия Княжнина, где любовная интрига героя исключена полностью. В этом отношении «Вадим» Пушкина ближе к трагедии озеровского типа. Таким образом, и второй драматургический опыт Пушкина, относящийся к южному периоду, привел его на исхоженные уже

пути, еще раз подтвердив, что «дух века требует важных перемен и на сцене драматической».¹

Оставив работу над трагедией, Пушкин предпринял попытку реализовать замысел о Вадиме в плане романтической поэмы. Однако работа над поэмой была также вскоре оставлена и к этой теме Пушкин более не возвращался. Это было естественно и закономерно. Условно-историческая тема, впервые возникшая в «Руслане и Людмиле», явилась наиболее ранним проявлением пушкинского историзма, выразившегося в границах и формах, отвечавших взглядам Пушкина в 1817—1820 годах. Однако к 1822 году историческое мышление Пушкина было уже качественно иным. Поэтому попытка вернуться к условно-исторической разработке темы противоречила всей логике пушкинского развития.

Особенную актуальность теоретические вопросы драматургии и драматического искусства приобрели для Пушкина в 1824—1825 годах в связи с замыслом трагедии о Борисе Годунове. К работе над этой трагедией Пушкин подходил, будучи основательно ознакомленным с передовыми достижениями в области как теоретико-художественной, так и научно-исторической мысли.

Суждения Пушкина этого периода о классицизме вообще и о французской классической трагедии, в частности, глубоко принципиальны. Пушкин говорит не об отдельных недостатках драматургического творчества Корнеля или Расина, но о несостоятельности в новых общественных условиях всей драматургической системы классицизма в целом. Может быть, этим и вызваны известные слова Пушкина о плане и особенностях построения Грибоедовской комедии: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова» (XIII, 138). Построение последней фразы свидетельствует о том, что, безотносительно к дарованию Грибоедова, драматургические законы, положенные в основу его комедии, подлежат осуждению.

Успех Грибоедова Пушкин расценивал как успех гениального художника, преодолевшего инерцию признанных им над собой законов. Этот момент не получил должного освещения в литературоведении, а между тем он важен. Комедия Грибоедова, оказавшая исключительное воздействие на развитие всей последующей русской драматургии, способствовала этому

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 141. — В дальнейшем цитируется это издание.

развитию своим реализмом, положенным в основу изображения эпохи, среды и характеров, остротой социальной направленности, наконец, своим языком, но отнюдь не сохранением единства места и времени.

Не следует, однако, делать выводов о безоговорочном отрицании Пушкиным положительных завоеваний классицизма, закономерно и последовательно входивших и в новую художественную систему, как момент преемственности художественного развития. Отрицая потерявшую свой внутренний смысл систему классицизма в целом, Пушкин не отказывался от отдельных достижений ее поэтики и после окончательной победы реалистического начала в своем творчестве.

В это же время Пушкин твердо и четко производил переоценку и драматургического наследия Байрона. Пушкин решительно отрицал какие бы то ни было достоинства в байроновской драматургии, связывая ее недостатки с неизжитыми английским поэтом традициями французской классической трагедии.

Сложнейшая проблема взаимоотношения пушкинской и шекспировской драматургических систем требует решительного пересмотра.

Характер пушкинского восприятия Шекспира и шекспировской драматургии был всецело обусловлен теми особенностями мировоззренческого и художественного развития Пушкина, которые закономерно и последовательно привели его от внеисторического романтизма «Вадима» к глубокому историзму «Бориса Годунова».

Различие между пушкинским историзмом и шекспировским становится особенно ясным при сравнении метода драматургической интерпретации исторического материала у Шекспира и Пушкина. Приведем только один пример. Третья сцена пятого действия трагедии «Жизнь и смерть короля Ричарда III» воспроизводит ночь перед решительным сражением между войсками Ричарда и Ричмонда. На одной стороне сцены появляется Ричард в сопровождении лордов и солдат. Последние, по его приказанию, ставят королевскую палатку. Пригласив лордов осмотреть поле предстоящей битвы, Ричард с ними уходит. На другой стороне сцены появляется Ричмонд, также в сопровождении лордов и солдат. Последние ставят палатку для Ричмонда. Пригласив лордов на военный совет, Ричмонд входит с ними в палатку. Возвращается Ричард и также входит в свою палатку. Из другой палатки выходят лорды, пожелав Ричмонду спокойного сна. Обе палатки закрываются. Наступает ночь. Между двумя палатками поднимается тень

убитого Ричардом Эдуарда, сына Генриха VI. Обращаясь в сторону Ричарда, тень произносит слова страшного заклания и предсказывает ему смерть:

Припомни, как на Тьюксберийском поле,
Во цвете лет, меня зарезал ты.
Умри ж в отчаяньи! . .

Обращаясь в сторону Ричмонда, тень приветствует его и предвещает победу:

. . . Будь весел, Ричмонд;
Убитых принцев души — за тебя;
Сын Генриха пришел к тебе с приветом.

Вслед за тенью Эдуарда поднимаются и произносят аналогичные проклятия Ричарду и приветствия Ричмонду тени короля Генриха, Кларенса, Риверса, Грея, Вогана, Гэстингса, двух малолетних принцев, королевы Анны и Букингама. Наступает раннее утро. Тени исчезают. Ричард в ужасе просыпается и в странном монологе рассказывает о своем сне, наполненном предчувствиями гибели:

Мне грезилось, что души мертвецов,
Убитых мной, сошлись в мою палатку
И каждый мне грозил и звал на завтра
Отмщение на голову мою.

Просыпается в своей палатке и Ричмонд. Вошедшим лордам он рассказывает о своем сне, предвещающем победу:

Все души, что злой Ричард погубил,
Казалось мне, слетались в палатку
И мне кричали: «не робей! победа!»¹

Следующая (последняя) сцена трагедии показывает победу Ричмонда и гибель Ричарда.

Со сценической точки зрения эта сцена — один из изумительнейших образчиков драматургического мастерства Шекспира. С исторической точки зрения это сплошная условность, которой у Пушкина мы не найдем.

Пушкина отделяли от Шекспира два столетия; сама действительность, окружавшая Пушкина, была уже иной, чем во времена Шекспира, несравненно более сложной, и само восприятие действительности как современной, так и исторической было у Пушкина уже иным.

Напомним о глубоко историчном отношении к Шекспиру со стороны Энгельса в его суждениях о трагедии Лассалля

¹ В. Шекспир, Сочинения, т. I, СПб., 1902, стр. 412, 414, 415.

«Франц фон Зикинген». В одном из своих писем к Лассалю Энгельс упрекает последнего в том, что в его трагедии дан лишь «официальный» момент тогдашней истории, т. е. борьба дворянства с князьями, но не показан при этом широкий фон крестьянского движения. «При моем взгляде на драму, — писал Энгельс, — согласно которому за идейным моментом не следует забывать реалистический, за Шиллером — Шекспира, привлечение тогдашней, столь удивительно пестрой плебейской общественности доставило бы еще совсем новый материал для оживления пьесы. . .».

Развивая эту мысль, Энгельс указывает далее, что, безотносительно к оценке литературного дарования Лассалья и художественных достоинств его трагедии, раскрываемое в последней исключительно сложное и противоречивое социально-политическое содержание эпохи крестьянских войн в Германии может быть показано несравненно сложнее и эффектнее, чем более ранняя и поэтому менее социально сложная историческая эпоха в изображении драматурга XVI века, даже такого гения, как Шекспир: «Какие причудливо характерные образы дает эта эпоха разложения феодальных связей в лице правящих королей без копейки денег, нищих ландскнехтов и авантюристов всякого рода — фальстафовский фон, который в исторической драме этого типа был бы еще эффектнее, чем у Шекспира!».¹

Глубокий и демократический историзм Пушкина укреплялся и углублялся не под каким-либо книжным влиянием, но под прямым воздействием окружавшей Пушкина социальной действительности, приводившей его к соответствующим выводам и в отношении осмысления и трактовки исторической эпохи, воспроизведенной им в «Борисе Годунове».

3

Русская действительность начала 20-х годов XIX века, характеризовавшаяся стремительным нарастанием антикрепостнических настроений широких народных масс и развивавшимся движением дворянских революционеров, с одной стороны, и собственное развитие мировоззрения и творчества Пушкина, приводившее его к более глубокому и историчному восприятию действительности, чем это имело место у большинства его современников, с другой, — все это выдвигало перед Пушкиным в первую половину 20-х годов, пока еще

¹ Маркс и Энгельс об искусстве. Изд. «Советская литература», М., 1933, стр. 58.

в достаточно общих очертаниях, проблему народа и его роли в истории. Такова почва, на которой возникали предпосылки к замыслу пушкинской трагедии об эпохе «многих мятежей».

Целый ряд важнейших проблем, непосредственно связанных с историко-социальной концепцией «Бориса Годунова», не может быть в полной мере осмыслен без разрешения вопроса о характере исторического материала, положенного в основу пушкинской трагедии и об интерпретации этого материала Пушкиным. Основными источниками для Пушкина была «История государства Российского» Карамзина и подлинные памятники летописного характера.

Монархическая концепция Карамзина не допускала возможность показа органической разобщенности самодержавной власти с народом. Поэтому, приступая к изложению событий годуновского царствования, ознаменованного широким крестьянским движением против законного царя, Карамзин вставал перед большими трудностями историко-методологического порядка — перед необходимостью объяснить это народное движение, не нарушая монархической концепции всего повествования в целом.

Именно поэтому, игнорируя антикрепостнический характер движения, Карамзин всю тяжесть своей аргументации переносит на два момента: преступную страсть Годунова к власти и, связанный с этим, мотив убийства Годуновым наследника законной династии. Все это давало Карамзину возможность показать, что народ отходит от Годунова, как от царя-захватчика, отягощенного антидинастическим преступлением, а в лице Самозванца, пускай ошибочно, приветствует представителя и наследника законной династии.

Однако, несмотря на то, что ко времени начала работы Пушкина над «Борисом Годуновым», в литературе уже была высказана противоположная карамзинской точка зрения, защищавшая Годунова от обвинений в убийстве Димитрия,¹ Пушкин все же сохранил в своей трагедии версию Карамзина о виновности Годунова.

В принципиальном отличии роли и значения этого мотива у Пушкина и Карамзина — ключ к пониманию не только проблемы соотношения «Бориса Годунова» и «Истории государства Российского», но и всей пушкинской трагедии в целом.

---

¹ Ф. Булгарин. Критический взгляд на X и XI томы Истории государства Российского, сочиненной Н. М. Карамзиным. «Северный архив», 1825, ч. 13 (ценз. разр. 2 января 1825 г.), стр. 60—84, 182—201, 271—278; ч. 14 (ценз. разр. 3 марта 1825 г.), стр. 176—197, 362—372.

Нет нужды в том, что в пушкинской трагедии созданная народом легенда о Димитрии-чудотворце подтверждает факт его реальной смерти. Это обстоятельство не мешает тому, что народ, ненавидящий Годунова, будет поддерживать в трагедии Пушкина Самозванца, принявшего имя царевича: «Он именем ужасным ополчен». Последнее обстоятельство с большой очевидностью показывает, что, независимо от монархической концепции Карамзина, Пушкин намечал в своей трагедии верный путь к осмыслению народного движения против крепостнического режима Годунова, движения, происходившего под лозунгом «хорошего» царя Димитрия.

«Царистская» идеология была характерной чертой всех широких крестьянских движений XVII—XVIII веков. Под лозунгом «хорошего царя» велась борьба против помещиков и крепостного права во времена и Болотникова, и Разина, и Пугачева. «... Говоря о Разине и Пугачеве, — указывал товарищ И. В. Сталин, — никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за „хорошего царя“. Ведь таков был их лозунг».¹

Преступление Годунова, являющееся в концепции Карамзина основной причиной гибели Бориса, у Пушкина играет роль лишь бокового мотива, осложняющего глубоко социальную трагедию царя, политика которого вступает в непримиримое противоречие с жизненными интересами всего народа.

Одной из любопытных сторон карамзинского исторического повествования является известный разрыв и отсутствие органического единства между прокламируемой в «Истории» монархической концепцией и приводимым в ней же фактическим материалом.

Эта двойственность приводила к тому, что даже в таком центральном вопросе, как причины появления Самозванца, Карамзин, упрощенно объясняя это событие в духе своей концепции тем, что «небо за беззакония царя казнит царство»,² открывал все же какую-то дополнительную возможность для осмысления этого сложнейшего социально-политического момента в духе известной объективности, правда, очень ограниченной. В общей сумме исторических предпосылок, обусловивших возможность появления Самозванца, Карамзин называет и двадцать четыре года Иоаннова царствования, и внутреннюю политику Годунова, включая и его крепостнические законы, и

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 113.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XI, СПб., 1824, стр. 116.

последствия голода, и прочее, однако, все же замалчивая основной антикрепостнический характер начинавшейся крестьянской войны.

Все это давало Пушкину возможность, используя фактический материал карамзинской «Истории», ставить и разрешать в своей трагедии сложнейшие проблемы историко-социального характера в духе, весьма далеком от упрощенной монархической концепции Карамзина. Пушкин как бы высвобождает из тенденциозного повествования Карамзина подлинную историческую действительность, очищая ее от всех искажающих ее наслоений, возвращая присущие эпохе краски, своеобразие, оттенки.

Наиболее убедительно некоторые приемы пушкинской интерпретации фактического материала карамзинской «Истории» можно видеть на примере сцены «Девичье поле. Новодевичий монастырь». В описании этого дня (21 февраля 1598 года) Пушкин точно следует данным Карамзина. Карамзин пишет: «... по данному знаку, все бесчисленное множество людей... упало на колена, с воплем *неслыханным*: все требовали Царя, отца, Бориса!».¹ Следуя этому рассказу, Пушкин также заставляет народ упасть на колени, но сопровождает это действие диалогом, полностью снимающим значение, какое придано данному факту Карамзиным:

Один.

Что там за шум?

Другой.

Послушай! что за шум?

Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд... еще... еще... Ну, брат,
Дошло до нас; скорее! на колени!

Чтобы ярче оттенить искренность народа, Карамзин, основываясь на одной рукописной грамоте 1598 года, неосторожно привел рассказ о матерях, которые будто бы «кинули на землю своих грудных младенцев и не слушали их крика».² Воспользовавшись этой красочной деталью, Пушкин вывел бабу с ребенком, который плачет в то время, когда весь народ еще молчит. Баба унимает ребенка, пугая его букой:

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу, агу!... не плачь!

¹ То же, т. X, 1834, стр. 217.

² Там же.

Когда же народ «по данному знаку» упал на колени «с воплем неслыханным», ребенок неожиданно затих. В этом случае баба уже сама заставляет его плакать:

Ну, что ж? как надо плакать,
 Так и затих! вот я тебя! вот бука!
 Плачь, баловень!
 (Бросает его об землю. Ребенок пищит.)
 Ну, то-то же.

Также не замедлил воспользоваться Пушкин и приведенным Карамзиным известием одного из Хронографов о том, что находились люди, которые, не будучи в состоянии плакать, мазали себе глаза слюною. Оговорив в основном тексте, что «искренность побеждала притворство», Карамзин осторожно вынес это известие Хронографа в «Примечания».¹

Вот как интерпретировал этот момент Пушкин:

Один.
 Все плачут,
 Заплачем, брат, и мы.

Другой.
 Я силюсь, брат,
 Да не могу.

Первый.
 Я также. Нет ли луку?
 Потрем глаза.

Второй.
 Нет, я слюней помажу.

Эти приемы Пушкина по переосмыслению карамзинского текста проявились здесь настолько обнаженно, что цензор III Отделения счел нужным заметить: «Здесь представлено, что народ с воплем и слезами просит Бориса принять царский венец (как сказано у Карамзина), а между тем изображено: что люди плачут, сами не зная о чем, а другие вовсе не могут проливать слезы и хотят луком натирать глаза!.. Затрудняюсь в изложении моего мнения насчет сей сцены. Прилично ли так толковать народные чувства?».²

Принципы отбора и использования Пушкиным материалов карамзинской «Истории» сложны, разнообразны и в высшей степени своеобразны. Они бесконечно варьируются от перело-

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X, 1834, стр. 218.

² Дела III Отделения с. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине, СПб., 1906, стр. 24.

жения в стихи приводимых Карамзиным фрагментов преимущественно документального характера — до создания целых сцен, лишь в очень слабой степени опирающихся на материал карамзинской «Истории». В отдельных случаях Пушкин создает целые сцены, построенные на мельчайших и разрозненных фактах, разбросанных по нескольким томам «Истории». В других случаях отдается предпочтение не самому карамзинскому рассказу, а документальным данным, приводимым Карамзиным в обширном аппарате «Примечаний».

Но Карамзин, даже при условии отмеченных выше особенностей его повествования, мог дать Пушкину лишь прагматическую последовательность исторических событий, оказываясь бессильным в предоставлении данных иного порядка, необходимых для того, чтобы воссоздаваемые события из мертвой исторической схемы превратились в живую историческую действительность. Источником, из которого Пушкин черпал данные этого порядка, являлись фрагменты подлинных памятников эпохи, в первую очередь летописных материалов.

Вопрос о роли и значении летописей в процессе создания пушкинской трагедии должен быть основательно пересмотрен. Фактическим материалом, извлеченным непосредственно из самих летописей, Пушкин пользовался крайне редко, ибо Карамзин удовлетворял количеством и разнообразием приводимого материала. Не было, повидимому, особой нужды в обращении к летописным источникам и для критической проверки Карамзина, так как последний «везде ссылался на источники». Многочисленные ссылки на источники Карамзин сопровождал обильной цитацией фрагментов летописных, исторических и дипломатических памятников, что придавало «Примечаниям» характер соответствующим образом подобранного и систематизированного свода документального материала. Это приводило к любопытной особенности пушкинской работы, когда «Примечания» Карамзина открывали для Пушкина значение того или иного летописного источника, фрагментами из которого Пушкин пользовался, извлекая их, как правило, из аппарата «Примечаний» к томам карамзинской «Истории», где они уже были систематизированы и находились в соответствующем контексте, а не непосредственно из самого памятника, который не всегда был под руками, и где эти же фрагменты наличествовали в еще неразработанном, а зачастую и трудно читаемом виде.

Трудностью пользования летописными источниками в оригиналах обосновывал и Новиков свое издание «Летописи о многих мятежах...». В предисловии к «Летописи» говорилось:

«...пременение, которое воспоследовало в России во нравах и обычаях, столь далеко распростерлось, что не токмо слог нашего языка пременяло, но и самый почерк письма, чрез что древние летописцы учинились трудны к чтению и понятию, а чрез сие и час от часу реже становились».¹

Эти особенности работы Пушкина над летописными материалами ни в какой степени не снижают той огромной роли, какую сыграли летописные памятники в процессе создания «Бориса Годунова». Создавая свою трагедию, в основном, на фактическом материале «Истории» Карамзина, Пушкин обращался к летописям для того, чтобы уловить характерные особенности языка того времени и общий колорит эпохи.

Исключительно сильное воздействие летописной языковой стихии на характер и особенности языка пушкинской трагедии проявляется всюду. Речь Бориса в сцене «Кремлевские палаты» несравнимо ближе по своему характеру к приведенному в примечании рассказу Авраамия Палицына, чем к литературному пересказу Карамзина.

Встретив в основном тексте Карамзина, неудачно использованное последним, чрезвычайно колоритное, заимствованное из летописи, выражение: «сосуд диавольский» («...недостойный инок Григорий хочет быть сосудом диавольским»), Пушкин применил его в гораздо более удачном контексте, всецело соответствующем созданному им образу простодушного Патриарха: «Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! *буду царем на Москве!* Ах, он сосуд диавольский!».

Следы настойчивого стремления Пушкина «угадать» — путем изучения летописного языкового строя — «образ мыслей и язык тогдашних времен» прослеживаются в тексте пушкинской трагедии и в тех случаях, где нет прямых соответствий ни с материалами Карамзина, ни с подлинными летописными источниками: «Наряжены мы вместе город ведать»; «Державными заботами наскучил»; «Благослови господь, тебя и днесь и присно и во веки»; «изобразил так хитро на бумаге» и пр.

4

Изучение языка Пушкина, в том числе и языка его драматических произведений, приобретает особенное значение в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания.

¹ Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей... и пр., СПб., 1771.

Особый интерес представляют для исследователя произведения Пушкина, рисующие картины активной общественно-политической борьбы и воспроизводящие индивидуализированную и, в какой-то степени, социально-окрашенную речь представителей различных социальных групп, ибо, как указывает И. В. Сталин, «...люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку».¹ Они (эти классы и социальные группы) «...влиют на язык, вносят в язык свои специфические слова и выражения и иногда по разному понимают одни и те же слова и выражения».²

Значительный интерес в этом отношении представляют наблюдения над индивидуализированной речью персонажей такого социально острого произведения, как «Борис Годунов».

Проблему дифференциации языка персонажей решало и введение прозаической речи в общий стиховой строй трагедии. «Стиль трагедии смешанный, — писал Пушкин Н. Н. Раевскому в 1829 году, имея в виду этот момент. — Он площадной и низкий там, где мне приходилось выводить людей простых и грубых» (XIV, 46, 395).

Прозой написаны те сцены трагедии, где Пушкин рисовал простых людей из народа или близких народу: простоватый Игумен Чудова монастыря, Варлаам, Мисаил и хозяйка корчмы, мамка царевны, солдаты Бориса и Димитрия, представители простого народа, юродивый, мальчишки, старуха, нищий. В этом отношении «Борис Годунов» намечал реальные пути для развития пушкинской прозы и индивидуализированного языка героев «Повестей Белкина», «Дубровского» и в особенности «Капитанской дочки».

Если язык основных исторически достоверных героев трагедии Пушкин создавал, основываясь на данных летописных источников, то для создания характерной речи других персонажей Пушкин широко использовал обширный, порой трудно учитываемый языковой материал иного порядка — от бытовой современной ему народной речи до сборника песен, пословиц и поговорок.

Некоторые особенности простонародной и выразительной речи Патриарха и Игумена Чудова монастыря могли появиться в результате общения Пушкина с игуменом Святогорского монастыря Ионой и священником Вороничской церкви Ларионом Раевским.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 10 («Относительно марксизма в языкознании»).

² Там же, стр. 34. («К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой»).

Характерные особенности речи того же Ионы, пересыпавшего свои беседы рифмованными поговорками, повидимому, нашли отражение и в речи Варлаама. Прибаутка последнего: «пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим», по словам А. Н. Вульфа, восходит к любимой поговорке святогорского игумена.¹

Создавая яркую и характерную речь Варлаама, Пушкин не ограничивался точным текстом подлинных пословиц и поговорок, но иногда совершенно переиначивал их (например, «Вольному воля, а пьяному рай»²) и даже создавал новые.³

Пушкин неоднократно менял песню, которую поют монахи, добываясь наилучшего соответствия ее с образами Варлаама и Мисаила. Восходят к песенному началу и подлинно народные причитания Ксении над погибшим женихом, для которых Пушкин воспользовался приведенным Карамзиным в тексте фрагментом песни «о войне убитом».

Оставила несомненный след в пушкинской трагедии и та крестьянская речевая стихия, которая окружала Пушкина в Михайловском. Чисто деревенский, народный, словоохотливый бабий говорок явственно слышится в речи хозяйки корчмы: «Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а там уж всякой мальчишка доведет до Луевых гор».

Эта же крестьянская языковая стихия сказалась в восхищенных словах мальчишки, щелкнувшего по железной шапке Юродивого: «Эк она звонит!», в словах старухи, останавливающей баловство мальчишек: «Отвяжитесь, бесенята, от блаженного», и в характерных словоупотреблениях бабы, унимающей ребенка:

Агу! не плачь, не плачь; вот бука, бука
Тебя возьмет! агу, агу!... не плачь!

Особенно явственно стремление Пушкина к максимальной дифференциации и индивидуализации языка и речи своих пер-

¹ Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 221.

² На это обстоятельство обратил внимание цензор III Отделения в своих «Замечаниях» на пушкинскую трагедию, составленных в 1826 году по распоряжению Николая I: «Пословица: вольному воля, спасенному рай, переделана: вольному воля, а пьяному рай» (ук. соч., стр. 25).

³ По наблюдениям академика А. С. Орлова, «...некоторые пословицы и поговорки изменены или даже по народной форме сочинены Пушкиным, напр., в Борисе Годунове (Варлаам: „Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли..“.)» (А. С. Орлов. Народные песни в «Капитанской дочке» Пушкина. «Художественный фольклор», кн. II—III, М., 1927, стр. 83).

сонажей проступает в так называемых «польских сценах» трагедии. Именно в этих сценах, где Пушкин выводит аристократических представителей польской и латинской образованности, имеет место целый ряд любопытных особенностей языка и речи героев, нарочито акцентированных Пушкиным для того, чтобы раскрыть и показать зияющее противоречие между изысканностью «способа выражения мысли» и самим «образом мысли» этих светских и духовных аристократов.

Это противоречие с поразительной тонкостью Пушкин подчеркивает уже в диалоге между патер'ом Черниковским и Самозванцем, открывающем сцену «Краков. Дом Вишневецкого».¹ Изысканна и тонка пронизанная полонизмами и легкой рифмовкой речь Черниковского.

Но эта же речь с исключительной силой обнажает и насквозь лицемерную сущность католического аристократа и его иезуитской политики:

Притворствовать пред оглашенным светом
Нам иногда духовный долг велит;
Твой слова, деянья судят люди,
Намеренья единый видит бог.

Противоречие между изысканностью речи и внутренним содержанием ее определяет облик и воеводы Мнишка, весь образ мыслей которого обусловлен мелким корыстным расчетом.

Заметно стремление Пушкина дифференцировать и речь Самозванца, продельвающего в трагедии сложную эволюцию от кельи в Чудовом монастыре до аристократических замков Вишневецкого и Мнишка.

Несмотря на некоторые, чисто литературные обороты, допущенные Пушкиным в речи Григория, эта речь включает выражения и обороты, характерные именно для монашеской среды: «бесовское мечтанье», «враг меня мутил», «царевич убиенный» и пр.

Речь Григория в сцене «Корчма на Литовской границе» индивидуализирована в меньшей степени, нежели яркая и характерная речь Варлаама, Мисаила и хозяйки. Выдает грубоватый, резкий и стремительный характер будущего Самозванца лишь его замечательная и злая реплика на вопрос пристава, удивившегося его грамотности.

¹ В этом отношении нельзя согласиться с утверждением покойного академика А. С. Орлова: «Историческая архаизация менее удачно сказалась в языке персонажей „Бориса Годунова“, представлявших польскую образованность...» (Академик А. С. Орлов. Язык русских писателей. Изд. Академии Наук СССР, 1948, стр. 48).

Совсем иной характер имеет речь Самозванца в «польских» сценах трагедии. В этих сценах начинает явственно звучать характерный для его новой роли покровительственный тон, проникнутый сознанием высоты собственного положения. Фразеология его приобретает при этом явно нерусский характер: «Рад вам, дети. Ко мне друзья»; «Я радуюсь, великородный витязь...»; «Когда со мной свершится Судьбы завет, когда корону предков Надену я...» и пр.

Быстро ориентируясь в новой для него обстановке, Самозванец легко меняет тон и стиль своей речи, принаравливаясь к положению собеседников. В этом постоянном и беспокойном принаравливании к обстановке нельзя не видеть тщательно скрываемого ощущения непрочности своего положения и даже явного искательства, столь отличного от спокойного и величавого стиля речи Годунова.

Будучи перенесен обстоятельствами в аристократическую среду дома Вишневецкого и беседуя с утонченным представителем латинской церкви, Самозванец невольно усваивает изысканный и в меру ласкательный стиль речи собеседника:

Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нем набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость равнодушна.

К вошедшей «толпе русских и поляков», явившихся «просить меча и службы», Самозванец обращается по-товарищески, как бы подчеркивая этой простотой обращения будущее равенство с ними на поле брани в трудном ратном деле: «Товарищи! мы выступаем завтра...»

По-иному, тонко подчеркивая дружеским обращением общность среды («Я, Мнишек, у тебя остановлюсь в Санборе на три дня...»), а вместе с тем и давая понять, что будущее гостеприимство Мнишка есть уже большая честь для самого Мнишка, Самозванец обращается к последнему с изысканным комплиментом его дочери.

Появление сына опального Курбского, имя которого ассоциировалось с личностью Иоанна, сразу же переводит речь Самозванца в высокий государственный строй («Великий ум! муж битвы и совета!») и даже позволяет провести незаконную историческую параллель («— Не странно ли? сын Курбского ведет На трон, кого? да — сына Иоанна...»), москвич Хрущов и казак Карела вновь возвращают речи Самозванца ее покровительственный тон с нарочито подчеркнутой национальной окраской:

Благодарим Донское наше войско...

Но если бог поможет нам вступить
На трон отцов, то мы по старине
Пожалует наш верный вольный Дон.

Вместо картинных, рассчитанных на иноземное восприятие «Сынов славян» («Сыны славян, я скоро поведу В желанный бой дружины ваши грозны») здесь появляется исконно-русский «наш верный вольный Дон». Вместо католического «завета судьбы» — традиционный бог и вместо западноевропейской «Короны предков» — рюриковский «трон отцов».

Наконец, в беседе с поэтом речь Самозванца приобретает все характерные черты речи просвещенного знатока и ценителя поэзии и античности, свободно цитирующего в разговоре латинские стихи.

И все эти речевые метаморфозы происходят на протяжении только одной сцены!

Язык Самозванца в сцене «Ночь. Сад. Фонтан», раскрывая новые стороны характера героя, в то же время представляет собой сложный комплекс крайне разнородных, а порой и противоречивых элементов. Основной доминантой, определяющей характер речи Самозванца в этой сцене, является лиризм, впервые появляющийся в таком объеме лишь здесь. Это соответствует указанию Пушкина, что «любовь весьма подходит к романтическому и страстному характеру моего авантюриста» (XIV, 46, 395).

Необыкновенно характерна и в точности соответствует его натуре речь Шуйского. Его характер раскрывается уже в ранней его реплике: «А что мне было делать?» — в ответ на замечание Воротынского о недостойной роли, какую сыграл собеседник в Угличе. Простоватый и недалекий Воротынский слабо разбирается в сложной политической игре Годунова и даже склонен переоценивать моральные качества последнего. Тонкий придворный политик Шуйский — полная ему противоположность. Он трезво разбирается в обстановке и краткими точными формулами немедленно исправляет ошибки Воротынского.

В этой сцене Шуйский еще откровенен с Воротынским, они единомышленники. Но тотчас же по воцарении Бориса Шуйский решительно меняет свою политику в отношении Воротынского, что и вызывает замечательную по своей меткости реплику Воротынского: «Лукавый царедворец!».

В сцене «Москва. Дом Шуйского» характер Шуйского раскрывается еще полнее. На принесенное Аф. Мих. Пушки-

ным известие о появлении Самозванца и на пространные объяснения и многословие собеседника Шуйский отвечает односложно, сдержанно, отнюдь не раскрывая подлинного своего отношения к столь важному известию: «Ну». — «Да это уж не ново». — «Вот-на! какая весты!» — «И только-то?» — «Не может быть». — «Кто ж он такой? откуда он?». — «Что ж говорят об этом удалце?» и пр. Даже наиболее значительные его суждения о Самозванце таковы, что в таких же выражениях он мог бы сказать обо всем этом и самому царю. Не случайно, что в следующей же сцене Шуйский, чтобы доказать свою лояльность, сам является во дворец, к Годуну, не без основания опасаясь доноса, который в действительности и имел место. Введенный в заблуждение словами Годунова о гонце из Кракова и переоценивая осведомленность Бориса о своей вчерашней беседе с Пушкиным, Шуйский начинает «вилять» («Конечно. . .», «Но знаешь сам. . .»), выбирая самые осторожные выражения, чтобы не попасть под удар самому.

Стремление Шуйского найти безопасные выражения, чтобы в изложении столь важного известия обойти все острые углы и не навлечь гнева Бориса и на самого себя, передано с исключительным мастерством неожиданным введением отдельных рифмованных строк в его речь.

Так, на основе изучения языка древних русских летописей, народной бытовой речи, песен, пословиц и поговорок Пушкин стремился передать с наибольшей правдивостью и выразительностью и спокойный, мерный, глубоко интеллектуальный язык летописца Пимена, и благодушную, вескую и характерную речь Патриарха, и многословие Игумена, и нервную, большую, сбивчивую речь Юродивого («Дай, дай, дай копеечку. . .»), и яркую, пересыпанную острыми словечками и церковными текстами речь Варлаама, и великолепную, выдержанную от первого до последнего слова речь царя Бориса.

Все это, вместе взятое, приводило к изумительной исторической правдивости и убедительности языка трагедии в целом, а это, в свою очередь, обуславливало убедительность основной историко-социальной концепции трагедии.

5

Поражение декабристов не изменило отношения Пушкина к самодержавию. Данная в записке «О народном воспитании» пушкинская оценка причин поражения восстания глубоко исторична: «ничтожность средств» восставших, с одной стороны, и

«необъятная сила правительства», с другой. Это несоответствие сил является, по мнению Пушкина, трагической «необходимостью» данного исторического этапа, «необходимостью», которую нужно «понять» и «простить оной» «в душе своей» (XI, 43).

Однако новая действительность оказывалась более сложной, чем это представлялось Пушкину в первое время по возвращении из ссылки. Вскоре Пушкин увидел, что его личная свобода оказывалась иллюзорной. Параллельно с этим неуклонно замыкался и другой, несравненно более страшный круг, ограничивавший не только личную, но и творческую свободу поэта. Ощущение скованности и несвободы творчества становилось в этот период определяющим моментом самосознания Пушкина. Так возникала в его поэзии тема, утверждавшая право художника на свободное творчество, независимое от кого бы то ни было.

Все это накладывало своеобразный отпечаток на творчество Пушкина конца 20-х—начала 30-х годов. Этим обусловлены характерные особенности пушкинской лирики данного периода и всего цикла «Маленьких трагедий».

Весь цикл «Маленьких трагедий», несмотря на глубочайшее различие их между собой, представляет известное единство, характеризующее особенности внутреннего мира Пушкина и его отношение к действительности на рубеже 30-х годов.

При определении роли этой действительности в процессе создания не только «Маленьких трагедий», но и других произведений Пушкина, не следует подменять широкое понятие «действительности» только событиями и явлениями жизни, имевшими место в момент написания произведения, и рассматривать последнее лишь как более или менее зашифрованное описание конкретных фактов личной жизни поэта.

Речь идет о той социальной действительности, которая окружает художника, влияет на него и обуславливает соответствующее с его стороны отношение к себе на протяжении иногда значительного периода времени. При этом факты личной жизни художника, которые в той или иной мере могут находить свое отражение в произведении, утрачивают в значительной степени свой автобиографический характер и воспринимаются уже в аспекте широкого обобщения, порой даже не вызывая ассоциаций, связанных с моментами личной биографии художника.

В цикле «Маленьких трагедий», созданном на рубеже 30-х годов, в предельно обобщенной форме, находила свое отражение действительность, окружавшая Пушкина в период

второй половины 20-х годов от поражения декабристов до болдинской осени 1830 года.

С внешней стороны «Маленькие трагедии» резко отличаются от первой трагедии Пушкина как в отношении своей социальной направленности, так и в отношении предмета драматургической интерпретации. Вместо мира бурных социальных страстей и политической активности, лежащих в основе «Бориса Годунова», «Маленькие трагедии» раскрывают мир тончайших индивидуальных переживаний, весьма далеких, на первый взгляд, от каких бы то ни было социальных проблем.

Однако принятая старым пушкиноведением и дающая себя знать еще и в наши дни точка зрения на «Маленькие трагедии», как на произведения, всецело оторванные от действительности и разрабатывающие нарочито «общечеловеческие» проблемы типа «скупости» и «зависти», должна быть полностью отвергнута. Замысел большинства из них, восходящий к периоду михайловской ссылки, видоизменялся, наполнялся новым содержанием, приобретал новое звучание к 1830 году.

Автобиографический момент первоначального замысла «Скупого рыцаря» достаточно прокомментирован и, как можно думать, соответствует действительности. Для того, чтобы старая, изжившая себя тема могла лечь в основу нового произведения, отмеченного глубочайшей напряженностью и остротой, она должна была наполниться новым содержанием. Новым содержанием, вернувшем остроту старой теме, явилась уже не проблема скупости, но гораздо более социально острая проблема значения денег в человеческой жизни.

В исключительном по силе монологе старого Барона Пушкин дает небывалую до него в мировой литературе по глубине анализа характеристику могущественной роли денег в общественной жизни и их влияния на психику человека.

Самый факт обладания золотом в сознании старого Барона превращается в идею индивидуальной силы и мощи самого обладателя золота. Свойства золота переносятся на личность его обладателя и воспринимаются последним как его личные, индивидуальные свойства. Для того, чтобы оценить глубину и значительность этой характеристики, следует вспомнить слова Маркса о фальсифицирующей силе денег: «Все, что существует для меня благодаря *деньгам*, все, что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это — *я сам*, владеец денег. Насколько велика сила денег, настолько же велика и моя сила. Свойства денег суть мои — их владельца — свойства и существенные силы. Поэтому то, что я емь и в со-

стоянии сделать, никоим образом не определяется моей индивидуальностью. Я уродлив, но я могу купить себе *красивейшую* женщину; и, значит, я уже не уродлив, ибо действие *уродства*, его отпугивающая сила, сведена на нет деньгами. Пусть я — по своей индивидуальности — *хромой*; но деньги предоставляют мне 24 ноги, и я уже не хромаю; я дурной, нечестный, бессовестный, тупой человек, но деньги в почете — значит, в почете и владелец денег. Деньги — это высшее благо, — значит, благ и их владелец... И разве я, который с помощью денег способен получить *все*, о чем томится человеческое сердце, разве я не обладаю всеми человеческими способностями?»¹

В «Скупом рыцаре» в предельно обобщенной форме воссозданы основные черты того «железного века», особенности которого показали несколько ранее Пушкин в «Разговоре книгопродавца с поэтом» и немного позднее — и с иных позиций — Баратынский в «Последнем поэте».

«Моцарт и Сальери», в части его реального комментария, обследован более или менее подробно. С достаточной полнотой установлены и изучены возможные источники, которые могли быть известны Пушкину и учтены им в процессе создания трагедии. Все эти данные расширяют круг наших представлений о творческой истории «Моцарта и Сальери», однако они далеко не достаточны, чтобы объяснить особый характер проблематики этой трагедии и закономерность ее появления в творчестве Пушкина конца 20-х — начала 30-х годов.

Первоначальный замысел, относящийся еще к периоду михайловской ссылки и основанный на антитезе двух типов художников и зависти одного из них как движущей силе трагического конфликта, ко времени болдинской осени 1830 года, сохраняя свои внешние очертания, значительно усложнился и наполнился новым содержанием, в связи с существенными изменениями в окружающей Пушкина действительности и новым отношением самого Пушкина к этой действительности.

Совершенно иной комплекс идейных мотивов становился теперь основой трагедии, а сложность его воплощения заключалась в том, чтобы образы трагедии воспринимались в плане огромного обобщения, при котором имена Моцарта и Сальери не вызывали бы ассоциаций, напоминавших о несоответствии с исторической действительностью. Это и было осуществлено Пушкиным.

¹ Маркс и Энгельс об искусстве. Изд. «Советская литература», М., 1933, стр. 41.

В «Моцарте и Сальери» Пушкин утверждал близкий ему творческий тип художника, его право на свободное творчество и высокую роль искусства в человеческой жизни.

Последняя проблема, являясь исключительно острой для Пушкина периода второй половины 20-х годов, определяет основной пафос трагедии. Этот мотив был привнесен в первоначальный замысел в связи с особенностями нового положения Пушкина на рубеже 30-х годов.

Особенно показательное в этом отношении для данного времени утверждение права поэта на свободу творчества приводило Пушкина к страстным и нарочито резким поэтическим декларациям. Поэтому утверждение

Не для житейского волненья,
 Не для корысти, не для битв,¹
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуков сладких и молитв —
 («Поэт и толпа»)

приобретало характер декларации высокого права художника на свободное и независимое творчество. В условиях николаевской действительности эта декларация носила несомненный оппозиционный характер. Аналогичные мысли Пушкин вкладывает в уста Моцарта:

Нас мало избранных, счастливых праздных,
 Пренебрегающих презренной пользой,¹
 Единого прекрасного жрецов.

Характерное для пушкинской лирики конца 20-х—начала 30-х годов утверждение двойственной жизни поэта, «ничтожного» «меж детей ничтожных мира» и преображающегося, когда «божественный глагол до слуха чуткого коснется», имеет прямое отношение и к противопоставлению в образе Моцарта «гуляки праздного» в жизни — «бессмертному гению» в искусстве.

В поэзии Пушкина этого времени приобретают исключительно большое значение два мотива, связанные с особенностями нового положения Пушкина в условиях николаевской действительности. Первый мотив вырастал из ощущения скрытой враждебности тех сил, от которых теперь зависела его судьба. Это находило отражение в таких стихотворениях, как «Предчувствие» (1828), «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829), «Бесы» (1830). Второй мотив возникал из сознания несвободы и скованности творчества и получал выражение

¹ Курсив мой. — Б. Г.

в ряде стихотворений, утверждавших высокое право поэта на свободу творчества: «Поэт» (1827), «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830). Оба мотива, в предельно обобщенной форме, нашли отражение и в трагедии Пушкина о Моцарте.

Если изучение «Каменного гостя» с его внешней стороны приводило к выводам об исключительном своеобразии этой трагедии на фоне мировой драматургической традиции в разработке темы о Дон Жуане, то осмысление проблематики «Каменного гостя» до сих пор еще не может считаться доведенным до конца. Весьма значительное количество работ об этой трагедии или ставило задачи источниковедческого порядка, или же сводило все вопросы проблематики к анализу характера героя в пределах замкнутого литературного ряда, путем элементарного сопоставления с великими образцами литературы прошлого.

Как и все «Маленькие трагедии», «Каменный гость» является произведением исключительно глубокого обобщения. Трагедия основана на контрастном противопоставлении характера чувства Дон Гуана к Лауре, с одной стороны, и к Доне Анне, с другой. В этом — принципиальное отличие «Каменного гостя» от всех без исключения предшествовавших Пушкину драматургических интерпретаций темы о Дон Жуане.

Это решающим образом сказалось и на характере главного героя. Воспроизведение традиционного образа севильского обольстителя, привычно ассоциирующегося с множественностью его любовных походов, не входило в задачу Пушкина. Его основное внимание было обращено на особый характер чувства Дон Гуана к Доне Анне. Чтобы подчеркнуть исключительность этого чувства, Пушкин ввел в трагедию глубоко контрастный Доне Анне образ Лауры.

Анализ образной системы «Каменного гостя» вскрывает одно в высшей степени любопытное обстоятельство: образ Лауры и связанная с нею вторая сцена трагедии являются совсем необязательными для развития сюжета о Дон Жуане в его традиционном варианте. Мировая традиция разработки темы о Дон Жуане канонизировала следующее соотношение главных действующих лиц всякой пьесы на эту тему: Дон Жуан — Донна Анна — Командор или его статуя. Более того, не трудно заметить, что образ Лауры в пушкинской трагедии отнюдь не является эпизодическим: он играет большую роль, пожалуй, не меньшую, чем образ Доны Анны.

С введением в трагедию образа Лауры традиционная ситуация значительно усложнялась. Центр трагедии переместился с отношений Дон Жуана к Доне Анне и Командору на

контрастный характер отношений Дон Жуана к Лауре, с одной стороны, и Доне Анне, с другой.

В самом характере гибели Дон Гуана заложен глубокий смысл. До сих пор не сделано должных выводов из того уже подмеченного исследователями обстоятельства, что эпизод с приглашением статуи Командора присутствовать при свидании Дон Гуана с Доной Анной и обусловленная этим гибель Дон Гуана в последней сцене трагедии непосредственным образом связаны с эпизодом свидания Дон Гуана с Лаурой у трупы Дон Карлоса во второй сцене. Именно здесь ключ к пониманию всей трагедии в целом. То, что было возможным в мире, окружавшем Лауру, оказывалось невозможным и приобрело иной смысл в мире, окружавшем Дону Анну.

«Пир во время чумы» — единственная из всех «Маленьких трагедий», и по замыслу, и по выполнению всецело относящаяся к болдинской осени 1830 года. Именно поэтому она с наибольшей остротой и убедительностью отражает особенности внутреннего мира Пушкина данного периода. Вне учета этого решающего обстоятельства нельзя понять закономерности появления произведения такого характера в творчестве Пушкина болдинской осени 1830 года.

Скудные данные о лондонской чуме, воспринятые Пушкиным более или менее случайно и из вторых рук во время пребывания его в Болдине, вне сомнения, не явились бы стимулом к созданию произведения, подобного «Пиру во время чумы», если бы Пушкин познакомился с ними в иное время и в иной обстановке. В условиях же болдинского заточения они не могли не вызвать соответствующих ассоциаций и параллелей.

Борьба с судьбой, презрение к ее ударам и мужественная непреклонность, противопоставляемые опасности, — таков основной пафос «Пира во время чумы». Песня Председателя с исключительной силой утверждает высокое человеческое достоинство и мужество, противопоставляемые невзгодам и превратностям жизни. Она созвучна мужественным строкам «Предчувствия» (1828), а может быть, и с более ранним посланием «В Сибирь» (1827).

Некоторые внешние особенности «Маленьких трагедий» обнаруживают свою преемственность от первой пушкинской трагедии уже при самом поверхностном сопоставлении. Однако более глубокое изучение вопроса приводит к выводам о существенных изменениях в самом принципе раскрытия характеров героев и разрешении конфликта, которые внесены Пушкиным в драматургическую структуру «Маленьких трагедий» по сравнению с «Борисом Годуновым». Вместо постепен-

ного развития характеров «в зависимости от обстоятельств», на них воздействующих, характеры героев «Маленьких трагедий» показываются в момент, обеспечивающий наиболее полное их раскрытие, — в самый момент развязки действия.

Параллельно с «Маленькими трагедиями» продолжалась работа Пушкина над «Русалкой» — драматическим произведением исключительного своеобразия, до известной степени синтезировавшим драматургические особенности и «Бориса Годунова», и «Маленьких трагедий».

Глубокий психологизм этой драмы раскрывается не в условиях социально острой и напряженной политической борьбы, как это имело место в «Борисе Годунове», но в немногих обстоятельствах глубоко личной внутренней драмы героев. В то же время протяженность действия «Русалки» во времени позволяла Пушкину показывать характеры героев в их развитии, «в зависимости от обстоятельств», на них воздействующих. Этот столь характерный для «Бориса Годунова» принцип показа характеров героев в их развитии соединяется в «Русалке» с тем углубленным и тончайшим психологическим анализом, который становится особенно характерным для следующего за «Борисом Годуновым» этапа пушкинского драматургического творчества, ознаменованного появлением «Маленьких трагедий».

Ключом к определению генезиса «Русалки» в пушкинском творчестве второй половины 20-х годов являются народная основа этой драмы и те явственные нити, которые тянутся от нее к образам народного творчества, которые окружали Пушкина в период его михайловской ссылки.

6

Нет сомнения в том, что острее проблемы общественного развития, положенные Пушкиным в основу его последнего драматургического замысла — незавершенной прозаической драмы, печатающейся под условным редакторским названием «Сцены из рыцарских времен», — имели для того времени глубоко современный характер. Вопросы смены социальных формаций привлекали внимание не одного Пушкина. На культурный подъем в средневековом обществе, вызванный появлением и ростом буржуазии, указывал в 1833 году и А. А. Бестужев.¹

¹ Рецензия А. А. Бестужева на сочинение Н. Полевого «Клятва при гробе господнем. Русская быль XV века». «Московский телеграф», 1833, ч. 52, стр. 541—555.

Однако в условиях русской действительности середины 30-х годов проблема роста и развития отечественной буржуазии непосредственно связывалась в сознании Пушкина с проблемой укрепления поднимавшейся к руководящей роли в государстве новой «аристократии богатств». Взгляды Пушкина на буржуазную аристократию были характерны для всего поколения дворянских революционеров. «Буржуазия не имеет великого прошедшего...», — писал несколько позднее Герцен. — Дворянство имело свою общественную религию; правилами политической экономии нельзя заменить догматы патриотизма, предания мужества, святыню чести...».¹ Противопоставление старинного русского дворянства новой «аристократии богатств» резко подчеркнуто в пушкинском «Романе в письмах» (1829). Героиня романа пишет своей подруге: «...никогда я не предполагала выдти за него. Он аристократ — а я смиренная демократка. Спешу объясниться и заметить..., что родом принадлежу я к самому старинному русскому дворянству, а что мой рыцарь внук бородатого миллионщика. Но ты знаешь, что значит наша аристократия».

По существу же вся система общественно-политических взглядов Пушкина 30-х годов на некую идеальную роль старинного русского дворянства являлась своеобразным выражением скрытой оппозиции по отношению и к монархии Николая I, и к придворной «аристократии» из «нового» дворянства, и к «аристократии богатств». Выхода из этого круга Пушкин не видел.

Говоря об участниках общественных кружков и групп 30-х годов, Герцен подметил в них то основное, что сближало их между собой и делало их предвестниками будущего, — это «...глубокое чувство отчуждения от официальной России, от среды, их окружавшей, и с тем вместе стремление выйти из нее...».² Это чувство и стремление было в высшей степени характерно и для Пушкина. С ними непосредственно связан и тот пристальный интерес, с каким он следил за таким многозначительным явлением русской жизни, как формирование новой социальной среды разночинной интеллигенции, той, по выражению Пушкина, «дружины ученых и писателей, какого б рода, они ни были», которая «всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности» (XI, 163).

¹ А. И. Герцен. Письма из Франции и Италии. Письмо второе. Полное собрание сочинений и писем, т. V, 1919, стр. 133.

² А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собрание сочинений и писем, т. XIII, 1919, стр. 28.

Все более и более возраставшее культурное и общественное значение этого разночинного слоя свидетельствовало о начале социального процесса, какой в недалеком будущем приведет к полному вытеснению «дворян разночинцами в нашем освободительном движении».¹ Предшественником этого вытеснения еще при жизни Пушкина явился молодой Белинский.

Замысел последней пушкинской драмы о смене социальных формаций, о внутренней опустошенности представителей гибнущего феодализма, о духовной ограниченности и алчности нового хозяина жизни — буржуазии — и о появлении ранних представителей прогрессивной мелкобуржуазной интеллигенции — далек от замысла подлинно исторической драмы. Последнему противоречат и подчеркнута обобщенные и нарочито слабо индивидуализированные характеры героев, и завершающая фраза плана о предполагаемом конце драмы: «Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола . . .» (VII, 346, 384). Конечно, никакого дьявола в своей драме Пушкин показывать не собирался. Все это входило в общую сумму «размышлений», которыми должна была завершиться драма, а эти размышления, вне всякого сомнения, должны были быть развиты в системе более или менее обобщенных образов, имеющих всецело реалистический характер. В этом отношении «Сцены из рыцарских времен» по характерной условности своей образной системы, за которой явственно просвечивает историко-философская концепция исключительной глубины и обобщенности, несомненно, гораздо более близки к «Маленьким трагедиям», нежели к «Борису Годуну».

В настоящем докладе я смог остановиться лишь на некоторых отдельных проблемах, связанных с изучением пушкинской драматургии. В этом отношении перед советским пушкиноведением стоят большие задачи, которые должны быть разрешены в ряде монографических работ, посвященных драматургии Пушкина в целом.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 223.

К. В. АЙВАЗЯН

О «ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ» ПУШКИНА

(Пушкин и Армения)

1

Одним из значительных эпизодов творческой биографии Пушкина является его поездка в 1829 году на Кавказ, в действующую армию Паскевича, его участие во взятии Арзрума и написание в этой связи очерков «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» и некоторых стихотворений.

В пушкиноведении установилась традиция считать, что путешествие на Кавказ было предпринято Пушкиным исключительно в силу тяжелых обстоятельств личной жизни: в марте 1828 года началось следствие по распространению стихотворения «Андрей Шенья», затем в июне—июле — расследование «по высочайшему повелению» о «Гавриилиаде», закончившееся установлением секретного надзора за поэтом, допросами и взятием подписки ничего не издавать без цензуры царя и III Отделения, лишением свободы передвижения. Ко всему этому присовокупляют и неудачное сватовство Пушкина к Н. Гончаровой.

Так, Е. Г. Вейденбаум, говоря о причинах поездки Пушкина на Кавказ, приходит к выводу о том, что «... окончательное решение бросить столицу и отправиться в Азию созрело в Пушкине внезапно, под влиянием того тревожного состояния духа, в котором находился в то время».¹

Ю. Тынянов в своей работе «О „Путешествии в Арзрум“»,² перечисляя указанные выше причины, утверждает, что Пуш-

¹ Сб. «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис, 1899, стр. 110.

² Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, кн. 2, Изд. Академии Наук СССР, 1936, стр. 57—73.

кину было безразлично, куда ехать — в Париж или на Кавказ, лишь бы вырваться из России, и в подтверждение приводит то место из «Путешествия в Арзрум», где, описав свой переезд через Арпачай, Пушкин восклицает: «Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видел я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное: с детских лет путешествия были моею любимую мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России» (VIII, 463).

Объяснение, данное Ю. Тыняновым (как и другими авторами — Л. Гроссманом, А. Цейтлиным и другими) целям поездки Пушкина на Кавказ, совершенно неприемлемо. Пушкину приписывается сожаление, что ему не удалось вырваться за пределы России, выйти «на вольный простор иных стран, иных политических порядков», т. е. желание покинуть родину. Ю. Тынянов в упомянутой статье прямо говорит о том, что «недозволенная поездка Пушкина входит в ряд его неосуществленных мыслей о побеге» (58).

Но имеется и иная точка зрения на цели и характер поездки Пушкина на Кавказ, несколько дополняющая первую: объясняют поездку желанием увидиться с сосланными друзьями-декабристами и с младшим братом Львом Сергеевичем, служившим тогда в Нижегородском драгунском полку, квартировавшем в Кахетии. Основанием для такого объяснения поездки Пушкина служат:

1. Письмо Пушкина брату от 18 мая 1827 года, в котором поэт пишет: «Завтра еду в П. Б. «Петербург»... Из П. Б. поеду или в чужие края, т. е. в Европу, или во свояси, т. е. во Псков, но вероятнее в Грузию, не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского».¹

2. Переписка между шефом жандармов Бенкендорфом и Пушкиным о причинах поездки на Кавказ в конце 1829 года. В ответ на запрос Бенкендорфа, что «государь император, узнав по публичным известиям, что Вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзрум, высочайше

---

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 329. — В дальнейшем цитируется это издание.

повелеть мне изволил спросить Вас, по чьему позволению приняли Вы сие путешествие», — Пушкин отвечал письмом от 10 ноября 1829 года:

«Генерал,

С глубочайшим прискорбием я только что узнал, что его величество недоволен моим путешествием в Арзрум...

По прибытии на Кавказ, я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав, я уже не застал там армии. Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на приезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-лу, и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию, в качестве не то солдата, не то путешественника.

Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения» (XIV, 50—51, 397).

3. Вторая редакция предисловия к «Путешествию в Арзрум», где Пушкин писал:

«В 1829 году отправился я на Кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса, мне захотелось туда съездить для свидания с братом и некоторыми из моих приятелей» (VIII, 2, 1024).

В пушкиноведении прочно установилась традиция — объяснять поездку Пушкина в действующую армию исключительно личными мотивами и совершенно обходить вопрос об отношении поэта к крупнейшим событиям русской истории после восстания декабристов — окончательному присоединению Закавказья к России, русско-персидской (1826—1827) и русско-турецкой (1828—1829) войнам. То, что при этом обычно ссылаются на свидетельства самого Пушкина в его письме к брату, на вторую редакцию предисловия к «Путешествию в Арзрум» или на переписку с Бенкендорфом, еще не дает исчерпывающего объяснения причин и цели поездки на Кавказ. Ведь при этом совершенно упускается из виду, что ни в письме к брату, ни тем более в предисловии к издаваемому «Путешествию», ни в объяснении шефу жандармов Пушкин, связанный обязательством «не противоречить своими мнениями» «общепринятому порядку», в условиях жесточайшей

николаевской реакции и не мог иначе объяснить причины своей поездки.

Для нас совершенно ясно, что изложенная выше трактовка поездки Пушкина на Кавказ связана с легендой о «нейтральности» Пушкина, о его отходе от политической жизни после событий 14 декабря 1825 года, о его примирении с самодержавием, о полном равнодушии поэта к событиям современности. Так, Ю. Тынянов видит в «Путешествии в Арзрум» «нейтралитет поэтического наблюдателя», «объективность рассказа, нейтральность авторского лица», говорит о том, что «герой „Путешествия в Арзрум“, авторское лицо, от имени которого ведутся записки, — никак не „поэт“, а русский дворянин, путешествующий по архаическому праву „вольности дворянской“, и вовсе не собирающийся „воспевать“ чьи бы то ни было подвиги».¹

Глубокое и богатое содержание «Путешествия» нередко сводится к меткости зарисовок быта и природы беспристрастным наблюдателем; даже в новейших работах, посвященных Пушкину, нигде специально не останавливаются на «Путешествии», считая это произведение лишь путевым дневником, заполненным описанием путевых впечатлений, случайных встреч и пр.

И это говорится о произведении поэта, которого горячий интерес к современности и патриотизм, передовая идейность и глубокое изучение действительности сделали основоположником новой русской литературы, величайшим мастером поэзии. Равнодушие и объективизм приписываются Пушкину, все творчество которого проникнуто свободолобием и гуманизмом, идеями борьбы за счастье народных масс.

Пушкин с братским сочувствием следил за борьбой славянских народов за свою самостоятельность и независимость, за национально-освободительной войной греков против турецких поработителей, откликнулся на все события международной жизни. Не беспристрастным наблюдателем, а активным борцом выступал он в политической жизни страны, насыщая свои произведения важнейшими проблемами современности. Только рассматривая в целом все содержание деятельности, мировоззрения и творчества Пушкина, можно правильно понять и вскрыть истинные причины поездки поэта на Кавказ, раскрыть идейное содержание произведений, связанных с этим моментом биографии великого поэта. Порочность работ, посвящен-

¹ Ю. Тынянов, ук. статья, стр. 60, 67, 68.

ных «Путешествию в Арзрум» и поездке Пушкина на Кавказ, состоит в том, что в них не учитывается реальная, конкретно-историческая обстановка того времени, когда было совершено путешествие поэта в действующую армию и когда было написано «Путешествие в Арзрум». В 1826—1827 и в 1828—1829 годах присоединением Восточной Армении завершилась более чем вековая война России с Турцией и Персией за Закавказье.

Освобождение народов Закавказья от ига персидско-турецкой тирании не могло пройти незамеченным и не вызвать патриотического отклика, патриотической гордости за Россию у великого гения русского народа. Таким откликом и явилось «Путешествие в Арзрум», некоторые стихотворения и личное участие поэта в 1829 году в легкой кампании русско-турецкой войны. Великим патриотом, а не «нейтральным наблюдателем» выступил Пушкин в своем «Путешествии». Он нарисовал исторически верную картину войны, показал ее подлинных героев, отдал дань восхищения героическим действиям не только русской армии, но и местных жителей — армян, грузин, азербайджанцев. Пушкин сумел понять отношение закавказских народов к России, дать объективно верную оценку такого важного исторического события, как присоединение Армении к России в 1828 году.

Сама поездка на Кавказ, в Армению, где уже много лет доблестно сражалась русская армия, отнюдь не носила случайного характера, она стояла в общем плане творческих интересов Пушкина. Будучи патриотом, гениальный поэт был подлинным другом народов своей страны и всего мира, ибо в Пушкине и в его творчестве нашли свое выражение лучшие черты великого русского народа.

Пушкин был другом и армянского народа. Он глубоко интересовался судьбами Армении, посвятив знаменательному для армянского народа событию — освобождению от вековой тирании персов и турок и присоединению к России — свое гениальное «Путешествие в Арзрум».

2

Повидимому, впервые Пушкин услышал об Армении в очень ранние годы — в период своего детства, когда он через няню Арину Родионовну и дворовых людей познакомился с древнерусской повестью о Бове-королевиче, перешедшей в виде сказки в устное народное творчество.

В стихотворении «Сон» Пушкин вспоминает «о мамушке своей», рассказывавшей ему «о мертвецах, о подвигах Бовы». В повести, которую Пушкин слушал в детстве, говорится о том, как Бова-королевич, спасаясь от преследований отчима и матери, прибывает в Армянское царство, где совершает ряд подвигов. В него влюбляется дочь армянского царя Зензевея — красавица Дружневна. Бова женится на ней, у них рождаются два сына-богатыря и т. д.

Пушкин, как и до него Радищев, заинтересовался этим сюжетом и возвращался к нему неоднократно: в 1814, затем в 1822 и, наконец, в 1834 году.

Наброски пушкинской поэмы о Бове близки к народной сказке, изображение армянского царства выдержано в обычном сказочном стиле:

<II>

За чем раздался гром войны
Во славном царстве Зензевея
Поля и села зажжены —

Или черновые варианты набросков:

<III>

В Армении в палаты Зензевея.
Съезжаются могучие цари
Царь Зензевей их ласково встречает
За пышные столы свои сажает
И с ними добрый Зензевей
Пирует ровно сорок дней.¹

Первые реальные сведения об Армении Пушкин получил в лицейские годы. Читая «Письма русского путешественника» и «Историю государства Российского» Карамзина, изучая древнерусские летописи, Киево-печерский патерик и книги по истории России, Пушкин встречался с упоминаниями о прошлом Армении и армянского народа. Можно предположить, что мимо внимания Пушкина не прошла еще одна книга, вызвавшая интерес в критике, — это изданная в 1813 году в Петербурге «Жизнь и приключения Артемия Араратского», в которой впервые в русской литературе нашла свое отображение тема Армении.

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. Академии Наук СССР, 1948, стр. 156, 503.

В лицейские же годы Пушкин познакомился и сблизился с рядом лиц из армяно-грузинской колонии в Петербурге. В среде гусаров гвардейского полка, квартировавшего в Царском селе после возвращения из заграничных походов против Наполеона, у Пушкина были большие друзья — Н. Раевский, П. Чаадаев, П. Каверин и другие. В этом же полку служили армяне — братья Лазаревы и Давид Абамелек. В доме последнего Пушкин, уже после окончания лицея, бывал, повидимому, несколько раз, о чем сам поэт вспоминал позже в своем литературном посвящении А. Д. Абамелек: ¹

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою, и вами,
Как нянька старая, горжусь.

Дружба с Д. Абамелек (семья которого, как это видно из списка посетителей лицея от 11 июля 1815 года, посещала лицей), знакомство с Лазаревыми не могло не привести к знакомству Пушкина с героическими подвигами многих сынов армянского народа, сражавшихся в Отечественной войне 1812—1814 годов на стороне России против Наполеона. Это тем более кажется вероятным, что, кроме таких известных армян, героев Отечественной войны, как генерал Мадатов, Дельянов, Меликов и другие, сами Абамелеки и Лазаревы отличились в войне и генерал Иван Семенович Абамелек был награжден многими орденами. А известно, что молодой Пушкин проявлял большой интерес ко всем событиям войны; он с молодых лет жил славой и подвигами победителей Наполеона и жалел, что не разделил их воинских подвигов.

Если в лицее и в Петербурге круг знакомых армян Пушкина состоял в основном из военных, то в период южной ссылки поэта этот круг сильно изменился. Пушкин был знаком с чиновником Артемием Худобашевым, с которым находился

¹ Княжна Анна Давыдовна Абамелек родилась 3 апреля 1814 года. В 1835 году она вышла замуж за брата Е. А. Баратынского — Ираклия Абрамовича Баратынского. Ей посвящали стихи поэты И. И. Козлов, кн. П. А. Вяземский, И. П. Мятлев. А. Д. Абамелек известна как переводчица русских поэтов на иностранные языки. Она переводила на французский язык произведения Пушкина, Козлова, Лермонтова, Некрасова и других (Ю. Н. Верховский. Е. А. Баратынский. Материалы к его биографии. Пгр. 1916).

в дружеских отношениях, и интересовался жизнью и бытом армян-ремесленников, торговцев, содержателей трактиров и т. д.

К периоду кишиневской ссылки относится рисунок Пушкина карандашом с надписью чернилами: «12 Апрель»¹ (3 день пасхи), датируемый 1821 годом. Рисунок сложной композиции, изображает групповой портрет армян и молдаван в церкви.

Тогда же было написано стихотворение «Христос воскрес, моя Ревекка», которое Б. В. Томашевский сближает с «Гавриилиадой». Нужно заметить, что в советском литературоведении высказывалось мнение о том, что сюжет «Гавриилиады» мог быть подсказан Пушкину апокрифической армянской повестью, очевидно, бывшей ему известной из бесед с армянами. Сам поэт заявляет в «Гавриилиаде»:

Но говорит армянское преданье.

У Пушкина имеется запись: «18 июля. 1821 известие о смерти Наполеона, бал у армянского архиепископа 1821».² По сообщению Габриеля Айвазовского, архиепископ, о котором упоминает Пушкин, был Григорий Захарьянов.³ Имеются сведения о том, что Пушкин часто бывал в армянской семье Акоповых.

Как верно замечает И. Ениколофьян в своей статье «Пушкин в Армении»,⁴ из ряда отрывочных сведений и косвенных намеков видно, что в 20-х годах Пушкина влекли к себе больше всего южные границы Кавказа, т. е. Восточная Армения, ибо в эти годы первоочередной задачей России было присоединение Эриванского и Нахичеванского ханств. Естественно, что в своих беседах с одним из активных участников военного похода — генералом Раевским Пушкин многое мог узнать о Кавказе, о его народностях.

В период южной ссылки особое внимание поэта привлекают события, связанные с борьбой греческого народа против деспотической Турции. Черновое письмо к В. Л. Давыдову, написанное в первой половине марта 1821 года, начинается так:

«Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы. Греция восстала и провозгласила свою свободу» (XIII, 22).

¹ Рукою Пушкина. Изд. «Academia», 1935, стр. 394.

² Там же, стр. 292.

³ «Записки Одесского общества истории и древностей», IX, стр. 163.

⁴ «Граканютюн ев арвест», 1949, № 6.

Он подробно перечисляет в письме все события, отмечает тот подъем, который охватил все общество, говорит о зверствах и притеснениях, грабительстве турецких начальников. Одно из первых стихотворений Пушкина в Кишиневе «Дочери Карагеоргия» посвящено герою национальной борьбы балканских славян, «воину свободы», павшему жертвой турецких тиранов. С горячим сочувствием следит Пушкин за ходом национально-освободительной борьбы народов Балканского полуострова, восставших против турецкого ига. Пушкин прекрасно понимает ту роль, которую должна была сыграть Россия в освобождении поработенных Турцией народов. Он пишет в своем письме В. Л. Давыдову: «Важный вопрос: что станет делать Россия: займем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов?» (XIII, 24).

Когда прошел слух, что русская армия выступила на поддержку греков, Пушкин сразу же загорелся желанием участвовать в битвах за свободу.

Война... Подъяты наконец,
Шумят знамены бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей.
Стремление бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений!

(«Война»)

В черновых записях поэта сохранились набросок поэмы на тему о восстании греков и подробные записи хода национально-освободительной борьбы. Эти впечатления позже нашли свое отражение в повести «Кирджали» (1834).

В письме к В. Л. Давыдову (1823—1824) Пушкин прямо говорит о том, что «греки между европейцами имеют гораздо более вредных поборников, нежели благоразумных друзей. Ничто еще не было столь *народно*, как дело греков...» (XIII, 104).

Подчеркнутая Пушкиным народность дела греков и то, что не от европейцев придет освобождение греков (как и других угнетенных восточными деспотиями народов), еще раз показывает, как глубоко понимал великий поэт историческую спаси-

тельную миссию русского государства, и бросает свет на дальнейшее отношение Пушкина к вопросу о присоединении Армении к России.

3

Русско-персидская (1826—1828), а затем русско-турецкая (1828—1829) войны, блестящие победы русской армии, приведшие к освобождению Восточной Армении из-под ига персидских и турецких сатрапов и присоединению Восточной Армении к России, ссылка в действующую армию декабристов с приговором «кровью заслужить прощение», их активное участие в обеих войнах, — все это усилило и без того имевшийся в русском обществе интерес к Закавказью, и в частности к Армении.

В русских журналах и газетах того времени появляется ряд статей об Армении. Так, в журнале «Вестник Европы» (за которым Пушкин следил еще с лицейской скамьи) в ноябре 1823 года печатается статья «О побудительных причинах заниматься армянским языком», в 1824 году печатается небольшая статья Давида Арзанова «Замечания об Армении и армянах». Во всей современной Пушкину периодической печати широко освещаются все события войны.

Наряду с этим издавались отдельные книги русских и иностранных путешественников о Закавказье и Армении, исторические очерки об Армении. Еще в 1786 году Вагановым была переведена на русский язык изданная А. Шамиряном в Индии книга «Краткое описание царства Армянского»; в 1809 году был переведен исторический труд отца армянской историографии М. Хоренского; в 1818 году Ал. Худабашян (брат приятеля поэта в южной ссылке Артемия Худабашяна) переводит с французского книгу Шаган-Джерпетяна «Любопытные извлечения из древней истории об Азии»; в Москве в 1826 году издается книга Я. и Д. Арзановых «Опыт начертания истории царства Армянского»; в 1829 году выходят книги: Вальша «Путешествие по Турции», Н. Н. «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и Грузию в 1827 году», И. Дебу «О кавказской линии и о соседственных горских народах» и другие.

В самой русской литературе появляется ряд произведений, посвященных Армении. Как мы уже упоминали, в 1813 году в Петербурге издается «Жизнь и приключения Артемия Араратского». Брат близкого друга Пушкина — Федора Глинки — Сергей Глинка публикует «Две повести в стихах, почерпнутые

из древних армянских летописей» (М., 1831). Первая из них представляет собой обработку легенды о борьбе прародителя армян Гайка с завоевателем Белом за свободу и независимость отчизны. Гайк призывает друзей и сынов пойти в бой:

«За правое, святое дело,
За вольность наших жен, детей,
Душа пойдет сражаться смело;
Не отдадим страны своей!

Чем понести ярмо злодея,
Мы все умрем, иль победим!
Пойдем! И молнии быстрее
Врагов настигнем, поразим!»

В своих примечаниях С. Глинка подчеркивает свободоловие армянского народа, его любовь к русскому народу.

«Любя *родную*, или свободу отечественную, армяне и у могущественных калифов выговаривали право не быть никогда рабами их. И в наше время, т. е. 1828, переселяясь из прелестной Адербиджской персидской страны в новоустановленную область Армянскую, армяне-переселенцы говорили: „мы лучше хотим есть траву русскую, нежели хлеб персидский“» (45).

Вторая поэма С. Глинки «Ардоат или Адодад, спаситель Армении и отечества» также повествует о борьбе армян с грабителем и разорителем страны Неоптолемом.

Перу Глинки принадлежат и значительное историческое сочинение в двух частях «Обозрение истории армянского народа», а также труд «Описание переселения армян адербиджских в пределы России».

В «Обозрении истории армянского народа» Глинка возвеличивает героическое прошлое армянского народа, его культуру, отмечает воинственный дух народа, оборонявшего свою родину от врагов. «Оборона отечества, — писал он, — защита родной независимости, противоборствие покушениям внешнего насилия: вот главная цель их вооружений» (VII). И в этом своем труде, как и в «Описании переселения армян», С. Глинка подчеркивает преданность и любовь армянского народа к великому русскому народу.

Нельзя не отметить произведений современника Пушкина А. Ф. Мерзлякова об Армении, стихотворений и записок Д. Давыдова и, наконец, путевых записок А. С. Грибоедова, его плана трагедии на материале истории Армении и Грузии половины I века н. э. — «Радамист и Зенобия». Природа, люди, быт и нравы народов Закавказья нашли свое отражение

в творчестве поэтов-декабристов В. Кюхельбекера, Бестужева-Марлинского, А. Одоевского.

Большой интерес русского общества к Закавказью и Армении был исторически обусловлен и закономерен. Мы смело можем предположить, что все эти факты не могли пройти мимо Пушкина, исключительно внимательно следившего за всей отечественной литературой. Кроме того, имеются и неоспоримые свидетельства об основательном изучении Пушкиным современной ему литературы о Закавказье, и в частности об Армении. В библиотеке поэта имелась популярная в то время книга С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе»; в «Путешествии в Арзрум» поэт ссылается на Турнфора — известного ботаника и путешественника по Малой Азии и Закавказью, цитируя его труд «Relation d'un voyage du Levant» (Амстердам, 1718) при описании Арзрума, а также роман Морье «The adventures of Hadji Baba of Ispahan» (1824), переведенный позднее на русский язык Сенковским; из «Путешествия гр. И. Поттоцкого» Пушкин заимствует «свидетельство Плиния» о Дарьяле и Кавказских вратах, использует (не называя) «Путешествие кавалера Гамба в Кавказскую область»,¹ при описании природы Армении вспоминает оду Горация «К Вальгию»:

И берега Армении, мой друг Вальгий,
Не круглый год закованы в неподвижный лед.

Приехав в Закавказье, Пушкин не переставал проявлять глубокий интерес как к прошлому, так и к настоящему этого края. «В Тифлисе, — пишет он в «Путешествии в Арзрум», — пробыл я около двух недель, и познакомился с тамошним обществом. Санковский, издатель Тифлиссских Ведомостей, рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о князе Цицианове, об А. П. Ермолове и проч. Санковский любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность.

Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному Аге-Мохамеду взять и разорить Тифлис и 20 000 жителей увести в плен (1795 г.). Грузия перешла под скипетр императора Александра в 1802 г. Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знаменами».

До поездки на Кавказ Пушкин многое мог узнать и при встречах с друзьями, прибывшими с театра военных действий и вообще из Закавказья.

¹ Ю. Тынянов, ук. статья, стр. 69—70.

Пушкин неоднократно встречался с Д. Давыдовым после его возвращения из Армении, как и с Грибоедовым, когда тот весной 1828 года приехал в Петербург с текстом Туркманчайского мирного договора. «Это один из самых умных людей в России, — говорил Пушкин о нем Ксенофону Полевому. — Любопытно послушать его».¹ В доме издателя «Отечественных записок» Грибоедов в присутствии Пушкина читал отрывки из своей трагедии «Грузинская ночь», а в мае того же года Грибоедов слушал чтение «Бориса Годунова» Пушкиным.

Грибоедов делился впечатлениями о Закавказье со своими знакомыми; он был увлечен широкими планами переустройства этого края. Через Грибоедова на службу на Кавказ были приглашены многие хорошие знакомые и друзья Пушкина — Никита Всеволожский, Ф. Хомяков, З. Грубер, И. Мальцев, Е. Чилыев, П. Завилейский и другие.

Но Пушкина Грибоедов мог интересовать особенно и потому, что тот участвовал во всей персидской кампании, побывал в тех же сражениях, что и брат поэта Лев, в частности, в том самом Джеванбулакском бою, за участие в котором Лев Сергеевич получил свой первый офицерский чин.

Для Пушкина, в течение года уже собиравшегося в Армению, Грибоедов был неоценимым источником сведений, человеком, хорошо знавшим не только историю, но и современное положение Армении, давшим яркое описание природы Армении в своих «Путевых записках», и, самое главное, человеком, прекрасно осведомленным о положении дел на Востоке и в Кавказской армии. О том, что содержанием бесед Пушкина с Грибоедовым были события на Востоке, говорит и запись поэта о прощании с Грибоедовым: «Он был печален, и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: „*Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez, qu'il faudra jouer des couteaux*“ (Вы еще не знаете этих людей; вы увидите, что дело дойдет до ножей)». (VIII, 460—461, 1069) Эта запись свидетельствует о том, что Пушкин интересовался событиями персидской войны, ибо слова Грибоедова прямо касались вероломства персов.

Ко времени встреч с Грибоедовым относится поданное Пушкиным совместно с Вяземским прошение о зачислении в армию, отклоненное царем.

В свете всего сказанного становится понятным возникшее у Пушкина желание посетить Кавказ, Армению, места, где совершались важнейшие события русской истории. Но не-

¹ А. С. Грибоедов. Горе от ума. СПб., 1839, стр. XLI.

медленно выехать Пушкину не удалось. Сохранился ряд обращений поэта к царю, к шефу жандармов Бенкендорфу с просьбами о разрешении на выезд в действующую армию. Свое желание Пушкин выразил задолго до того, как начались расследования и допросы в связи с распространением стихотворения «Андрей Шень» и других. Таким образом, полностью отпадает тот тезис, что выезд на Кавказ был вызван исключительно личными причинами и тем более попыткой покинуть Россию.

Только в марте 1829 года, взяв подорожную до Тифлиса, выданную ему военно-губернаторской канцелярией, Пушкин выехал из Петербурга в Москву, с тем, чтобы оттуда продолжить путь на Кавказ.

Первое упоминание об этом встречаем в письме московского почтмейстера А. Я. Булгакова, знавшего обо всех событиях московской жизни: «Он едет в армию Паскевича, — писал Булгаков брату, — узнать все ужасы войны, послужить волонтером, может и воспеть это все».¹

Следом за Пушкиным отправлено было распоряжение шефа жандармов «о надлежащем продолжении за ним учрежденного с высочайшего утверждения секретного наблюдения».

1 мая 1829 года Пушкин, без разрешения царя, самовольно выезжает из Москвы в Закавказье. Из Москвы уже доводится до сведения «г. главнокомандующего в Грузии графа Паскевича Эриванского» о секретном надзоре,² а последний через своего начальника штаба 12 мая отдает указание тифлисскому военному губернатору Стрекалову «не оставить распоряжением... о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию».³

Пушкин не откликнулся стихами на военные события. Письмо Паскевича Жуковскому полно упреков по адресу поэта за то, что его лира долго отказывалась «бряцать во славу подвигов оружия», что померкла «заря достопамятных событий Персидской и Турецкой войны».⁴ В инспирированной III Отделением статье платного агента полиции Булгарина говорилось:

«Итак, надежды наши исчезли. Мы думали, что автор Руслана и Людмилы устремился на Кавказ, чтоб напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги

¹ «Русский архив», 1901, кн. 3, стр. 298.

² Дела III Отделения с. е. и. в. канцелярии сб А. С. Пушкине. СПб., 1906, стр. 83, 84.

³ «Русская старина», 1880, январь, стр. 146.

⁴ «Русский архив», 1875, кн. 11, стр. 369.

русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов, — и мы ошиблись!»¹

Откликом Пушкина на события войны явилось «Путешествие в Арзрум», но в нем описывались подвиги не тех «героев», которые нужны были Булгарину, а тех, о которых Пушкин открыто говорить не мог и прятал их имена под инициалами.

Думается, что все приведенные факты убеждают нас в том, что поездка Пушкина на Кавказ была связана с огромным интересом поэта к событиям войны с Персией и Турцией и присоединению Армении к России, что этой поездке предшествовало глубокое знакомство с ходом военных действий, с историей и современным положением Закавказья, и в частности Армении. Поездка на Кавказ давно стояла в плане творческих интересов Пушкина и отнюдь не была случайностью в его биографии.

4

25—26 июля 1826 года персы, подавив сопротивление малочисленных пограничных русских отрядов, вторглись в пределы уже присоединенных к России областей. Грабя и сжигая армянские селения, персы двинулись по направлению к Тифлису. Малочисленные русские войска и местное армянское население оказывали героическое сопротивление захватчикам. Так, в селении Малый Караклис, лежащем в 7—8 верстах от Гюмри (ныне Лениканан), небольшой казачий пост, поддержанный местными жителями, в течение нескольких часов самоотверженно защищался от превосходящих сил противника. 31 июля русские войска отступили из Гюмри, а затем из Бамбакской и Ширагельской провинций. Еще недавно цветущая Ширакская область превращена была персами в мертвую пустыню, город Гюмри — в груды развалин.

Проезжая через эти места спустя три года, Пушкин видел следы персидского вторжения. В «Путешествии» он отмечает, что на берегах Аракса «селения были пусты. Окрестная сторона печальна». А между тем когда-то эта равнина была житницей Востока, о чем, видно, Пушкин знал: «Я любовался прекрасной землею, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу».

По дороге, не доезжая Гюмров, Пушкин ночевал на казачьем посту, затем он провел ночь в Гюмрах, а на обратном

¹ «Северная пчела», 1830, № 35, 22 марта.

пути из Арзрума три дня сидел в карантине в тех же Гюмрах. В альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой нарисован карандашом автопортрет Пушкина с его монограммой, под которым неизвестной рукой сделана надпись: «Писанный им самим во время горестного его заключения в карантине Гуммранском 1829 г. 28 июля».

Однако возвратимся к событиям русско-персидской войны.

Главнокомандующий Кавказской армией генерал Ермолов и его помощник генерал Мадатов быстро приняли меры к приостановлению продвижения персов и выработали план разгрома врага. Активное участие в боях принял 41 Егерский полк под командованием полковника Авенариуса,¹ в июне включился в военные действия Нижегородский драгунский полк, где служили брат поэта Лев Сергеевич, один из самых близких друзей поэта Н. Н. Раевский (младший) и сосланные декабристы; с сентября 1826 года в персидской войне участвовал близкий друг Пушкина, герой Отечественной войны, поэт-партизан, генерал-майор Денис Васильевич Давыдов, сыгравший большую роль в изгнании персов из пограничных с Эриванским ханством районов. Давыдов оставил любопытные записки и поэтические отклики на эту войну.

В автобиографической записке Д. Давыдов писал: «... в десять дней Давыдов за Кавказом. Еще несколько дней, и он с отрядом своим за Безобдалом, в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бамбакской долине. Наконец еще одни сутки, и он близ заоблачного Алагёза поражает четырехтысячный отряд известного Гасан-хана, принудив его бежать к Эриванской крепости, куда спешит и сам сардар эриванский с войсками своими от озера Гохчи. Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, с своим голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого».²

В первый же год войны (1826) русские войска при содействии местного населения вытеснили персов за пределы Закавказья. Блестящие победы одержали русские войска при Шамхоре и Елизаветполе (1826). Героем Шамхорской битвы, в которой русский отряд разбил впятеро сильнеешего неприятеля, был Мадатов, общий любимец Кавказской армии, о храбрости и смелости которого было сложено множество рассказов. Как только солдаты узнали о назначении Мадатова начальником передового отряда, ими овладел восторг. «Ну,

¹ Авенариус Александр Андреевич — член Союза благоденствия, но после 1821 года от участия в тайных обществах уклонился.

² Д. Давыдов. Полное собрание стихотворений. Л., 1933, стр. 62.

славу богу, — говорили они между собой, — едет Мадатов! Теперь персианам шабаш!». Особенно же любили Мадатова нижегородцы, и от брата Льва Сергеевича Пушкин мог узнать о действиях храброго генерала-армянина. Несомненно, знал поэт и о Елизаветпольской битве, в которой отличился Нижегородский драгунский полк, где служили позже брат и друзья поэта. Победа была торжественно отпразднована в Петербурге, где по улицам при звуках труб церемониально провозили отбитые у врага знамена, отправленные затем в дар Москве. Впечатление, произведенное Елизаветпольской победой, было таково, что «... даже и в самой Персии сочиняемы были песни в честь победителей, и подвиги князя Мадатова так воспламеняли воображение туземных бардов, что он представляется в этих песнях грозным карателем, — призраком, являвшимся внезапно и повсюду для поражения персиян».¹

Успехи русского оружия широко освещались в современной Пушкину печати. Но в частных письмах к родным в Петербург и Москву с фронта военных действий находили себе место описания будней Кавказской армии, всего того, что старательно вычеркивалось цензурой, но, несмотря на это, пройдя все рогатки, становилось общеизвестным.

Елизаветпольская победа была приписана новому главнокомандующему, царскому любимцу Паскевичу, заменившему Ермолова. И тут нужно заметить, что мнение, сложившееся в русском обществе о Паскевиче, было явно отрицательным, прямо противоположным официальному.

Было известно, что головокружительная карьера Паскевича началась после поражения восстания 14 декабря 1825 года, когда он участвовал в качестве члена в Верховном уголовном суде над декабристами. Будучи назначен помощником Ермолова, Паскевич начал с интриг, привлекая к доносам сомнительных лиц. Лучше всего характеризует Паскевича то, что он вел два дневника: один для Ермолова, другой, секретный, для царя, помещая в нем сообщения, противоположные тем, которые были в первом.

Что Пушкин хорошо знал истинное лицо Паскевича и характер его деятельности с первых же шагов его на посту главнокомандующего, об этом говорит письмо Пушкина к брату от 18 мая 1827 года: «Кончилась ли у вас война? видел ли ты Ермолова, и каково вам после его?» — спрашивает поэт (XIII, 330).

¹ В. Потто. Кавказская война, т. III, вып. 1, изд. 2-е, СПб., 1888, стр. 176.

А при Паскевиче для солдат и офицеров Кавказской армии наступили, действительно, плохие времена. Новый главнокомандующий начал свою деятельность с выражения страшного недовольства состоянием армии: ему не понравилось обмундирование и отсутствие фронтальной выправки у солдат, а также некий дух «вольнодумства». В своем письме царю Паскевич писал: «Слепое повиновение им не нравится, они к этому не привыкли».¹

В своем стремлении все делать по-своему Паскевич доходил до явного самодурства, причем самодурство в нем сочеталось с полным отсутствием полководческих данных. Так, когда персы приближались к Елизаветполю, то, как писал позже Д. Давыдов, Паскевич, увидев перед собой тяжелую массу надвигавшейся персидской конницы, решил отступить; только настоянния Мадатова и Вельяминова заставили его принять сражение, закончившееся блестящей победой русских войск.

Паскевич добился того, что герой побед над персами Мадатов вынужден был уступить свое место генералу Панкратьеву, о котором Д. Давыдов писал, что он давно просился в обер-полицмейстеры. Затем были устранены и другие талантливые военачальники, в том числе Д. Давыдов.

Верный своей двурушнической натуре, Паскевич в своих приказах благодарил Мадатова и Вельяминова и в то же время забрасывал их грязью в письмах к царю. Это делалось не только в отношении отдельных лиц, но и всей Кавказской армии. Так, в приказе он превозносил нижегородцев за то, что они отличились в Елизаветпольской битве, а в письме к Николаю I писал, что насилу сдвинул их с места, что они не стойки в бою и пр. Даже такой официозный историк, как В. Потто, и тот отмечает, что «вся история Елизаветпольской битвы показывает, сколько намеренной несправедливости и неблагодарности в донесениях Паскевича, уже самих по себе, впрочем, нелогичных и странных, вызывающих недоумение и вопрос: каким же образом столь нестойкие и неустроенные войска могли нанести такое полное поражение вдесятеро сильнейшему врагу?».²

Естественно, что и отношение войска и офицеров к Паскевичу было не только холодно сдержанным, но доходило и до ненависти к нему. Так уже с первых шагов деятельности нового главнокомандующего определилась вся дальнейшая линия его поведения: замалчивание и охаивание неугодных людей,

¹ «Русская старина», 1872, т. V, май, стр. 723.

² В. Потто. Кавказская война, т. III, вып. 2, изд. 2-е, СПб., 1888, стр. 185.

особенно тех, кто имел какое-либо касательство к тайным обществам, и неимоверное возвеличивание самого себя. Подозрительный, грубый, не брезгавший ничем, он добивался изгнания неугодных ему людей.

Анализ действий Паскевича во время русско-персидской и русско-турецкой войн показывает, что персидскую кампанию Паскевич провел по плану, составленному Ермоловым, что Паскевич чаще мешал своим подчиненным, чем помогал им и руководил ими как главнокомандующий. Не даром В. Потто, характеризуя Паскевича как военачальника, говорит, что он принадлежал к тем баловням судьбы, которым все дается без усилий, что вся его деятельность является сочетанием счастья со счастливыми случаями. Мы бы сказали, что этими так называемыми «счастливыми случаями» Паскевич был обязан тому, что под его начальством служил ряд весьма талантливых военачальников, что он командовал славной русской армией, пользовавшейся любовью и поддержкой местного населения.

Свое «Путешествие в Арзрум» Пушкин опубликовал как ответ французскому дипломатическому агенту на Востоке В. Фонтанье, написавшему книгу «Путешествие на Восток, предпринятое по повелению французского правительства», полную небылиц и злостных нападок на Россию и русскую армию.

Пушкин в «Путешествии в Арзрум» решительно отверг попытку «господина купеческого консула» принизить историческое значение успехов русского оружия в войнах на Востоке, а также и другие его клеветнические измышления. Но одного Пушкин не опровергал — военной бездарности Паскевича.

Как известно, предисловие к «Путешествию» имеет четыре варианта — три рукописных и первопечатный текст «Современника». В тексте «Современника» и цензурном предпечатном варианте Пушкин вынужден был изъять скрытую критику стратегического плана Паскевича в русско-турецкую войну. «Я не вмешиваюсь в военные суждения, — писал Пушкин, — это не мое дело. Может быть, смелый переход через Саган-Лу, движение, коим граф Паскевич отрезал Сераскира от Османа-паши; поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток; быстрый поход к Арзруму; углубление нашего пятнадцатитысячного войска в неприятельскую землю на расстоянии пятисот верст, оправданное полным успехом; все это, может быть, в глазах военных людей, чрезвычайно забавно».

Последняя фраза давала повод признать в чем-то правым В. Фонтанье. Поэтому Пушкин переработал ее, включив

в фразу иронический выпад против французского дипломатического шпиона: «... все это, увенчанное полным успехом, может быть, и чрезвычайно достойно посмеяния в глазах военных людей (каковы, например, г. купеческий консул Фонтанье, автор путешествия на Восток)...» (VIII, 1026, 444).

Однако не в оправдании действий Паскевича видит свою цель Пушкин. И в «Предисловии», и в дальнейшем изложении Пушкин в меру цензурных возможностей сам иронически изображает превозносимого царем и придворной кликой Паскевича, отвергая в то же время полностью клевету В. Фонтанье на русскую армию и на значение ее побед.

Первая глава «Путешествия» начинается с описания встречи с Ермоловым, ради чего Пушкин делает крик в «двести верст лишних». Ермолов в глазах общества принадлежал к числу лиц, оппозиционно настроенных; он был одним из ярких противников Паскевича и пользовался известной популярностью среди декабристов. Отметив исключительно любезный прием Ермолова, Пушкин в заключение говорит о том, что «о правительстве и политике не было ни слова».

О чем же шел разговор в течение тех двух часов, которые Пушкин провел у Ермолова?

«Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно, говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским. „Пускай нападает он“, говорил Ермолов, „на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например на пашу начальствовавшего в Шумле — и Паскевич пропал“. Я передал Ермолову слова гр. Толстова, что Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтоб отличаться от него. Ермолов засмеялся, но не согласился. „Можно было бы сберечь людей и издержки“, сказал он. Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки. Он недоволен историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа от ничтожества к славе и могуществу. О записках кн. Курбского говорил он *con amore*.¹ Немцам досталось. „Лет через 50“, сказал он, „подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительствованная такими-то немецкими генералами“».

¹ с увлечением (итал.).

То, что Ермолов считает победы Паскевича легкими и Пушкин приводит это вслед за тем, что он опровергал в «Предисловии», кажется на первый взгляд противоречивым. На самом деле и здесь продолжена та же линия иронического изображения «героя войны» Паскевича, который в своих донесениях царю всегда и всюду выставлял себя на первый план, приписывал все успехи себе, изображая самые кровопролитные сражения русской армии в виде легких прогулок.

Так, взятие Эриванской крепости было одним из славных дел русской армии и стоило ей многих жертв. Еще в 1804 году Цицианов (тогдашний правитель Кавказа и главнокомандующий армией) сделал первую попытку овладеть Эриванской крепостью, но, понеся потери в людях, вынужден был отступить перед превосходящими силами противника. Не принес удачи русской армии и второй поход к Эривани в 1808 году, совершенный Гудовичем, заменившим на посту главнокомандующего Цицианова. Только в военную кампанию 1826—1828 годов русской армии удалось после ожесточенных боев взять крепость. Семь дней продолжался штурм города, семь дней шли непрерывные атаки русской пехоты, связанные с большими потерями в людях. В период штурма Эриванской крепости Паскевич приказал «...командировать в траншеи <по которым персы вели адский огонь> на все время, беспрерывно, всех офицеров, посланных на службу в кавказский корпус для наказания, и всех разжалованных из офицеров...»,¹ а сводный гвардейский полк, сформированный из солдат лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков, участвовавших в восстании 14 декабря 1825 года, и особый отряд из нижегородцев назначил для штурма крепости. В ходе боевых действий на самые опасные участки посылались сосланные декабристы. Так, когда возникла необходимость взорвать контр-эскарп и завалив им ров, идти прямо на крепость, туда были брошены декабристы; когда потребовались точные сведения о глубине и ширине крепостного рва, туда был послан декабрист А. Ф. Багговут с двумя солдатами, из которых один был убит, а Багговут и другой солдат тяжело ранены. Действиями саперов руководил декабрист М. И. Пущин. Когда Паскевич, испугавшись огня персов, дал приказ бросить работу по подведению летучей сапы к крепости, Пущин отказался подчиниться и, уговорив Паскевича, довел до конца сапу, дав возможность штурмующим ворваться в город. Первыми в город проникли гвардейцы, грудью про-

¹ В. Пестто. Кавказская война, т. III, вып. 3, 1888, стр. 509.

кладывая дорогу остальным, причем Паскевич, как вспоминал позднее Пущин, узнал о взятии Эривани много спустя, когда бой был уже закончен и над крепостью развевалось победное русское знамя. Выполняя волю царя, Паскевич безжалостно посылал на прямую смерть сосланных декабристов, находившихся в Кавказском корпусе. Их кровью была куплена победа, присвоенная Паскевичем.

А в своем приказе по поводу взятия Эривани Паскевич представил дело так, что то, что не удавалось Цицианову или Гудовичу, ему, благодаря блестящему руководству войсками и стратегическому таланту, удалось осуществить чрезвычайно легко. Паскевич писал, что в четыре дня был взят Сардар-Абад, в шесть — Эривань, «... та знаменитая твердыня, которая слыла неприступным оплотом Азии. Целые месяцы ее прежде осаждали, и в народе шла молва, что годы нужны для ее покорения»,¹ а перед ним Эривань пала в неделю.

Это самовозвеличение Паскевича давало повод врагам России, вроде В. Фонтанье, принижать значение побед русской армии, героизма ее солдат и офицеров, понесенных ею жертв и в то же время выставляло Паскевича как великого полководца, побеждавшего врага одним мановением руки. Над этим бахвальством Паскевича и иронизировал Ермолов, обвиняя его в то же время в том, что его победы дорого обошлись России, с чем Пушкин был вполне согласен.² В предисловии к «Путешествию» Пушкин критиковал стратегический план турецкой кампании, выработанный самим Паскевичем; передавая же слова гр. Толстова, Пушкин подчеркивал, что в персидскую войну Паскевич действовал по уже готовому, выработанному Ермоловым и Мадатовым плану, по которому «умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтобы отличаться от него».

Приведенный выше разговор с Ермоловым свидетельствует, во-первых, о глубоком знании Пушкиным событий недавно закончившейся русско-персидской войны, об интересе его к русско-турецкой войне, ради чего он и сделал лишних двести верст и навестил Ермолова; во-вторых, о том, что, хотя Пушкин и оговаривается, что о правительстве и политике в беседе с Ермоловым не было ни слова, все содержание беседы, —

¹ В. Потто, ук. соч., стр. 517.

² Между прочим, поводом для шутки Ермолова, назвавшего Паскевича графом Ерихонским, могло послужить то, что после взятия Эривани Паскевич устроил молебствие и приказал всей осадной артиллерии дать залп в честь победы. От залпа часть Эриванской стены рухнула, увлекши за собой в ров многих жителей, наблюдавших за торжествами.

начиная с критики Паскевича, как полководца, и кончая разговором о засилии немцев в командовании армии, — было связано с животрепещущими вопросами жизни страны.

Позже, когда Погодин пытался узнать у Ермолова о предметах разговора с Пушкиным, Ермолов категорически отказался говорить на эту тему. В письме к Д. В. Давыдову Ермолов писал: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения».¹

Прибыв на место военных действий, Пушкин еще раз убедился в том, насколько прав был Ермолов в своей оценке Паскевича. И он сам дает вновь резкую критику плана Паскевича, развивая мысль, высказанную в «Предисловии»:

«19 июля пришед проститься с графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова, но это происшествие могло быть гибельно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприязненными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче».

Расходясь с Ю. Тыняновым в оценке «Путешествия» в целом, следует согласиться с его мнением относительно того, что изображение Паскевича в «Путешествии» дано в ироническом плане. Пушкин почти всюду заменил имя Паскевича словом «граф». Ирония Пушкина достигает особой остроты в изображении Паскевича во время боя. В реляции Паскевича сказано: «...еще несколько ядер с городских батарей пронесли мимо меня; депутаты сами просили меня, огнем наших орудий привести в покорность сих мятежников...» и т. д.² В «Путешествии»: «...ядра полетели к Топ-Дагу. Несколько их пронесли над головою графа Паскевича... Генералы подъехали к графу, прося позволения заставить молчать турецкие батареи». Пушкин отмечает: о поражении неприятеля в сражении 19 июня 1829 года Паскевич узнает от Раевского; день похода к Арзруму Паскевич назначает в именины Николая I, очевидно, руководствуясь не тем, чтобы выиграть войну, а тем, чтобы угодить царю, и т. д.

Ироническое изображение имеет у Пушкина острый социально-политический смысл. Однако анализ «Путешествия

¹ «Старина и новизна», кн. 22, 1917, стр. 38.

² «С.-Петербургские ведомости», 1829, 26 июля. Прибавление к № 89.

в Арзрум» показывает, что самое существенное — беспримерный героизм русской армии, сосланных декабристов, факты помощи народов Закавказья, в том числе и армян, русским воинам — Пушкин описывал с исключительным сочувствием и вниманием.

Не Паскевич, а ссыльные декабристы были фактическими организаторами побед русской армии в русско-персидской и русско-турецкой войнах. Надо восстановить историческую правду и со всей определенностью заявить, что не Николаю I и Паскевичу обязан армянский народ своим освобождением от кровавого персидско-турецкого ига, а героизму, доблести сосланных декабристов — офицеров и солдат — лучших сынов великого русского народа.

5

Даже такой официозный историк, как В. Потто, и тот вынужден был в своей многотомной «Кавказской войне» признать исключительные заслуги ссыльных декабристов или причастных к декабризму лиц — Н. Н. Раевского, И. Гр. Бурцова, В. Д. Вольховского, М. И. Пущина и многих других — в этих важных для России войнах. Остановимся вкратце на характеристике некоторых из них.

Арестованный за принадлежность к тайному обществу Н. Н. Раевский (младший) был сослан на Кавказ, но так отличился в войнах с Персией и Турцией, что в 26 лет получил чин генерала и боевые награды. Нижегородский драгунский полк, которым с ноября 1826 года командовал Н. Раевский, принял самое активное участие во всех боях за освобождение Армении от персидского ига. Так, при взятии крепости Аббас-Абад и в Джеванбулакском бою успешные действия командира нижегородцев Н. Н. Раевского обеспечили победу русской армии над армией наследного принца Персии Аббас-Мирзы.

Вот что рассказывает о Джеванбулакском сражении В. Потто:

«Предводимые двумя храбрейшими штаб-офицерами, полковником Раевским и князем Андрониковым, 3-й эскадрон, капитана Семичева,¹ и 4-й, штабс-капитана Эссена, понеслись

---

¹ Капитан Семичев Николай Николаевич — декабрист, после 6-месячного заключения был переведен на Кавказ в действующую армию. С отличием участвовал в персидской и турецкой кампаниях.

прямо туда, где развевалось знамя наследного персидского принца. У подножия высокого холма, занятого блестящею свитой, драгуны моментально спешились — и бросились вперед. Поручик Левкович, под которым была убита лошадь, изрубил байрактара и вырвал из рук его знамя, на котором красовалась надпись «победное». Все это произошло так быстро, что Аббас-Мирза сам очутился лицом к лицу с драгунами; он почти в упор выстрелил из ружья, и едва-едва успел ускакать; но ружье, еще дымившееся выстрелом, и оруженосец, возивший его за наследником, — остались в руках победителей».¹

В этом сражении нижегородцам пришлось выдержать главную атаку персидских войск. И здесь отличился брат Пушкина Лев Сергеевич, который в чине юнкера был ординарцем при Н. Н. Раевском, поспевавшем со своими нижегородцами всюду. В своем первом бою Лев Сергеевич показал безупречное хладнокровие и храбрость, заслужив на полях Джеванбулака свой первый офицерский чин.

Крупную роль сыграл Н. Н. Раевский также при взятии Эривани и осаде Карса, как и в штурме Акалкалаки, Хервиса, Арзрума. Можно смело заявить, что успешные действия в персидской и турецкой кампаниях во многом обусловлены действиями сперва командира полка, а затем и всей кавалерии корпуса Н. Н. Раевского.

И. Г. Бурцов — с 1817 года член Союза благоденствия. С Бурцовым Пушкин был знаком еще в лицейские годы. Бурцов был привлечен по делу 14 декабря. После заточения в Петропавловскую крепость был отрешен от должности командира полка и переведен в 1827 году на Кавказ. На Кавказе Бурцов участвовал в обеих военных кампаниях. Находясь всегда на самых опасных боевых участках, проявляя высокие боевые качества, Бурцов оказывал значительное влияние на успешный ход войны. Так, когда русские войска должны были штурмом взять крепость Ахалцих с 15-тысячным гарнизоном, о неприступности которой турки говорили: «Прежде надо снять месяц с неба, а потом уже луну с Ахалцихской мечети», И. Бурцов, встав на место убитого в бою командира Ширванского полка, повел войска на штурм и после тяжелого, кровопролитного боя занял крепость. Только после того, как над цитаделью взвился русский флаг, в крепость въехал Паскевич со своей свитой.

Бурцову принадлежит честь первых побед в турецкой войне — взятие Дигура и Чаборио. А в походе на Арзрум

¹ В. Потто. Кавказская война, т. III, вып. 3, 1888, стр. 356.

искусный маневр Бурцова и вынесенная им вся тяжесть боя 19 июня (свидетелем которых был Пушкин) дали возможность русской армии занять Арзрум. Декабристу Бурцову, героически погибшему в Арзрумском походе, был воздвигнут памятник в Гори, вещь неслыханная в пору николаевской реакции.

Во время боев в Карабахе зимой 1826 года и весной 1827 года одним из наиболее популярных военачальников был подполковник А. М. Миклашевский, ранее арестованный по делу 14 декабря. После 6-месячного содержания в крепости он был переведен в 42 Егерский полк на Кавказ, с этим полком участвовал в походах Ермолова, Мадатова, Паскевича, отличился при штурме Карса и был произведен в полковники. Об одном из сражений, в котором участвовали Миклашевский и другие декабристы, с особым уважением говорит Мадатов: 19 апреля 1827 года Миклашевский с ротой егерей штурмовал переправу на Араксе; 7 человек из разжалованных в рядовые декабристов — Окулов, Веденяпин 2-й, Зубов, Рудницкий, Ляшковский, Титов, Фитиолин — стали впереди охотников и грудью проложили дорогу войскам.

Член Союза благоденствия с 1818 года, В. Д. Вольховский, лицейский товарищ Пушкина, не раз воспетый им в знаменитых лицейских строфах, в 1826 году был переведен на Кавказ. Он выполнял важнейшие дипломатические поручения в войне с Персией; во время турецкой кампании занимал должность корпусного обер-квартирмейстера, пользовался в армии значительным влиянием благодаря своим большим заслугам.

А. П. Веденяпин 2-й — декабрист, осужденный по IX разряду, лишенный чинов с отдачей в солдаты. В январе 1827 года прибыл на Кавказ и за отличия в сражениях против персов и турок произведен был в унтер-офицеры.

Н. В. Всеволожский — друг молодости Пушкина, основатель общества «Зеленая лампа», один из активных деятелей по развитию промышленности, сельского хозяйства и культуры во вновь присоединенных к России областях Закавказья.

Можно назвать имена многих других сосланных декабристов, привести примеры боевых действий, говорящие об их исключительной роли в войнах по присоединению Закавказья, и в частности Армении, к России, в подъеме разоренной веками персидской и турецкой тирании страны. Однако ограничимся одним примером.

Разжалованный в рядовые брат близкого друга Пушкина, декабриста И. И. Пущина, декабрист Михаил Иванович Пущин участвовал в осаде Аббас-Абада, Сардар-Абада и Эри-

вани, был одним из самых деятельных участников обеих кампаний. Героизм его был так очевиден, что даже Паскевич вынужден был отметить, что «русские многим обязаны тогда были энергии Пущина, который сумел поставить свое имя в ряду самых выдающихся деятелей персидской и последовавшей за нею турецкой войны».

Десятки раз останавливается на действиях рядового М. И. Пущина генерал-лейтенант В. Потто в своей «Кавказской войне», отмечая каждый раз его исключительные заслуги. Он пишет, что благодаря Пущину был решен вопрос об осаде Эривани, что Пущин составил и осуществил план осады города; что трое рядовых — декабристы Пущин, Коновницын и Дорохов — своими действиями обеспечили взятие Сардар-Абада.

Потто приводит и другой интересный факт: при штурме Аббас-Абада между рядовым Пущиным и инженер-полковником Литовым возникли серьезные разногласия по вопросу осадных работ. «Батареи, предложенные Пущиным, громили бы крепость свободно, а орудия, поставленные Литовым, не могли действовать, потому что стали бы стрелять по своим батареям, расположенным на левом фланге осады. Тогда... Паскевич... сказал Литову: „Я мог бы тебя сделать солдатом, но не хочу, а его <Пущина> я хотел бы произвести в полковники, но не могу. А вот что я могу: от сего числа не ты у меня начальник инженеров, а он, и все распоряжения его должны исполняться беспрекословно«».¹

Но это были лишь слова. Отношение Паскевича к Пущину было насквозь лицемерным: герой русско-персидской войны был только произведен в унтер-офицеры.

Наконец, при осаде Карса в турецкую войну Пущин, разведывая местность под выстрелами врага, под угрозой захвата его рыскавшими кругом турецкими разъездами, образцово выполнил свое задание. Муравьев (Карский), бывший свидетелем этого подвига, представил Пущина к ордену Георгия 4-й степени. Но Пущину, как выслужившемуся декабристу, это отличие удалось получить только почти 30 лет спустя после описанного события.

Безусловно, о делах разжалованных декабристов, об их роли в войне Пушкин знал, еще находясь в Петербурге, из писем брата, Раевского, друзей, из рассказов лиц, побывавших на фронте, а на театре военных действий Пушкин вочию увидел, кому была обязана Россия славой побед в эту войну.

¹ В. Потто. Кавказская война, т. III, вып. 3, 1888, стр. 347.

Восстанавливая истину, Пушкин вновь выразил свою преданность освободительным идеям. «Путешествие в Арзрум» имеет важное значение для изучения идейной биографии Пушкина.

Повествование о военных событиях в «Путешествии в Арзрум» начинается с третьей главы. Пушкин прибыл в русский лагерь 13 июня, в день, когда войска получили приказ выступить к Арзруму: «Обедая у Раевского, слушал я молодых генералов, рассуждавших о движении им предписанном. Генерал Бурцов отряжен был влево по большой Арзрумской дороге прямо противу турецкого лагеря, между тем как все прочее войско должно было идти правою стороною в обход неприятелю». В ночь того же дня Пушкин в штабе Паскевича встретился со своими друзьями — сосланными декабристами. «Здесь увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел однако время побеседовать со мною как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненого в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменились! как быстро уходит время!».

Войско в походе. Совершен, как писал Пушкин в своем предисловии, «смелый переход через Саган-Лу», коим сераскир был отрезан от Осман-паши. Этот смелый переход, пишет Пушкин, был совершен благодаря удачным действиям Бурцова.

Началась перестрелка. Пушкин с декабристом Семичевым, активным участником обеих войн, о котором мы уже говорили, поехали «посмотреть новую для *«него»* картину». В «Путешествии» ничего не говорится об участии Пушкина в перестрелке 14 июня, однако, известно, что Пушкин не остался только в роли зрителя, но сам вмешался в казачью цепь и, схватив пику раненого казака, устремился на турок. Семичев, которому Раевский поручил следить за Пушкиным, зная горячий темперамент поэта, с трудом вывел его из рукопашной схватки. Немало дивились войска, увидев перед собой незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке поверх статского сюртука.

О личном участии Пушкина в военных действиях имеются свидетельства в официальной «Истории военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» генерала Ушакова¹ и в «Записках» М. Пущина. Имеется и собственноручный

¹ Н. Ушаков. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах, ч. II, СПб., 1836, стр. 305—306

рисунок Пушкина в альбоме Е. Н. Ушаковой, где Пушкин изобразил себя на коне, с пикой, в круглой шляпе и бурке.

Описывая эту перестрелку, Пушкин разоблачает лживую информацию Паскевича о «легких победах». «Мы встретили раненого казака: он сидел, шатаясь на седле, бледен и окровавлен. Два казака поддерживали его. „Много ли турков?“ — спросил Семичев. — „Свиньем валит, ваше благородие“, отвечал один из них. Проехав ущелие, вдруг увидели мы на склоне противоположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большею дерзостью, прицеливались шагах в 20, и выстрелив, скакали назад. Их высокие чалмы, красивые долиمانы и блестящий убор коней, составляли резкую противоположность с синими мундирами и простою сбруей казаков. Человек 15 наших было уже ранено. Подполковник Басов послал за подмогой. В это время сам он был ранен в ногу. Казаки было смешались. Но Басов опять сел на лошадь и остался при своей команде. Подкрепление подоспело. Турки, заметив его, тотчас исчезли, оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсеченные головы отсылают в Константинополь, а кисти рук, обмакнув в крови, отпечатлевают на своих знаменах. Выстрелы утихли. Орлы, спутники войск, поднялись над горою, с высоты высматривая себе добычу».

Возвратившись в лагерь, Пушкин увидел раненых русских солдат, из которых пять человек умерло в ту же ночь и на другой день. 19 июня произошла атака корпуса сераскира — один из решающих боев во всей турецкой кампании. В сражении была разбита тридцатитысячная армия турок. Кто же были главными героями этого сражения в описании Пушкина? «Турки обходили наше войско, отделенное от них глубоким оврагом. Граф послал Пущина осмотреть овраг. Пушин покал. Турки приняли его за наездника и дали по нем залп». Левым флангом, где «происходило жаркое дело», командовал Бурцов. В центре стоял Раевский. «Перед нами (противу центра) скакала турецкая конница. Граф послал против нее генерала Раевского, который повел в атаку свой Нижегородский полк. Турки исчезли. Татары наши окружали их раненых и проворно раздевали, оставляя нагих посреди поля. Генерал Раевский остановился на краю оврага. Два эскадрона, отделясь от полка, занеслись в своем преследовании; они были выручены полковником Симоничем».

Около 6 часов Паскевич дал приказ вновь атаковать турок. Конница, которой командовал Раевский, была впереди. Пуш-

кин пишет: «Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда «сводный» уланский полк переехал бы через меня». Но даже одно упоминание о сводном уланском полке, составленном из частей, принимавших участие в декабрьском восстании, по цензурным соображениям, и в белой рукописи «Путешествия» и в напечатанном тексте «Современника» было заменено тремя звездочками.

20 июня — сражение с Гаки-пашею. «Я поехал было за Нижегородским полком, но лошадь моя хромала. Я отстал. Мимо меня пронесся Уланский полк. Потом Вольховский проскакал с тремя пушками. Я очутился один в лесистых горах. Мне попался на встречу драгун, который объявил, что лес наполнен неприятелем. Я воротился. Я встретил генерала Муравьева с пехотным полком. Он отрядил одну роту в лес, дабы его очистить». Опять-таки герои этого сражения — сводный уланский полк, Нижегородский полк, Вольховский, Раевский, Муравьев (Карский).

Пушкин пробыл в действующей армии месяц с лишним, проводя большую часть времени с Н. Раевским, живя у него в палатке. Здесь чаще всего происходили встречи поэта с сосланными друзьями-декабристами, его беседы с ними, о чем он сам несколько раз упоминает в «Путешествии».

У нас нет сведений, о чем говорил Пушкин с друзьями в палатке Раевского, но известно, что вслед за отъездом Пушкина, в конце 1829 года Раевский был подвергнут аресту за «предосудительные сношения» с сосланными декабристами, против него было возбуждено дело, завершившееся его отзывом из Кавказского корпуса. Очевидно, в результате этих бесед Пушкин был полностью осведомлен о событиях войны; это позволило ему правдиво рассказать о военных подвигах сосланных декабристов, об их огромной роли в одержанных русской армией победах.

Таким образом, в «Путешествии в Арзрум» великий поэт в нарочито спокойном, эпическом тоне, где намеками, а где и прямо, рассказал о том, что упорно замалчивалось официальной печатью: о героизме декабристов, выполнивших в Армении великую историческую миссию русского народа — освобождение армян от персидского и турецкого ига.

6

В своем «Путешествии» Пушкин увидел и других героев войны — местных жителей: армян, грузин, азербайджанцев, принимавших самое активное участие в боевых операциях.

оказывавших самую действенную помощь русской армии, с радостью и ликованием встречавших русских солдат.

В действующей русской армии были талантливые военачальники из армян, грузин и азербайджанцев. К числу их принадлежал великий грузинский поэт, генерал-майор Александр Гарсеванович Чавчавадзе — первый начальник вновь присоединенной к России Армянской области.

О нем Пушкин знал не только потому, что на дочери А. Чавчавадзе — Нине был женат А. С. Грибоедов («Приехал в Грузию, — пишет Пушкин в «Путешествии в Арзрум» о Грибоедове, — женился он на той, которую любил»), а и потому, что тот был одним из героев войны. Имя его упоминается Пушкиным среди выдающихся генералов отдельного Кавказского корпуса. А. Чавчавадзе принял деятельное участие во всей персидской кампании. В русско-турецкую войну небольшими силами он завоевал Баязетский пашалык, присоединив к России один из богатейших районов Восточной Армении. Имеются известия о том, что Пушкин познакомился лично с А. Чавчавадзе и другим выдающимся грузинским поэтом Григорием Орбелиани в бытность свою в Тифлисе, когда в честь Пушкина местной интеллигенцией был устроен праздник.

В штабе Паскевича Пушкин познакомился с крупным азербайджанским писателем, деятельным участником войны Абас Кули-Ага Бакихановым.

В обеих военных кампаниях приняли участие отряды из местных жителей, сражавшихся против персидских и турецких захватчиков. Так, из добровольцев-армян были составлены во время персидской войны три добровольческих отряда, причем численность первого отряда доходила до тысячи человек. Их роль была тем значительнее, что русская армия на Кавказе испытывала все время недостаток в людях.

Имеется много фактов, говорящих о том, что добровольческие отряды своим участием в военных действиях оказали существенную помощь русской армии. Их были десятки и сотни, о них писали тогда в петербургских, московских и тифлиссских газетах, им отводили десятки страниц в книгах по истории Кавказской войны. Многие из местных жителей — армян, грузин, азербайджанцев — были награждены орденами и медалями за героические подвиги. Их имена и описание их подвигов становились достоянием широких кругов русских читателей (о каждом награжденном сообщалось в «Русском инвалиде»). Так, при приближении русских войск к Эчмиадзину распространился слух об отступлении персов и для про-

верки этого был послан армянин Оганес Асланянц, который по дороге попал в руки персов. Несмотря на пытки (юноше отрезали нос и язык, выкололи глаза), он ничего не выдал врагам. Персы бросили окровавленного, полуживого юношу в поле. Оганес Асланянц ползком добрался до Эчмиадзина и выполнил задание. Он был награжден золотой медалью. При взятии каждого города, каждой крепости население, рискуя жизнью, содействовало русским. Это было и при взятии Эривани и при штурме Карса и Арзрума.

В «Путешествие в Арзрум» нашло свое отражение и дружественное отношение закавказских народов к России, видевших в русском народе своих избавителей от ужасов персидского и турецкого гнета, а также храбрость, смелость местных жителей, оказывавших русской армии всяческую помощь, наконец, Пушкин отметил участие в войне национальных отрядов.

Въехав в пределы Армении, Пушкин увидел, что «дорога всё была одна и совершенно безопасна»; он указывает на дружеское отношение армян к русским. Все тут было иначе, нежели на Военно-грузинской дороге, где из-за враждебности чеченцев и ингушей путников на каждом шагу подстерегала опасность.

В армянской деревне его угостили сыром и молоком, а в Карсе Пушкин был гостеприимно принят армянской семьей. «В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха... Она подошла ко мне и поцаловала мне руку. Сын велел ей разложить огонь и приготовить мне ужин. Я разделся и сел перед огнем. Вошел меньший брат хозяина, мальчик лет семнадцати. Оба брата бывали в Тифлисе и живали в нем по несколько месяцев. Они сказали мне, что войска наши выступили накануне, и что лагерь наш находится в 25 верстах от Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне верхом поваренного искусства. Мы все легли спать в одной комнате; я разлегся противу угасающего камина, и заснул в приятной надежде увидеть на другой день лагерь графа Паскевича». Наутро вместе с армянским юношей Пушкин отправился осматривать город. «Осматривая укрепления и цитадель, выстроенный на неприступной скале, я не понимал каким образом мы могли овладеть Карсом. Мой армянин толковал мне как умел военные действия, коим сам он был свидетелем».

Известно, что при штурме Карса большую помощь русской армии оказали армяне — жители города. Повсюду при штурме

Карса, как пишет В. Потто, «повторялись одни и те же сцены.. Армяне помогали русским солдатам взбираться на стены».¹ Об этом свидетельствует и генерал Н. Ушаков: «Карсские армяне, принужденные часто противоборствовать насилию и алчности турок, сохранили еще вполне браннолюбивые свойства и мужество прочих обитателей Азии. Благоприятствуя России по сближению вер, они с полным восторгом встретили воинов наших и, признательные потом к ласкам и доброму с ними обращению, составили из среды себя по назначению графа Эриванского, конную и пешую милицию, простиравшуюся до нескольких сотен и служившую обыкновенно для содержания пограничных в пашалыке караулов».²

Также дружелюбно армяне встречали русские войска при взятии Арзрума, чему свидетелем был сам Пушкин: «... мы въехали в город, представлявший удивительную картину. Турки с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас. Армяне шумно толпились в тесных улицах. Их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крестясь и повторяя: Христиан! Христиан!.. Мы подъехали к крепости, куда входила наша артиллерия; с крайним изумлением встретил я тут моего Артемия, уже разъезжающего по городу, не смотря на строгое предписание никому из лагеря не отлучаться без особенного позволения».

Пушкин отмечает воинственность армян, рисует замечательный образ юноши-армянина Артемия. «Заметя в нем охоту к войне, я предложил ему ехать со мною в армию. Он тотчас согласился.. Через пол-часа выехал я из Карса и Артемий (так назывался мой армянин) уже скакал подле меня на турецком жеребце, с гибким куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом, и бредя о турках и о сражениях».

В лагере русских войск Пушкин увидел и национальные воинские части. «Общество наше было разнообразно. В палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков; и беседа шла через переводчика. В войске нашем находились и народы закавказских наших областей и жители земель недавно завоеванных».

Отряды из жителей местных национальностей, как мы уже отмечали, принимали участие как в русско-персидской, так и в русско-турецкой войне. Они оказали большую помощь рус-

---

¹ В. Потто. Кавказская война, т. IV, вып. 1, Тифлис, 1887, стр. 63—64.

² «Н. Ушаков». История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах, ч. I, Варшава, 1843, стр. 76—77.

ской армии. Так, Н. Ушаков сообщает, что армяне Карса выставили до 1500 человек вооруженной пехоты и конницы, что «разъездом карсских армян был открыт первоначальный отряд Осман-паши 16 числа»,¹ это дало русским войскам возможность разгромить турок.

И. Ениколофьян утверждает, что во время пребывания Пушкина в действующей армии в боях принимала участие армянская часть — Нахичеванский сарбазский батальон.²

В «Путешествии» Пушкин отмечает турецкие зверства. И, наконец, он подчеркивает тот порядок, то отношение русских солдат к местному населению, которые составляют особенность русского народа: в Арзруме, занятом 10000 войска, «ни один из жителей ни разу не пожаловался на насилие солдата».

Великий гений русского народа дал достойную отповедь французскому дипломатическому шпиону, выступившему с клеветой на русскую армию, призывавшему Персию и Турцию восстановить их кровавое иго над народами Закавказья.

Это была не первая попытка французских и английских колонизаторов, подчинив своему влиянию Персию и Турцию, поддерживать их тиранию в Грузии, Армении и Азербайджане и, обманывая народы Закавказья лицемерными обещаниями о помощи, всячески препятствовать России в освобождении поработенных народов Закавказья. Ответ Пушкина был направлен не только по адресу «господина купеческого консула», но и против клеветы, возводимой на Россию и русскую армию со стороны «невежественной и неблагодарной» Европы. Вместе с тем «Путешествие в Арзрум», вдохновленное страстной любовью поэта к Родине, разоблачает клеветников из среды правящего класса — господ «продажных журналистов» типа Булгарина, которые в своих описаниях войны в «сладких песнях» восхваляли Николая I и Паскевича, замалчивая роль героических сынов русского народа — декабристов и закавказских народов — армян, грузин, азербайджанцев в великом деле освобождения Закавказья от векового персидско-турецкого гнета.

¹ То же, ч. II, 1836, стр. 92.

² И. Ениколофьян. Пушкин в Армении. «Граканютюн ев арвест», 1949, № 6.

К. КОРСАКАС

ВЛИЯНИЕ ПУШКИНА НА ЛИТОВСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

1

Из всех великих русских писателей наиболее глубокое и действенное влияние на литовскую литературу, особенно на ее поэзию, несомненно, оказал и оказывает Александр Сергеевич Пушкин. Это пушкинское влияние на литовскую литературу обнаруживается не только в отдельных конкретных воздействиях, чаще всего оно проявляется в виде той общей пушкинской традиции, которая животворно пронизывает всю русскую литературу. В самом деле, трудно найти хотя бы одного крупного представителя новейшей литовской поэзии, который не испытал бы на себе более или менее сильного влияния пушкинского гения или не учился бы у него поэтическому мастерству. Все ведущие литовские писатели старшего поколения уже со школьной скамьи знакомились с великой сокровищницей пушкинской поэзии, и творчество Пушкина на всю жизнь оставалось для них самым высоким примером мастерства, образцом поэтической культуры.

Вследствие исторических условий, неблагоприятно сложившихся для развития литовской литературы, непосредственное и сильное воздействие Пушкина на литовскую поэзию проявилось только в последних десятилетиях XIX века. Однако имя Пушкина было известным и дорогим интеллигенции и писателям Литвы значительно раньше, еще в первой половине XIX века. Об этом ярко свидетельствуют сочинения одного из первых деятелей литовского национально-освободительного движения Людвика Юцевичюса (1813—1846), хотя и писавшего в основном еще на польском языке. В его сборнике литературных произведений «Pisma», изданном в 1834 году в Вильнюсе, мы уже находим перевод в прозе пушкинской «Полтавы».

Произносить с любовью имя Пушкина литовскую общественность побуждала и его дружба с Адамом Мицкевичем, которого сам Пушкин назвал «певцом Литвы» и поэтические произведения которого, написанные на литовские сюжеты и темы, Пушкин переводил на русский язык. Как известно, творчество Адама Мицкевича было прочно связано со всей литовской поэзией XIX века. Поэтому его симпатии к Пушкину, выразившиеся и в поэзии, и в пушкинском некрологе, подписанном им «Друг Пушкина», также способствовали популярности пушкинских произведений в Литве. Следует отметить, что знаменитая баллада Мицкевича «Три Будрысы», мастерски переведенная Пушкиным в 1833 году, была переведена Л. Юцевичюсом в 1837 году и на литовский язык.

Таким образом, уже в первой половине XIX века имя Пушкина и отдельные его произведения были известны общественности Литвы.

Литовская интеллигенция того времени, без сомнения, имела возможность познакомиться с творчеством Пушкина еще в школе, и притом в оригинале.

Принятый царским правительством в 1864 году указ о запрещении литовской печати значительно помешал и на многие годы задержал перевод произведений Пушкина на литовский язык. Однако как только вышедшая из народа литовская интеллигенция, включившись в национально-освободительное движение, стала проявлять заботу о повышении культуры народных масс Литвы, она сразу же обратилась к пушкинскому творчеству, как к одной из величайших культурных ценностей, стремясь приобщить к ней и литовский народ. В предназначенном для народа литовском календаре «Аушра» на 1885 год мы уже находим перевод пушкинского «Утопленника» — это первый перевод из пушкинской поэзии на литовский язык, сделанный известным переводчиком того времени и видным деятелем национально-освободительного движения П. Арминас-Трупинелисом (1853—1885).

Под влиянием растущего литовского национально-освободительного движения во второй половине XIX века происходит и существенный поворот в развитии литовской поэзии. Передовые литовские поэты этого периода осознают свое высокое назначение служения народу и ставят себе целью указывать ему путь в будущее, клеймить зло и насилие, пробуждать в народе патриотические чувства. Они начинают обращаться к литовскому фольклору, как к источнику поэтических образов. Вместе с тем коренным образом меняется и литовское

стихосложение. Если такие виднейшие литовские поэты первой половины XIX века, как Пошка, Станявичюс, Баранаускас, в своем творчестве употребляли мало соответствующее литовскому языку силлабическое стихосложение, то во второй половине столетия крупнейший поэт национально-освободительного движения Майронис (1862—1932) решительно отказывается от этой традиции и в своем творчестве начинает успешно развивать тоническое стихосложение.

В этом столь значительном для истории литовской литературы процессе пушкинская поэзия, как и вся новая русская поэзия, без сомнения, сыграла решающую роль. Майронис, который 15 лет прожил в Петербурге, был большим поклонником пушкинской поэзии. В своей «Истории мировой литературы», изданной в 1926 году, Майронис сравнивает значение Пушкина для русской литературы со значением Горация в римской литературе. В поэзии самого Майрониса имеется много элементов, заимствованных из русской классической поэзии, и в первую очередь из пушкинского наследия. Гармоническое сочетание содержания и формы лучших лирических произведений Майрониса, их выразительность и простота, их высокая идейная целеустремленность, их народность и музыкальность, — все это черты, которые указывают на близость поэзии Майрониса к традициям пушкинской поэтической школы. Особенно близкими к творчеству Пушкина являются те стихотворения Майрониса, где он воспевает природу (например, в поэме «Яунои Летува» — «Молодая Литва»). В некоторых картинах Петербурга в поэме «Молодая Литва» заметно влияние пушкинского «Медного всадника».

Исследование влияния Пушкина на творчество Майрониса начато только недавно. Само собой понятно, что вследствие ограниченности своего буржуазного мировоззрения, а также по характеру своего таланта Майронис не мог овладеть всей идейной глубиной поэзии Пушкина и подняться на уровень его мастерства. Поэтому было бы неправильно представлять себе Майрониса как прямого последователя Пушкина. Однако нет сомнения, что творчество Пушкина было той великой школой поэтического искусства, которая во многом способствовала развитию таланта Майрониса, помогла ему стать одним из классиков литовской литературы.

Вторым талантливым поэтом периода литовского национально-освободительного движения, испытывавшим на себе влияние Пушкина, был П. Вайчайтис (1876—1901), заслуживший известность как первый переводчик на литовский язык пушкинских драматических произведений — «Скупого рыцаря»

и «Русалки». Оба эти перевода, уже после ранней смерти переводчика, были изданы в 1904 году Академией Наук в Петербурге. Они вошли в сборник «Пушкин в литовском переводе». Кроме переводов Вайчайтиса, здесь же были помещены несколько строф из «Евгения Онегина», впервые талантливо переведенные на литовский язык поэтом С. Дагилисом.

Перевод пушкинских произведений для П. Вайчайтиса, в то время только еще формирующегося поэта, был настоящей поэтической школой. Несомненно, П. Вайчайтис был хорошо знаком и со всем творчеством Пушкина и многому учился у него. В стихах П. Вайчайтиса часто встречается пятистопный ямб, звучащий с характерной пушкинской интонацией. Наряду с Майронисом, П. Вайчайтис способствовал своим творчеством утверждению тонического стихосложения в литовской поэзии.

Поэзия Пушкина, воспевающая свободу и призывающая к борьбе против тирании, укрепляла патриотические мотивы в поэзии Вайчайтиса. Можно определенно сказать, что его сатиры, направленные против царских чиновников и жандармов в Литве того времени, безусловно связаны с пушкинскими эпиграммами, бичующими царских сановников. Воздействие Пушкина особенно заметно в исторических поэмах П. Вайчайтиса.

Необходимо отметить, что П. Вайчайтис в своих исторических поэмах, особенно в поэме о князе Ольгерде, не сумел освободиться от националистической ограниченности и не смог подняться до такого острого и глубокого понимания исторических событий, какое мы видим, например, в пушкинской «Полтаве».

Более или менее явные следы пушкинского влияния можно было бы найти также и в творчестве других литовских поэтов периода национально-освободительного движения, как, например, у Мачис-Кекштаса, Дагилелиса, Маргалиса и других.

2

Творчество Пушкина, сыгравшее значительную роль в развитии литовской литературы в период национально-освободительного движения, не перестало быть образцом для целого ряда литовских поэтов и в XX веке.

Об этом, в первую очередь, свидетельствует тот факт, что многие из тех литовских поэтов, которые пришли в литературу как раз в начале XX века, с большим жаром брались за пере-

воды лирических произведений Пушкина на литовский язык. Среди этих поэтов мы видим Людаса Ги́ра, М. Густайтиса, Э. Степонайтиса и других. Стремясь передать литовским читателям шедевры пушкинской поэзии, эти поэты обогащали литовскую литературу, воспитывали художественный вкус у литовских читателей, сами учились поэтическому мастерству. Следы плодотворной учебы у Пушкина отчетливо видны в некоторых стихотворениях рано умерших талантливых поэтов того периода Э. Степонайтиса (1892—1908) и З. Гелэ (1894—1912). В этом отношении любопытно было бы сопоставить стихотворение З. Гелэ «Друзьям» со стихотворением Пушкина «Чаадаеву».

Нельзя, однако, представлять дело таким образом, что все литераторы Литвы стремились понять Пушкина и творчески освоить его традиции и заветы. В литовской литературе вокруг имени Пушкина происходила борьба. Некоторые литовские поэты конца XIX — начала XX века, находясь под влиянием западного декадентства, считали Пушкина представителем «чистого искусства». Такой взгляд на Пушкина ярко выражен М. Густайтисом в его статьях о зависимости «Крымских сонетов» А. Мицкевича от поэзии Пушкина. В противоположность эстетам и декадентам литовские передовые писатели видели в Пушкине проповедника высоких общественных идеалов. Так, например, прогрессивные идеи пушкинской поэзии послужили источником вдохновения для ранних стихотворений И. Билюнаса (1879—1907), которыми он начал свой литературный путь, внося в литовскую поэзию того периода новые революционные мотивы и лозунги.

У великого Пушкина учился и первый литовский пролетарский писатель Ю. Янонис (1896—1917). Перевод стихотворения «Узник», сделанный Ю. Янонисом, несомненно, соответствовал тому настроению, которое переживала общественность Литвы во время царской реакции, когда тюрьмы были переполнены борцами побежденной революции 1905 года и когда тема об узнике была особенно актуальной в литовской прогрессивной литературе. Янонис перевел также пушкинского «Поэта». Этот перевод — наглядное свидетельство того, что в пушкинской поэзии он искал примера высокого призвания поэта, что у Пушкина он учился высоко ценить значение поэтического творчества. Позднее всей своей самоотверженной жизнью, всей своей революционной поэзией Ю. Янонис доказал, что он действительно сумел поднять поэзию на новую высоту, посвятив ее вдохновенному призыву масс к социалистической революции.

Характерными чертами поэзии Янониса являются ее глубокая народность и идейность, она отличается исключительной гармоничностью содержания и формы. В поэзии Ю. Янониса мы также находим большое разнообразие строфики, ритмики и других поэтических элементов, показывающих высокое мастерство Ю. Янониса как поэта. Всем этим в значительной мере он обязан Пушкину. Так, например, лирикой Пушкина навеяны некоторые стихотворения Ю. Янониса из цикла «Дни детства» (например, «В зимний вечер», «Зимой» и другие). Отдельные строфы поэмы Ю. Янониса «Среди бушующего моря» уже непосредственно соприкасаются со стихотворением Пушкина «Наполеон». Эту поэму Ю. Янониса можно считать одним из наиболее ярких примеров пушкинского направления в литовской поэзии.

3

В буржуазной Литве отношение к творчеству Пушкина было двойственным.

Литовская буржуазия, проводя свою классовую политику, старалась всеми способами отвлечь внимание общественности Литвы от русской культуры и литературы, стремилась преградить путь произведениям великих русских писателей, в том числе и Пушкина, в широкие массы литовского народа. Поэтому в первые годы буржуазного строя почти не появилось значительных переводов произведений Пушкина на литовский язык. Если же в буржуазной печати того времени изредка и упоминалось имя Пушкина, то при этом его характеризовали как вполне аполитичного писателя, представителя «искусства для искусства», творчество которого утратило актуальное значение.

Однако литовской буржуазии и ее прислужникам не удалось таким путем заглушить интерес литовской общественности к русской литературе и к великому русскому поэту Пушкину.

Если литовская буржуазия ориентировалась на капиталистический Запад, интересовалась и подражала западной декадентской культуре и литературе, в изобилии импортируя ее в Литву, то прогрессивные слои литовского народа, литовские прогрессивные писатели всегда смотрели на русскую литературу как на высшую культурную ценность и, наряду с творчеством других русских писателей, не переставали восхищаться идейным богатством пушкинского творчества, в котором они видели величайшее достижение реализма.

Таким образом, несмотря на «антирусскую» политику реакционной литовской буржуазии, творчество Пушкина и в буржуазной Литве не переставало прокладывать себе все более и более широкий путь в литовские народные массы.

Этой все растущей популярности Пушкина и увеличению числа переводов его произведений на литовский язык особенно способствовал тот факт, что литературное наследство Пушкина в Советском Союзе нашло себе достойную оценку, что в условиях советского строя произведения Пушкина стали достоянием миллионных народных масс. Факт этот не могла скрыть даже литовская буржуазная печать. Из года в год растущая популярность Пушкина среди народов Советского Союза вызвала еще большую любовь к его творчеству и стимулировала литовских поэтов увеличить количество переводов из Пушкина на литовский язык.

Среди переводчиков произведений Пушкина этого периода, в первую очередь, выделяется талантливый поэт К. Бинкис, который, пережив после первой мировой войны сильное увлечение ранним Маяковским, около 1928—1930 годов становится продолжателем классических традиций, традиций Пушкина в частности. Особенно сильно сказывается влияние «Евгения Онегина» в поэмах К. Бинкиса «Тамошюс Бекепурис», «Крылатый Магас», «Молодая Литва». В этих произведениях поэт сатирически отображает многие стороны литовского буржуазного быта и кулацкой деревни. Названные поэмы К. Бинкиса, конечно, не могут быть сопоставлены с гениальным романом Пушкина ни в идейно-тематическом отношении, ни по своему литературному значению; однако некоторые черты их содержания и особенно поэтики со всей несомненностью свидетельствуют о зависимости этих поэм от «Евгения Онегина», порой о прямом подражании Пушкину.

В 1934 году талантливый литовский поэт Т. Тильвитис издал сатирическую, разоблачающую буржуазное общество поэму «Дичюс», в которой также сказалось бесспорное влияние «Евгения Онегина». Поэма Т. Тильвитиса написана «онегинской» строфой, только вместо пушкинского четырехстопного ямба Т. Тильвитис употребил четырехстопный хорей. Это придало форме поэмы Т. Тильвитиса известную оригинальность, хотя сам автор откровенно признается в своей поэме, что и в этом отношении он шел по следам классиков. Классиком, у которого учился Т. Тильвитис, был Пушкин, так как еще в 1931 году Т. Тильвитис пробовал перевести «Евгения Онегина», а позднее им были переведены некоторые сказки Пушкина.

О влиянии «Евгения Онегина» на поэму Т. Тильвитиса «Дичюс» свидетельствует не только «онегинская» строфа и частые лирические отступления автора от сюжетной линии поэмы, постоянные обращения к читателям, но и его едкая сатира и афористические сентенции и, наконец, самый тон повествования, в котором написан «Дичюс», — то лирический, то шуточный, — впервые в русской литературе с такой гениальной оригинальностью употребленный Пушкиным. Все это делает поэму Т. Тильвитиса «Дичюс» произведением, несомненно, пушкинского направления в литовской поэзии.

Т. Тильвитис в своей поэме подражал не только формальным особенностям «Евгения Онегина». Главный герой поэмы Т. Тильвитиса — Дичюс имеет некоторые сходные черты с Евгением Онегиным; он, как и пушкинский герой в современном ему обществе, является представителем типа так называемого «лишнего человека» в буржуазной Литве. Прогрессивные идеи пушкинского романа, реалистическое изображение русского дворянского общества, несомненно, благотворно повлияли на Т. Тильвитиса, побудив его критически взглянуть на буржуазную среду и реалистически вскрыть в ней моральное разложение, необузданную погоню за наживой, карьеризм и вырождение.

Поэма Т. Тильвитиса в переработанном виде была вновь издана в 1947 году.

Как упомянутые ранее поэмы К. Бинкиса, так и «Дичюс» Тильвитиса является произведением реалистического направления, и в этом отношении они ярко выделяются на фоне литовской поэзии буржуазного времени, зараженной декадентством, мистикой, индивидуализмом и эстетизмом. Поэмы Т. Тильвитиса и К. Бинкиса ознаменовали собой существенный поворот в развитии литовской поэзии по направлению к реализму и народности. И этот поворот в значительной мере был предпринят воздействием пушкинского творчества.

Не только поэзия Пушкина, но и его проза были примером и образцом для литовских писателей. Один из виднейших литовских беллетристов П. Цвирка сильно увлекался прозаическими произведениями Пушкина, из которых он сам перевел на литовский язык «Пиковую даму», «Историю села Горюхина», «Кирджали». П. Цвирка признавался, что перевод прозаических произведений Пушкина был для него большой литературной школой, а о пушкинской беллетристике он отзывался с глубочайшим восхищением: «Вот где можно научиться писать так, чтобы было мало слов и много мыслей! Как здесь все просто, ясно и незабываемо! Каждое слово

имеет свое место! И какое огромное впечатление!»¹ Приблизительно в то же время, когда П. Цвирка переводил пушкинскую прозу, он написал лучшие свои рассказы, составившие сборник «Ежедневные истории». Эти рассказы П. Цвирки как раз отличаются большой экономией слова, стройностью композиции, глубоким реализмом, которому он учился у Пушкина.

Столетний юбилей со дня смерти Пушкина прошел в буржуазной Литве как открытая демонстрация трудящихся масс против фашистского режима, как яркое выражение искренних симпатий литовского народа к великой русской литературе и культуре. Даже фашистское правительство не осмелилось помешать празднованию этого юбилея, проведение которого возглавляли прогрессивные слои литовской общественности и литературы. Многие произведения Пушкина тогда впервые были переведены на литовский язык писателями Л. Гира, К. Бинкис, П. Цвирка, А. Венцлова, Т. Тильвитис и другими. В литовской периодической печати появился ряд статей о жизни и творчестве Пушкина. Особенно широко тогда отметила пушкинский юбилей литовская прогрессивная печать (журнал «Култура», газета «Литературос науенос»), посвятив Пушкину специальные номера. Пушкинский юбилей широко отмечался и подпольной литовской революционной печатью (журналом «Прекалас», газетой «Раудонасис артояс»), в которой впервые были опубликованы переводы на литовский язык стихотворений Пушкина — «Чаадаеву», «В Сибирь» и других, а также дано марксистское освещение исторического значения творчества Пушкина.

Во время празднования этого юбилея впервые в Литве так ярко и подчеркнуто была показана прогрессивная роль творчества Пушкина. Народный поэт Литвы Л. Гира, принимавший тогда особенно активное участие в праздновании пушкинского юбилея, в своем докладе, прочитанном на торжественном юбилейном заседании в Каунасе, раскрыл революционное значение пушкинского творчества, подчеркнул его связь с декабристами, охарактеризовав Пушкина как борца против царского самовластия. Л. Гира писал: «Пушкин прошел через свою эпоху как стихийный глашатай назревавшего в массах протеста против царского гнета... Пушкин является одним из величайших поэтов-общественников в истории мировой литературы».

В юбилейные дни 1937 года в литовской литературе впервые появились и произведения, посвященные Пушкину. Так,

¹ «Дружба народов», М., 1949, № 3, стр. 156.

молодой поэт В. Сириос Гира написал тогда стихотворение «Пушкину», в котором, если учитывать строгости тогдашней фашистской цензуры, с большой смелостью воссоздал революционный образ Пушкина.

Имя Пушкина литовской прогрессивной общественностью было выдвинуто как знамя борьбы против реакции фашизма. Революционные идеи пушкинского творчества, его глубоко демократическое и народное направление, свойственный ему реализм со времени юбилея 1937 года еще сильнее стали влиять на литовских писателей, поощряя и укрепляя в их творчестве критическое, оппозиционное отношение к буржуазному строю. В период фашистского режима Пушкин для литовских писателей стал символом борьбы за свободу, культуру и светлое будущее.

4

Установление советской власти в Литве создало совершенно новые условия для распространения литературного наследия Пушкина среди литовского народа. Реакционной политике буржуазии, направленной против русского народа и русской культуры, был положен конец. Перед широкими массами литовского народа раскрылись все возможности ознакомиться с великой русской литературой и, в первую очередь, с творчеством Пушкина. Теперь имя Пушкина можно было произносить и по-литовски без каких бы то ни было стеснений и ограничений, произносить с любовью и уважением, а его гениальные творения воспринимать в новом свете, без искажения ложными толкованиями буржуазных критиков.

Если в первые месяцы советского строя — до гитлеровского нападения — еще не были изданы произведения Пушкина массовыми тиражами на литовском языке, то сейчас, после освобождения Литвы, уже во втором послевоенном году, стали появляться объемистые издания произведений Пушкина на литовском языке. В течение сравнительно короткого периода после войны переведены и изданы на литовском языке вся художественная проза Пушкина, два сборника избранной лирики, «Борис Годунов», все «маленькие трагедии» и, наконец, «Евгений Онегин». Никогда ранее не распространялось таким широким и животворным потоком гениальное творчество Пушкина среди литовских народных масс, как теперь — в Советской Литве. Общий тираж книг Пушкина, изданных на литовском языке только в послевоенные годы, достигает свыше 100 тысяч экземпляров. Не приходится доказывать, какую

огромную культурную и воспитательную роль играет распространение произведений Пушкина среди литовского народа. Бессмертные пушкинские творения сегодня уже вошли в литовскую национальную культуру как ее составная часть и способствуют развитию в ней самых лучших начал, поднимают ее на более высокую ступень исторического развития. Имя Пушкина числится теперь среди самых любимых, наиболее ценимых и читаемых литовским народом писателей.

Лучшие литовские советские писатели А. Венцлова, Т. Тильвитис, В. Миколайтис-Путинас, В. Реймерис, А. Хургинас и другие переводят в наши дни произведения Пушкина на родной язык и, таким образом, не только обогащают литовскую литературу, но и повышают свое мастерство, развивают свой талант. Нельзя не отметить, что за советский период литературный уровень переводов произведений Пушкина на литовский язык значительно повысился.

Глубокое воздействие оказал и продолжает оказывать Пушкин на творчество самих литовских писателей, на рост литовской советской литературы и совершенствование ее художественной формы.

В дни Великой Отечественной войны для многих литовских писателей, находившихся в эвакуации, — Л. Гира, С. Нерис, А. Венцлова и других — из всех великих русских поэтов, без сомнения, Пушкин был наиболее любимым поэтом. Некоторые литовские советские писатели в то время не только вновь и вновь перечитывали всего Пушкина, но и специально изучали его творчество. Томик избранных произведений Пушкина был частым спутником литовских советских писателей в их путешествиях по широкому Советскому Союзу, в их поездках в литовские советские части на фронт. В пушкинском творчестве литовские советские писатели черпали любовь к родной стране, к своему народу, черпали жажду свободы, ненависть к варварскому гитлеризму.

Во время Отечественной войны крупная литовская поэтесса С. Нерис заново перевела «Вакхическую песню» Пушкина. С. Нерис с величайшим восторгом отзывалась о творчестве Пушкина. Она говорила: «Когда я читаю Пушкина, я чувствую, что становлюсь тверже, — я чувствую, что вырастаю».¹

Народный поэт Советской Литвы Л. Гира в своей поэме военных лет «Адам Мицкевич у Поволжья», ведущую тему которой составляет тема братства народов и советского

¹ «Дружба народов», 1949, № 3, стр. 157.

патриотизма, воспеваает Пушкина как великого предвестника дружбы народов.

Творчеством Пушкина постоянно занимался и А. Венцлова, который в послевоенное время впервые целиком перевел на литовский язык «Евгения Онегина», ряд лирических произведений Пушкина и заново «Медного всадника». А. Венцлова откровенно признает определяющую роль Пушкина в своем литературном формировании: «Мне кажется, самое важное, что дало мне это общение с творчеством Пушкина», — это, прежде всего, глубокое понимание того, что работа поэта является полноценной лишь тогда, когда она целиком посвящена служению своему народу, когда поэт, черпая вдохновение в жизни своего народа, отображая людей своей эпохи, их работу и подвиги, может показать своему народу путь в будущее.

Пушкин меня учил неустанно повышать мастерство своей поэтической работы, непрерывно бороться за реалистическое изображение действительности. Он учил меня любить свободу, добро, красоту... Он учил меня любить нашу великую Родину и, прежде всего, великий русский народ, который дал человечеству блистательный ряд гениальных деятелей в литературе, музыке, живописи, науке, который дал человечеству великого Ленина».¹

К этим словам А. Венцлова могут полностью присоединиться многие литовские советские писатели.

Более или менее непосредственное влияние Пушкина проявляется и в творчестве других литовских советских писателей (А. Хургинаса и других). Это влияние является таким могучим и глубоким, что избежать его не может никто, кому хоть раз пришлось соприкоснуться с пушкинской поэзией и войти в ее художественный мир.

Пушкин столь популярен в Советской Литве, что само его имя стало особой темой для литовской советской поэзии последнего времени. Тема Пушкина, как уже было упомянуто, впервые вошла в литовскую поэзию еще в буржуазные времена. Сегодня эта тема становится все более углубленной и разнообразной. Особенно широко она прозвучала в связи с пушкинским юбилеем в 1949 году, когда литовскими поэтами А. Венцловой, Т. Тильвитисом, В. Вальсьюнене, А. Хургинасом и другими был создан ряд вдохновенных стихотворений, воспевающих пушкинский гений, его бессмертие, неувядаемую красоту его поэзии.

¹ «Дружба народов», 1949, № 3, стр. 159.

Пушкинский юбилей 1949 года прошел в Советской Литве как культурный праздник всего литовского народа. В Советской Литве не найдется ни одного учреждения или предприятия, не говоря уже об учебных заведениях, где не было бы проведено торжественного заседания, посвященного великому поэту. Начиная с Академии Наук Литовской ССР, которой была проведена специальная юбилейная сессия, и кончая клубами и избами-читальнями на периферии, по всей республике во время юбилея были прочитаны сотни лекций о Пушкине и о его творчестве, проведены сотни литературных вечеров и концертов, были устроены десятки выставок, посвященных Пушкину. Республиканские газеты и журналы выпустили специальные пушкинские номера. Впервые в Литве было проведено юбилейное литературное празднование в таком широком масштабе. Только при советском строе исполнилось заветное стремление Пушкина — стать близким и любимым поэтом всех народов, в их числе и литовского народа. В связи с празднованием юбилея 1949 года для популяризации творчества Пушкина среди литовского народа за один год было сделано больше, чем при буржуазном строе в течение целых десятилетий. Пушкинский юбилей стал искренней демонстрацией культурного содружества литовского и русского народов, углублением традиции их давних исторических связей, которые затрагивают и род Пушкиных. Как известно, Пушкин в своей неоконченной автобиографии отметил, что его предок Ибрагим был крещен в 1707 году в древней столице Литвы Вильне. Там и по сей день на стене старинной церкви по улице Диджиои хранится мемориальная доска с надписью об этом событии. Спустя почти двести лет род Пушкиных опять оказался связанным с литовской столицей. С 1899 по 1905 год в поместье Маркучай, на окраине Вильнюса, проживал сын великого поэта Григорий Александрович, который здесь умер и похоронен. Литовский народ с любовью хранит все, что связано с именем великого русского поэта. В бывшем поместье Пушкиных сейчас создан Пушкинский музей, в котором собран богатый материал о жизни и творчестве великого поэта. Этот музей стал местом паломничества для трудящихся Литвы и союзных республик. В свете сталинской национальной политики имя Пушкина для советских народов, в том числе и для литовского народа, символизирует могучую связь их братской дружбы.

Пушкинский юбилей 1949 года значительно отразился и на развитии литовского литературоведения. Буржуазные литературоведы стремились всячески затушевать огромное значение

Пушкина в развитии литовской литературы. В буржуазный период в литовском литературоведении имя Пушкина упоминалось чрезвычайно редко и случайно, а если о нем и писали, то пересказывали главным образом устаревших реакционных критиков и историков.

В связи с юбилеем литовские советские литературоведы проделали большую работу по всестороннему изучению огромного влияния Пушкина на развитие литовской литературы. В этой области были установлены десятки новых и до сих пор неизвестных фактов.

Настоящий мой доклад в значительной мере также опирается на эти факты и в основном является их сводным изложением. Институт литовской литературы Академии Наук Литовской ССР подготовил и издал коллективный труд «Пушкин и литовская литература», в котором всесторонне изучается влияние Пушкина на литовскую литературу, включая также и советский период ее развития. Кроме того, в этом труде дан критический обзор переводов Пушкина на литовский язык и разработан ряд проблем, возникающих перед литовскими поэтами при переводе пушкинской поэзии на литовский язык. Сотрудниками Института литовской литературы была также составлена библиография переводов произведений Пушкина и литературы о Пушкине на литовском языке, содержащая свыше 400 номеров. При составлении этой библиографии был выявлен целый ряд до сих пор неизвестных переводов стихотворений Пушкина, напечатанных в разных литовских газетах и журналах. Библиографические данные показывают, что некоторые стихотворения Пушкина были переведены разными литовскими переводчиками и помещались в печати по несколько раз, а также и то, что целый ряд виднейших литовских писателей, поэтов и публицистов по тому или другому поводу многократно писали о Пушкине.

Само собой понятно, что все упомянутые работы литовских советских литературоведов представляют пока только начало систематического исследования влияния Пушкина на литовскую литературу. Однако и они уже являются прочной основой для дальнейших исследований в этой области, которые, надо надеяться, будут успешно продолжаться и в ближайшем будущем.

Творчество Пушкина в течение нескольких последних десятилетий оказывало глубокое и благотворное воздействие на литовскую литературу. Солнце поэтического гения Пушкина, уже давно взошедшее и на небосклоне литовской поэзии, своими животворными, вдохновляющими лучами будило

творческие силы виднейших литовских поэтов, окрыляло их душевные порывы, способствовало созреванию их поэтического мастерства. Без этого животворного, вдохновляющего и воспитывающего влияния Пушкина литовская литература во многом выглядела бы иначе, была бы менее совершенной и богатой. Литовская литература обязана Пушкину многими своими достижениями.

Эта могучая сила пушкинского воздействия сегодня, в условиях советского строя, проявляется в литовской литературе еще шире и глубже, во всем своем великом объеме. Литовская советская литература, воспринимая это вдохновляющее пушкинское влияние, еще более крепнет для дальнейших творческих успехов.

А. Я. ХАБЕРМАН

О ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА НА ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫК

Великий русский поэт Пушкин является одним из наиболее любимых писателей многочисленной семьи советских народов. Трудящиеся народы ценят Пушкина прежде всего как певца свободы, дерзнувшего в мрачную эпоху царизма поднять свой голос против крепостного рабства и самодержавия. Пламенная поэзия Пушкина, как факел, освещала путь народам в их неустанной борьбе за освобождение человечества от оков эксплуатации.

Бессмертное творчество Пушкина стало ценным вкладом в литературу многих народов мира.

В литературе эстонского народа гениальные произведения Пушкина занимают почетнейшее место. Пушкин был одним из первых авторов, по произведениям которых эстонский народ в прошлом веке познакомился с русской классической литературой.

Ознакомлению эстонцев с прогрессивной культурой русского народа способствовали известные русские ученые и революционно настроенные русские студенты Юрьевского университета.

Переводы с русского на эстонский стали появляться еще в 70-е годы прошлого века. В 80-х годах они стали массовыми.

Интерес к русской литературе возникал уже в школе, где русская литература подробно изучалась, где в школьных библиотеках было много произведений русских классиков.

Одним из первых и чаще всего переводимых русских классиков был великий русский поэт Пушкин.

Несравненная художественная красота поэзии Пушкина и выраженная в его произведениях ненависть к самодержавию

и крепостничеству возбудили интерес к более близкому изучению его творчества. Этот интерес еще более увеличивался благодаря многочисленным статьям о Пушкине в эстонской периодической печати, опубликованным в связи с тремя знаменательными пушкинскими датами: открытием памятника поэту в Москве в 1880 году, 50-й годовщиной со дня его смерти в 1887 году и 100-летием со дня его рождения в 1899 году.

По имеющимся данным, первым эстонским переводом из Пушкина была «Капитанская дочка», изданная в 1879 году в Тарту отдельной книгой в переводе писателя Я. Кырва. Перевод этот можно считать удовлетворительным, принимая во внимание, что Кырв не вполне хорошо владел русским языком.

По случаю открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 году профессор Юрьевского университета П. Висковатов привез в Москву на выставку переводов произведений Пушкина и первый эстонский перевод из Пушкина — «Капитанскую дочку».

Увлечение Пушкиным в эстонской литературе в последнем десятилетии XIX века, приняло особенно широкие размеры. К концу XIX века имелись эстонские переводы многих произведений Пушкина. Из повестей были напечатаны «Капитанская дочка», «Дубровский», «Пиковая дама», «Кирджали»; из «Повестей Белкина» — все, кроме «Гробовщика» («Барышня-крестьянка», «Станционный смотритель», «Выстрел», «Метель»); из поэм — «Медный всадник», «Полтава», «Кавказский пленник», «Анджело»; из баллад — «Песнь о вещем Олеге», «Жених», «Русалка», «Утопленник», «Романс»; из лирики — очень многие стихотворения (называю только те, которые переводились неоднократно): «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Птичка», «Я вас любил», «Я помню чудное мгновенье», а также стихотворения «Поэт», «Туча», «Бесы», «Памятник» и ряд других; из драматических произведений — «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», отрывки из «Бориса Годунова».

Как видно, из прозы в первую очередь были переведены произведения Пушкина, в которых открыто выразилось отрицательное отношение его к самодержавно-крепостническому строю, — «Капитанская дочка» и «Дубровский». Эти повести оказались созвучными эстонцам, изнывавшим под гнетом балтийско-немецких помещиков, и были несколько раз переизданы. «Повести Белкина» привлекали эстонских читателей своим реализмом в изображении жизни простых людей («Станционный смотритель»). Их появление в эстонском переводе оказало демократизирующее влияние на эстонскую литера-

туру. Из драматических произведений Пушкина «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери» были изданы не в стихотворном, а в прозаическом переводе, — повидимому, передача оригиналов в стихах оказалась не под силу переводчикам того времени. Тем не менее, и в прозаическом виде эти произведения имели успех. В конце прошлого века «Скупой рыцарь» весьма часто ставился на любительских сценах. Кроме того, были переведены два отрывка из трагедии «Борис Годунов»: сцена в корчме на литовской границе и сцена в келье Пимена.¹

Непереведенными оставались главное произведение Пушкина — «Евгений Онегин», его поэмы «Руслан и Людмила», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», а также драма «Борис Годунов», оказавшиеся, повидимому, трудными для переводчиков того времени. Не были переведены и его вольнолюбивые стихотворения, направленные против самодержавия и крепостничества, распространявшиеся при жизни поэта лишь в рукописных списках и еще долгое время после его смерти находившиеся под цензурным запретом, как, например, «Вольность», «Деревня», «Послание в Сибирь», «Анчар», «Арион», «Чаадаеву», «Кинжал» и другие. Хотя большая часть этих вольнолюбивых стихотворений к концу XIX века в России уже была напечатана, однако в условиях царской цензуры и колонизаторской политики балтийско-немецких помещиков не могло быть и речи о появлении их переводов в Эстонии.

Но и та часть творческого наследия Пушкина, которая в XIX веке появилась в эстонском переводе, представляла собой ценный вклад в нашу переводную литературу и неоднократно переиздавалась. Очень большую роль в распространении произведений Пушкина среди широких масс населения играла эстонская периодика того времени. Большая часть переводов из Пушкина появлялась в газетах и журналах, в приложениях к ним, часть же — в маленьких литературных сборниках и календарях. Более удачные переводы уже в XIX веке и особенно в начале XX века составили неотъемлемую часть эстонских школьных хрестоматий; сюда относятся «Медный всадник», «Полтава», «Песнь о вещем Олеге», «Утопленник», «Птичка».

Переводчиками произведений Пушкина были известные эстонские писатели и культурные деятели: Я. Тамм, Я. Берг-

¹ Перевод монолога Пимена был сделан эстонским поэтом Кундером очень удачно. Кундер собирался перевести всего «Бориса Годунова», но, к сожалению, смерть помешала осуществлению его намерения.

манн, И. Кундер, Я. Кырв, А. Гренцштейн и многие безвестные любители Пушкина. Переводы последних не отличаются большой художественностью, но все же имеют свое значение в культурно-историческом отношении, так как и они содействовали ознакомлению и распространению прогрессивного творчества Пушкина среди эстонского народа.

Лучшим переводчиком Пушкина в XIX веке, несомненно, следует считать писателя Якоба Тамма, который с большой последовательностью и редким воодушевлением посвятил себя переводам поэзии Пушкина и достиг значительного мастерства в этой области. Имя Я. Тамма, с таким энтузиазмом стремившегося ознакомить эстонский народ с бессмертными творениями Пушкина, навсегда сохранится в истории эстонской литературы. Я. Тамм удивительно хорошо улавливал характер и ритм пушкинской поэзии, язык его плавен и выразителен, образы поэтичны, и его переводы еще и в настоящее время имеют художественную ценность, хотя нельзя забывать, что эстонский литературный язык того времени не был еще вполне развит. Заслугой Тамма являются переводы монументальных поэм Пушкина — «Медный всадник» и «Полтава».

Небезынтересно отметить мотивы, которыми руководствовался Я. Тамм, переводя поэмы Пушкина. Он приводит их в своих стихотворных предисловиях к этим поэмам. В предисловии к «Полтаве» он подчеркивает, что с победой русских войск над шведами для эстонцев прекратилось время войн и начался мирный период. Поэтому песнь об исторической победе русских под Полтавой пробуждает чувство радости и в сердцах эстонцев. В предисловии к «Медному всаднику» Тамм отмечает, что основание Петербурга Петром I имеет большое значение не только для русского, но и для эстонского народа, и поэтому стихи, посвященные Петру I, вызывают чувство гордости как у русских, так и у эстонцев.

Эстонский культурный деятель И. Янес, переведший поэму Пушкина «Кавказский пленник», посвящает ее в своем предисловии эстонским девушкам, чтобы представить перед их глазами Кавказ, куда из-под ига немецких помещиков переселялись многие сыны и дочери эстонского народа, надеясь найти там новую, более счастливую жизнь.

Для эстонцев Пушкин стал «пророком правосудия и добра», его прогрессивное творчество благотворно влияло на народ, особенно на воспитание молодежи. На произведениях Пушкина молодежь училась любить и ценить идеи передовые, демократические и бороться против всего реакционного. Высокая гуманность творчества Пушкина, любовь к трудовому

народу, которой дышат его произведения, непримиримая ненависть к жестоко угнетающему народ самодержавию и дворянству — все это было резкой противоположностью реакционной культуре балтийских баронов, проникнутой презрением к другим народам и наглым отрицанием прав трудящихся. Даже реакционные политические деятели в Эстонии того времени должны были признать высокий гуманизм поэзии Пушкина. Так, в 1899 году, в дни, посвященные 100-летию со дня рождения Пушкина, консервативный литератор, критик Юргенштейн писал в юбилейной статье: «Пушкин потому является любимым писателем многих народов, что он, хотя и сознает мощь своего народа, никогда и нигде не проявляет презрения к другим народам».

В первые десятилетия XX века в осуществлении переводов произведений Пушкина на эстонский язык наступает перерыв. С одной стороны, это было обусловлено распространением знания русского языка, что делало переводы менее нужными, — уже в начальной эстонской школе Пушкина изучали в оригинале. С другой же стороны, это явление объяснялось наступившей после революции 1905 года реакцией, которая в области литературы выразилась в отходе от реалистических традиций классиков и в подчинении влиянию декадентских течений литературы Западной Европы.

В период с 1900 до 1917 года появились лишь переводы трех сказок Пушкина: «Сказки о рыбаке и рыбке», «Сказки о царе Салтане» и «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». Они были опубликованы в школьных изданиях. В школьных эстонских хрестоматиях того времени был помещен и ряд ранее сделанных лучших стихотворных переводов: «Медный всадник», «Полтава», баллады «Утопленник», «Песнь о вещем Олеге», стихотворения «Птичка» и т. д.

В начале XX века сама культура переводов стала гораздо ниже.

После Великой Октябрьской социалистической революции эстонское буржуазное правительство заняло резко враждебные позиции по отношению к Советской России. Состоя на службе как у своих капиталистов, так и у западноевропейских империалистов, оно пыталось держать эстонский народ в стороне не только от революционной советской литературы, но и от прогрессивного творчества русских классиков. Русский язык и литература были изъяты из программ эстонских общеобразовательных школ. На уроках мировой литературы ознакомление с русской литературой ограничивалось лишь творчеством Достоевского, и только с 1937 года сюда присоединили и

поэзию Пушкина. В результате эстонцы к 1940 году оказались в этом отношении в том же положении, в каком находились 70 лет назад, — эстонская молодежь знала крайне мало о духовных сокровищах великого русского народа.

Из произведений Пушкина в буржуазной Эстонии были переведены лишь повести «Пиковая дама» (1924) и «Капитанская дочка» (1931). Кроме того, вышел из печати сборник его стихотворных произведений под заглавием «Избранное» (1936). В дополнение к этому в эстонской периодике в 1937 году, в связи со столетием со дня смерти Пушкина, появился ряд стихотворений поэта в переводе эстонских писателей (Семпер, Сютисте). Повесть «Капитанская дочка» была издана в серии литературы для юношества и появилась в полном и достаточно удовлетворительном переводе. Эта историческая повесть о восстании русского крестьянства под руководством Пугачева сыграла определенную роль в формировании юношества.

Но изданный в 1936 году буржуазным Эстонским литературным обществом сборник поэзии Пушкина ярко свидетельствует о тенденциозности буржуазных литераторов по отношению к русской классической литературе. В сборник совершенно не включена политическая лирика Пушкина. Большая часть вошедших в сборник стихотворений совершенно искажена главным переводчиком — буржуазным националистом, поэтом-формалистом А. Орасом. Переводы изобилуют ультрамодными словами, переводчик изощряется в измышлении неслыханных на эстонском языке выражений, идущих в разрез с благородной простотой пушкинских образов и ясностью мысли поэта. Имеет место и прямое извращение содержания многих произведений Пушкина (например, стихотворения «Памятник»).

Только советский строй разбил все преграды к ознакомлению эстонского народа с бессмертными творениями Пушкина. Ленинско-сталинская национальная политика обеспечила сближение различных национальных культур в нашей стране, их взаимное обогащение.

Ведущая роль в этом процессе принадлежит русскому народу, русской культуре. Создатель богатейшей в мире культуры, передового реалистического искусства и литературы, русский народ открыл свои культурные сокровищницы, чтобы ими широко пользовались все братские народы.

Еще до исторического июньского переворота в 1940 году советские писатели-эстонцы, жившие в Ленинграде, приступили к переводу произведений Пушкина и издали их.

Здесь прежде всего следует упомянуть переводы, появившиеся в ленинградских периодических изданиях на эстонском

языке, как-то: стихотворения Пушкина «Деревня», направленного против крепостничества, его знаменитого «Памятника» и реалистической повести «Гробовщик». Отдельной книжкой вышла повесть «Дубровский» и сборник «Сказки» (в переводах Ф. Котта и других, с иллюстрациями художников Палеха). Эти переводы были присланы и в крупнейшие библиотеки Эстонии, которые познакомили с ними своих читателей.

Следует здесь упомянуть и о том, что в первый, очень короткий период существования советской власти в Эстонии, с октября 1917 по февраль 1918 года, в таллинском большевистском журнале «Таппер» мы находим отрывок из трагедии Пушкина «Борис Годунов» под заглавием «Как становились царями».

В 1940—1941 годах в Советской Эстонии появился в печати ряд стихотворных произведений Пушкина на эстонском языке, главным образом в журнале «Лооминг», в хорошем переводе писателя Я. Кярнера, а также в школьных хрестоматиях. Тогда же впервые вышла на эстонском языке поэма «Гавриилиада», опубликованная в журнале «Атеист».

После Великой Отечественной войны работа над переводами произведений Пушкина из занятия отдельных любителей, каким она была в буржуазное время, превратилась в задачу государственной важности. Пушкин занимает отныне почетное место в нашей литературе, в эстонских школьных учебниках ему уделяется очень большое внимание, мы находим его произведения во всех хрестоматиях по истории литературы. Переводы его произведений доверяются лишь лучшим, признанным переводчикам, каковы эстонские поэты Я. Кярнер, Ф. Котта, О. Ургарт. В настоящее время начата работа над переводами важнейшего произведения Пушкина — его романа в стихах «Евгений Онегин»; переведены его вольнолюбивые стихотворения, которые включены в школьные хрестоматии и стали, таким образом, произведениями общеизвестными и любимыми эстонской молодежью. Переводы советского времени характеризуются стремлением верно передать как сущность содержания творчества Пушкина, так и его оригинальную поэтическую форму, и следует отметить, что эта цель достигается советскими переводчиками в гораздо большей степени, чем их предшественниками. Советский писатель Ян Кярнер с успехом перевел три первые главы «Евгения Онегина». Лучше, чем какому-либо другому эстонскому переводчику, удался Я. Кярнеру перевод пушкинского «Памятника».

Работа над переводами из Пушкина особенно оживилась в связи с празднованием 150-летия со дня рождения поэта

в июне 1949 года. По случаю юбилея в издании Эстонского государственного издательства «Художественная литература и искусство» вышли три сборника переводов из Пушкина, а именно переводы его избранных стихотворений, повестей и сказок. Они превосходят все появившиеся до сих пор переводы и дают эстонскому народу более точное представление о гениальном творчестве Пушкина.

В «Сборнике поэзии Пушкина» собраны переводы коллектива эстонских переводчиков, которые проделали серьезную работу, чтобы к юбилею великого поэта внести свой вклад в дело ознакомления эстонского трудового народа с бессмертным творчеством Пушкина. Их усилия увенчались успехом. Рассматриваемый сборник гораздо точнее и полнее передает образность языка Пушкина и поэтическое своеобразие его поэзии, чем прежние, хотя переводы вообще не в состоянии полностью передать гениальные стихотворения Пушкина в их непревзойденном совершенстве. Следует особо отметить, что уровень перевода зависит не только от того, в какой мере переводчик-писатель владеет художественным мастерством, но и от степени его политического развития. Это особенно разительно бросается в глаза при переводе вольнолюбивых стихотворений Пушкина. Писатели-эстонцы, приехавшие в Эстонию из Советского Союза, наиболее остро и глубоко раскрывают революционную сущность этих стихотворений. В сборник включены политические стихотворения Пушкина, его любовная лирика, стихи, посвященные природе, а также важнейшие поэмы: «Медный всадник», «Полтава», «Цыганы» и «Кавказский пленник». Весьма удачно переведено стихотворение «Клеветникам России». Удачные переводы стихов Пушкина, помещенные в этом сборнике, несомненно, побуждают эстонского читателя к ознакомлению с творчеством Пушкина в оригинале.

Исключительно хорошим изданием как по содержанию, так и по внешнему оформлению следует считать появившийся в 1949 году сборник переводов пушкинских сказок. Он содержит четыре сказки Пушкина в переводе эстонского поэта Ф. Котта, сумевшего очень хорошо передать народность этих сказок, их неповторимое своеобразие. Издание снабжено отличными иллюстрациями эстонского художника Г. Рейндорффа, которые прекрасно гармонируют с поэтическими образами пушкинских сказок.

Удачным изданием является и третий из вышедших в 1949 году сборников, а именно «Избранные повести», который содержит образцы пушкинской прозы — «Дубровского», «Капитанскую дочку» и «Повести Белкина».

Хотя из многостороннего творчества Пушкина остались до сих пор неперевереденными его главнейшие произведения: роман в стихах «Евгений Онегин» (перевод, сделанный писателем Я. Кярнер, является лишь частичным) и трагедия «Борис Годунов», все же последние высокие достижения в области переводов произведений Пушкина позволяют надеяться, что и эти замечательные произведения вскоре будут переведены.

Всего на эстонском языке вышло 6 сборников, 12 книг и неисчислимое количество отдельных переводов стихотворений в хрестоматиях и периодике, а также полная библиография переводов Пушкина на эстонский язык.

К сожалению, на эстонском языке нет еще труда о влиянии Пушкина на эстонскую литературу, но разработка этой темы предусмотрена Институтом литературы Академии Наук ЭССР в ближайшее пятилетие.

Переводы произведений Пушкина оказали громадное влияние на развитие прогрессивной эстонской общественной мысли и литературы. Гуманизм творчества Пушкина, высокая идейность и художественное мастерство его произведений сделали его великим образцом для эстонских писателей. Особенно сильно было его влияние в области разоблачения жестокости и произвола царского строя и классового неравенства. Знакомство с его творчеством, так тесно связанным с народными массами, существенным образом содействовало внедрению реалистического метода в эстонскую литературу. Поэзия Пушкина была источником вдохновения для ряда лучших эстонских поэтов: Якоба Тамма, Яна Кярнера, Юхана Сютисте. Эстонский народ всегда высоко чтит Пушкина и не забывал его даже в беспросветный период буржуазно-фашистского гнета. Народ же Советской Эстонии все более и более приобщается к поэтическому творчеству Пушкина.

Широкое распространение произведений Пушкина в Эстонии свидетельствует о тесной взаимной связи между эстонским народом и великим русским народом, говорит о нерушимой дружбе советских народов.

Творчество Пушкина навсегда останется одним из лучших сокровищ эстонской переводной литературы, ибо, как сказал о нем один из эстонских поэтов, последователей Пушкина, Юхан Сютисте: «Борьба за свободу народов — залог бессмертия его поэзии».

М. Х. ГАЙНУЛЛИН

ПУШКИН И ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Народы нашей необъятной страны торжественно отмечают 150-летие со дня рождения гениального русского поэта, борника и певца свободы Александра Сергеевича Пушкина.

Прошло свыше ста лет со дня его смерти, но он продолжает жить в наших сердцах, и с мощным развитием нашей великой социалистической культуры имя Пушкина становится все более близким и родным для всех народов нашей многонациональной страны.

Его стихотворения, поэмы и прозаические произведения, проникнутые глубокой идейностью и облеченные в высокохудожественную форму, являются гордостью русской литературы и крупным достижением в развитии прогрессивной литературы во всем мире. Теперь уже с уверенностью можно сказать, что нет ни одного народа, который не читал бы, в оригинале или в переводе, произведений Пушкина.

Мы чтим Пушкина и как народного, национального русского поэта, и как поэта, в творчестве которого отразилось глубокое сочувствие к судьбе других национальностей.

Великие русские писатели верили, что их творчество заслуженно будет оценено всеми народами нашей страны. Гениальный Пушкин предвидел это, об этой вере очень ярко говорят следующие его строки:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Пушкин — основоположник новой русской литературы. Его творчество, проникнутое идеями гуманизма и демократизма, оказало неоценимую услугу в развитии передовых, прогрессивных литератур всех народов нашей страны, и в частности татарской литературы.

Татарский народ начал знакомиться с произведениями Пушкина еще в 90-х годах прошлого столетия. Передовые татарские педагоги, в целях воспитания и образования молодого поколения, начали составлять и издавать сборники рассказов и стихотворений. Учитель Таиб Яхин в 1898 году составил два сборника «Рассказов и басен для мальчиков и девочек», преследуя цель — дать детям пособие, которое могло бы воспитать в них любовь к знанию, расширило бы их кругозор.

«Ввиду того, что существует очень мало рассказов, доступных пониманию мальчиков и девочек, овладевших первоначальной татарской грамотой, и интересных для них по содержанию, я составил этот сборник переводных рассказов...», — писал он в предисловии к первому сборнику. Основным материалом для своих сборников Таиб Яхин взял из басен Крылова и из сказок Пушкина.

В 1899 году, в связи со столетием со дня рождения Пушкина, на татарский язык было переведено несколько его произведений. Среди них «Бахчисарайский фонтан», переведенный Мухаметсалимом Умитбаевым, который обозначил на титульном листе: «Переведено в память столетия со дня рождения — 26-го мая 1899 г. — известного русского поэта, уважаемого Александра Пушкина». В 1901 году учитель Абдулман Рахманкулов перевел и издал «Сказку о рыбаке и рыбке».

Более широкое ознакомление татарского народа с произведениями Пушкина и творческое их усвоение началось в период революции 1905 года. Важнейшая заслуга в этом отношении принадлежит любимому сыну татарского народа, талантливому поэту Габдулле Тукаеву, выступившему на литературном поприще в эти годы. Еще будучи шакирдом (слушателем) старого медресе (высшей духовной школы), он посещал русский класс, где впервые познакомился с произведениями Пушкина, Лермонтова и других классиков русской литературы; он приносил их произведения в медресе, внимательно изучал, заучивал стихотворения Пушкина наизусть.

Находившийся в те годы вместе с Тукаевым в г. Уральске Габдулла Кариев (один из основоположников татарского театра) в статье «Уральский период жизни Габдуллы Ту-

каева», напечатанной в журнале «Мектеб»¹ в 1913 году, вспоминая об этом, писал:

«Уважаемый Габдулла в медресе считался одним из самых образованных и способных шакирдов... Очень любил произведения Лермонтова и Пушкина. Когда я бывал у них в медресе, видел два толстых тома на русском языке. Как выяснилось впоследствии, эти два тома оказались собраниями сочинений Лермонтова и Пушкина».

Таким образом, в условиях старого медресе, где преподавалось исключительно богословие, одним из основных источников знаний для Тукаева были произведения классиков русской литературы, и в первую очередь Пушкина. Изучение классической литературы, а также ознакомление с русской революционно-демократической литературой в годы революции дали возможность молодому Тукаеву, только что вступившему на литературную арену, расширить свое творчество, создать глубоко идейные произведения. В своих публицистических статьях он призывал татарскую молодежь следовать примеру Пушкина и Лермонтова. Так, в статье «Национальные чувства», опубликованной в 1906 году, Тукаев писал: «Наша нация нуждается в Пушкиных, в Толстых, в Лермонтовых. Короче говоря, и наша нация нуждается в настоящих писателях, художниках, в новейших стихотворениях, в произведениях музыки, которые способствовали бы, как и у других национальностей, прогрессу».² В результате изучения наследия великих классиков русской литературы Тукаев в течение очень короткого времени (1905—1913) сам стал виднейшим писателем и общественным деятелем татарского народа. В его лирике отражены переживания народных масс, в общественно-публицистических статьях слышны чаяния и стремления, высокие идеалы демократических сил того времени. В усвоении гуманизма, в совершенствовании художественных приемов Тукаеву в первую очередь помогало творчество Пушкина. Сам Тукаев чувствовал это и в 1906 году в своей оде «Пушкину» писал:

Пушкин, ты сердца пленил стихом цветущим, молодым,
Мой порыв, мой стремленья с детских лет сродни твоим!

Горы движет он, твой стих, деревья гнутся от него,
А стихи без этой силы ведь не стоят ничего!

В каждой строчке, в каждом звуке — юность, радость разлиты.
Ты, как солнце, светел, Пушкин, и, как мир, огромен ты!

¹ Литературно-педагогический журнал, издавался в Казани.

² Г. Тукаев, Собрание сочинений, т. II, Татгосиздат, Казань, 1948, стр. 134 (на татарском языке).

Звонкий, вечно юный стих твой никому не осквернить,
Что же может лучше солнца и согреть и озарить!

Насладился я плодами, побывав в саду твоём!
С детских лет, великий Пушкин, каждый стих твой мне знаком,

Дни за днями я по саду незабвенному бродил,
Соловья в саду завидя, пораженный, я застыл.

Мощный, светлый дух твой, Пушкин, весь в жемчужинах-словах,
Что, как памятник чудесный, будут выситься в веках.

Я стихи твои и прозу, как святыню, берегу,
И тебе, моей святыне, не молиться не смогу!

Я б хотел с тобой сравняться, — только неостанет сил:
Солнечным стихом навеки ты сердца людей пленил!¹

Лирика молодого Тукаева показывает, с каким уважением относился он к великому русскому поэту, как преклонялся он перед поэзией Пушкина.

В начале своего творческого пути Тукаев написал целый ряд стихотворений под непосредственным воздействием поэзии Пушкина. Стихотворение под названием «Самому себе», опубликованное в газете «Эльгасрел-джадит» («Новый век») в 1906 году, написано им в подражание стихотворению Пушкина «Про себя», о чем указывает поэт в примечании. Стихотворение не является текстуальным переводом, но в нем, так же как и у Пушкина, основная идея — идея служения Родине — полностью сохранена. Патриотические мотивы, мотивы любви к Родине и народу звучат и в других стихотворениях Г. Тукаева. В ответ реакционерам, буржуазным националистам, призывавшим народ эмигрировать в Турцию, Тукаев в своем стихотворении «Не уйдем!» (1907) писал:

Прочь, твари низкие, не вам, не вам смутить мечты святые:
К единой цели мы идем, свободной мы хотим России.

Создавая оригинальные произведения или используя в своем творчестве мотивы поэзии Пушкина, Г. Тукаев не был простым подражателем или переводчиком: он заимствовал у классиков те идеи и взгляды, которые были созвучны с его эпохой, отражали чаяния и стремления татарского народа. Именно в этом плане следует рассматривать вольный перевод Тукаевым стихотворения Пушкина «Узник».

Это стихотворение, написанное Пушкиным в 1822 году, отражало вольнолюбивые настроения самого поэта и декабри-

---

¹ Г. Тукай. Стихи и поэмы. Гослитиздат, М., 1946, стр. 24—25. — В дальнейшем цитируется по этому изданию.

стов, стремившихся вырваться из тюрьмы народов, какой являлась тогдашняя Россия. Такими же мотивами проникнуто стихотворение Тукаева «Махбус» («Узник»), отражающее настроения прогрессивных кругов татарского народа в период реакции после революции 1905 года, когда Николай II сажал революционеров в тюрьмы, отправлял их на каторгу и многих предавал казни. Таким образом, стремление к свободе является одним из основных мотивов и в творчестве Тукаева. По сравнению с пушкинским, «Узник» Тукаева значительно расширен путем введения новых образов. Тукаев описывает не только внутреннюю обстановку тюрьмы, но и переживания узника, сидящего в этой тюрьме.

В 1907—1908 годах Г. Тукаев усердно принимается за создание на татарском языке детской художественной литературы. И в этой отрасли своего творчества Тукаев берет пример у Пушкина и Лермонтова. К своей известной поэме «Шурале» (1907) он дает такое примечание: «Поэму „Шурале“ я написал, подражая Пушкину и Лермонтову, которые при создании таких поэм тоже пользовались народными сказками».

Таким образом, Тукаев и при создании оригинальных произведений на основе татарского фольклора ориентировался на Пушкина и Лермонтова.

Тукаев перевел на татарский язык и издал в 1908 году для детей, в многокрасочном иллюстрированном оформлении, «Сказку о золотом петушке» Пушкина. В истории татарской литературы это была первая книга, выпущенная с иллюстрациями. Тукаев придавал очень большое значение этому событию. Это видно из его письма от 27 марта 1908 года к сестре Газизе, в котором он пишет: «На этих днях написал еще одно большое стихотворение. Оно иллюстрировано многокрасочными рисунками и выпускается в подарок детям».

Реакцию после революции 1905 года Тукаев переживал тяжело; его душевное состояние этих лет нашло выражение в элегии «Желание кончилось»; эта элегия напоминает стихотворение Пушкина «Я пережил свои желанья». Несмотря на то, что Тукаев чувствует себя окутанным непросветным мраком реакции, что условия работы изо дня в день ухудшаются, он заявляет:

Пою, — пусть теснота царит в моем углу!
Татарин я, и для татар пою сквозь мглу...

Не отклоняйся никуда! Вперед, поэт!
Сбивай препятствия с пути — таков завет.
Кто в руки смолоду взял острое перо,
На все сомненья должен наложить запрет...

И Пушкин, Лермонтов — мой лучший образец.
К вершинам этих гор взбирается певец, —
Вершину вижу я, но сдерживаю крик.
Воскликнешь: «упаду» — и тут тебе конец!
(«Размышления татарского поэта»)

Образцы поэзии Пушкина дали возможность Тукаеву создавать высоко художественные лирические произведения, острые эпиграммы против реакционных сил того времени и, наконец, такие замечательные поэмы, как «Шурале» и «Новая Кисекбаш». Являясь автором этих произведений, Тукаев по праву занял в истории татарской демократической литературы такое же почетное место, какое занимает Пушкин в истории русской литературы.

Тукаев и в своих теоретических взглядах опирался на творчество Пушкина. В лекции о фольклоре, читанной им в 1910 году, он говорит: «Народные песни, несомненно, явятся основой нашей литературы в будущем... Великие поэты русского народа Пушкин и Кольцов тоже писали, подражая народным песням. Стихотворения, написанные в подражание народному творчеству, и по глубине чувств, и по содержанию, и по изобразительным средствам стоят гораздо выше, гораздо понятнее народу, чем произведения, лишённые этого подражания. К таким, например, произведениям нужно отнести „Что ты спишь, мужичок?“, „Песню пахаря“ Кольцова и „Песню девушек“ Пушкина».¹

Далее Тукаев проводит мысль, что произведения, созданные на основе народного творчества, являются в то же время оригинальными произведениями писателя. И в этом утверждении он ссылается на Пушкина, приводя в пример «Сказку о рыбаке и рыбке» и «Сказку о золотом петушке».

Тукаев всеми силами стремился популяризировать произведения классиков русской литературы, в особенности Пушкина и Лермонтова.

Свидетельством того, как высоко Тукаев оценивал Пушкина и Лермонтова уже в последние годы своей жизни, является следующее его стихотворение:

Если Лермонтов и Пушкин — каждый солнце в небесах,
Я луною светлой буду: их лучи — в моих стихах.

---

¹ Г. Тукаев, Собрание сочинений, т. II, 1948, стр. 207 (на татарском языке). — «Песней девушек» Тукаев назвал песню «Девуцы, красавицы...» из «Евгения Онегина».

Кто не любит их творений? Я люблю их с давних дней.
Мне они родны, как песни милой матери моей.

(«Утешение»)¹

Буржуазные критики, которые выступали против использования Тукаевым образцов русской классической литературы, пытались доказать, что это является отрицательным моментом в творчестве Г. Тукаева. Атака этих критиков шла главным образом по двум линиям. С одной стороны, они заявляли, что большинство стихотворений Тукаева являются переводными, при этом неудачно переведенными.² С другой стороны, эти буржуазные критики, отстаивая принцип «чистого искусства», осуждали поэта за то, что в своих произведениях он отражает классовые противоречия, затрагивает социальные мотивы, пишет стихотворения на злободневные темы. Эти критики относили анархиста-индивидуалиста Сагита Рамнева, декаденто-символиста Дардманда к числу лучших татарских поэтов, а Тукаева считали поэтом третьего разряда, утверждая, что он не является поэтом высоких идеалов, а пишет только о повседневной жизни.

В своей враждебности к поэту буржуазные критики дошли до того, что не прекращали нападков на страницах газеты «Идел» даже и тогда, когда тяжело больной Тукаев был прикован к постели и доживал свои последние дни. Отражая в эти тяжелые минуты нападки своих врагов, Тукаев находит опору в своих учителях. В стихотворении «Ответ» он писал:

Пушкин — море, море — Лермонтов! В небе вечности сверкай,
Негасимое созвездие: Пушкин, Лермонтов, Тукай.

Этим Тукаев еще раз подчеркивает преемственную связь своего творчества с русской литературой. Здесь звучит гордость поэта, осознающего свою роль в родной поэзии. В конце стихотворения Тукаев дает ответ татарским буржуазным националистическим клеветникам, которые всячески старались опорочить его творчество:

С берега язык ты вытянул, а достать волну невмочь,
Не старайся, не дотянешься — уходи, собака, прочь!
Но, уйдя, запомни накрепко, что твой недруг смелый рек:
Будешь ты на то созвездие тщетно твякать целый век.

¹ Г. Тукай. Избранные стихи. Гослитиздат, М., 1938, стр. 158.

² Касим Уралец. О татарских поэтах. «Волжский листок», 1908, № 696.

Среди представителей татарской общественности того времени нашлись честные люди, которые дали достойный ответ этим буржуазным критикам.

Писатель Ф. Амирхан в статье, опубликованной в газете «Эль-ислах» (1908, № 17) по поводу выхода из печати сборника стихотворений Тукаева, писал: «Этот второй сборник Тукаева также содержит много замечательных оригинальных произведений и стихотворений, очень удачно переведенных с русского языка. Особенно удачно переведены „Узник“ Пушкина и „Опасение“ Лермонтова, в которых сохранены не только содержание, но и высокое мастерство художников».

Кроме Г. Тукаева, до революции переводил произведения Пушкина на татарский язык один из ближайших друзей Тукаева Султан Рахманкулов (1886—1916). В 1907 году он довольно удачно перевел «Дубровского» и снабдил этот перевод очерком о жизни и деятельности Пушкина. Характеризуя историческую роль творчества Пушкина, Рахманкулов писал: «Значение Пушкина во много раз возросло после его смерти. Влияние Пушкина распространилось на всю Европу, многие его оперы и драмы и по сей день не сходят со сцен европейских театров. Чрезвычайно велика заслуга Пушкина в истории русской литературы. Трудно найти подходящие выражения для характеристики художественной полноты и ценности произведений писателя». Продолжая свою переводческую работу, Рахманкулов в дальнейшем перевел поэму «Цыганы» и трагедию «Борис Годунов».

В эти же годы и другие писатели перевели на татарский язык несколько сказок и рассказов Пушкина. В 1908 году Идрисом Богдановым был переведен «Каменный гость», в предисловии к которому переводчик вкратце характеризует творчество Пушкина и считает это произведение одним из лучших произведений поэта. В 1909 году Ахмет Мунир Рашит перевел на татарский язык «Метель». Перевод его отличается точностью передачи пушкинских образов и красотой языка.

Таким образом, и в годы черной реакции реалистические произведения Пушкина привлекали внимание татарских писателей. Несмотря на наличие некоторых недостатков в этих переводах, они заняли достойное место в истории татарской демократической литературы. Но буржуазные издатели того времени к переводам из русской классической литературы подходили исключительно из интересов собственной выгоды. С. Рахманкулов по этому поводу опубликовал в газете «Эль-ислах» специальную статью, а редакция газеты снабдила ее следующим примечанием: «Ввиду того, что наши казанские

издатели заинтересованы только в издании и распространении литературы, требующей от них наименьших затрат, мы не нашли издательства, которое бы взялось издавать переводы классиков русской литературы.¹ Если бы вышла вторая часть походов сыщика Шерлок Холмса, то эти издатели наперобой приняли бы ее издавать».

Совершенно изменились условия распространения произведений русских писателей в литературах народов СССР после Великой Октябрьской социалистической революции. Появилась широкая возможность издавать на языках всех народов Советского Союза как оригинальные произведения национальных писателей, так и их переводы классиков русской литературы. Мечта великого поэта — «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой» — осуществилась только теперь, в условиях социалистического строя. В наше время уже все народы Советского Союза имеют возможность читать произведения великого поэта на своем родном языке.

Популяризация творчества Пушкина среди трудового татарского народа получила еще более широкий размах после подготовки и проведения юбилейной даты (столетие со дня смерти) в 1937 году. Видный представитель татарской советской литературы Кави Наджми, выступая в 1937 году на торжественном собрании, посвященном юбилею, сказал: «Татарские советские писатели и поэты чувствуют в своем творчестве глубокое влияние талантливого Пушкина. . . Посмотрите татарские газеты и журналы, вышедшие в дни подготовки к юбилею. Вы там найдете письма татарских рабочих, колхозников, а также татарских советских писателей и поэтов, в которых они выражают глубокую любовь, искреннюю дружбу к Пушкину».

«В этих пламенных словах, — писал по этому поводу журнал «Совет эдэбияты» (Советская литература), — мы видим глубокое уважение татарского народа к своему старшему брату русскому народу, его языку, озаренному лучами неугасаемого учения Ленина—Сталина, видим любовь к его славной культуре, проникнутой самыми высокими идеалами титанов мысли и непоколебимой ни перед какими черными силами».²

В конце 1936 и в 1937 году в переводах Ахмета Ерикеева, Ахмета Исхака, Нур Баяна, Ахмета Файзи были опубликованы сотни стихотворений поэта. В итоге был издан однотомник произведений Пушкина, размером в 31 печатный лист, куда

¹ Имеются в виду переводы произведений Тургенева и Пушкина.

² «Совет эдэбияты», 1937, № 2, стр. 46.

вошли, кроме стихотворений, переведенных названными выше поэтами, еще «Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Борис Годунов», «Повести Белкина», «Капитанская дочка», «Дубровский», «Пиковая дама». Однотомник снабжен очерком о жизни и деятельности поэта, написанным В. Вересаевым и переведенным на татарский язык. Это издание и по своему объему и по качеству значительно отличается от дореволюционных изданий.

В 1949 году исполнилось 150 лет со дня рождения поэта. В связи с этой датой татарская общественность ставила своей задачей изучить еще глубже литературное наследие Пушкина и еще более расширить круг распространения его произведений. В школах, вузах, в научно-исследовательских институтах были прочитаны доклады о жизни и творчестве поэта и о его отдельных произведениях; созданы исследования о плодотворном влиянии великого поэта на татарскую демократическую культуру. Татарские писатели развернули работу по популяризации произведений поэта. Татгосиздатом выпущен еще один сборник, включающий в себя большинство прозаических произведений Пушкина.

Татгосиздат подготовил юбилейное издание произведений Пушкина. В него вошли, кроме тех произведений, которые были переведены ранее, «Цыганы», «Полтава», «Медный всадник», «Евгений Онегин», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Русалка», «Пир во время чумы», «Сцены из царских времен», «Арап Петра Великого» и другие. Над переводом работали известные татарские писатели и переводчики: А. Шамов, С. Адгамова, С. Файзуллин, Ахмет Файзи, Ахмет Ерикеев, Ахмет Исхак, Ш. Маннур, С. Баттал, молодые поэты Шараф Мударрис, Нурый Арсланов и артист Шамауков.

Татарские советские писатели Ш. Маннур, А. Ерикеев и другие создали стихотворения, посвященные великому Пушкину. Приведем одно из них.

Пушкин, Пушкин! Имени поэта
Не устанет повторять народ.
Никогда в сердцах горячих это
Имя дорогое не умрет.

Словно сквозь года и расстоянья
К нам твоя протянута рука,
Словно теплое твое дыханье
Долетает к нам через века.

Солнце незакатное народов,
Вольности и мужества певец,

Друг борцов за правду и свободу,
Спутник чистых и простых сердец!

Нет народа среди народов мира,
Чтоб тебя чуждался, не любя,
Белоруссы, латыши, башкиры
С гордостью своим зовут тебя.

И живут в просторах Татарстана
Звуки песен, созданных тобой.
Словно гость любимый и желанный,
Ты повсюдуходишь в дом любой.

Речь твоя рекой многоязыкой
Льется всюду, радуя людей...
Но не ты — душа Страны великой
Дарит нас улыбкою своей.

Ты идешь все дальше по дороге,
Бесконечно близкий и живой...
Вот уже звучит он на пороге
Коммунизма — голос вещей твой!

Ты идешь в грядущее сквозь годы,
И чем дальше, тем светлей итти,
Тем кристальнее любовь народов
И просторнее твои пути!

(Л. Брикеев. Наш
Пушкин. 1949)¹

Итак, татарские просветители, опираясь на творчество Пушкина, еще в конце XIX века создали реалистическую по своей сущности переводную литературу для татарских детей. Первая русская революция 1905 года дала возможность создать на татарском языке не только периодическую печать, но и способствовала обращению передовых татарских писателей — Габдуллы Тукаева, Гафура Кулахметова, Галиаскара Камала и других — к изучению и творческому использованию традиций русских писателей-реалистов. Учась у Горького, Гафур Кулахметов дал первые образцы татарской пролетарской литературы; учась у Пушкина и Лермонтова, народный поэт Г. Тукаев вырос до классика татарской поэзии, создав жизненные, проникнутые идеей дружбы народов, высоко художественные произведения.

Татарские советские писатели, продолжая лучшие традиции татарской демократической литературы, прилагают еще большие усилия к популяризации великих русских классиков и советской литературы.

Отмечая 150-летие со дня рождения славного сына великого русского народа А. С. Пушкина, мы выражаем свое бла-

¹ «Красная Татария», 1949, № 107.

гоговение перед русской демократической культурой, полной чувства уважения к человечеству. Мы счастливы тем, что являемся полноправными гражданами Великой Советской страны, о которой более 100 лет назад пророчески сказал Белинский:

«Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году, стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству, и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества...».¹

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XII, 1926, стр. 224.

К. Н. ДЕРЖАВИН

ПУШКИН В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

1

Как бы широки и многообразны ни были восприятия Пушкина за пределами его родины, на западе и востоке, наиболее глубокие и плодотворные отзвуки его творчество нашло и продолжает находить среди зарубежных славянских народов.

Знакомство зарубежных славян с Пушкиным восходит еще к жизни поэта, к тому времени, когда угнетенные прусской, австро-венгерской, турецкой монархиями и царизмом славянские народы вступают на путь борьбы за свое национальное освобождение, когда прогрессивные демократические круги славянских стран и широкие народные массы обращают взоры к великому русскому народу, их естественному защитнику и будущему освободителю. В этот период вполне закономерен интерес зарубежного славянства к Пушкину и пушкинской поэзии.¹

---

¹ О Пушкине у славян см.: А. Степович. Пушкин у славян. Сборник статей об А. С. Пушкине по поводу столетнего юбилея, ч. 2, Киев, 1899, стр. 187—198; П. А. Лавров. Пушкин и славяне. «Записки имп. Новороссийского университета», т. 81, 1900, стр. 93—122; А. С. Пушкин в южно-славянских литературах. Сборник библиографических и литературно-критических статей, изд. под ред. И. В. Ягича, СПб., 1901; А. Сиротинин. Пушкин и славяне. «Россия и славяне», СПб., 1913, стр. 1—24; С. Артемьев. Пушкин у славян. «Новый мир», 1949, № 6, стр. 216—226; К. Н. Державин. Пушкин у славян. «Звезда», 1949, № 6, стр. 171—175; К. Н. Державин. Пушкин и зарубежные славяне. «Славяне», 1949, № 6, стр. 21—26; то же на болгарском языке: Пушкин и славянските народи. «Отечествен фронт», София, 1949, № 1465, и «Българо-съветска дружба», София, 1949, кн. 6, стр. 37—38; то же на польском языке: Puszkín w słowiańszczyźnie. «Życie słowiańskie». Warszawa, 1949, № 718, s. 444—454, и «Przyjaźń», Warszawa, 1949, № 30.

Величайший в поэзии представитель русской национальности, певец вольности и свободы, создатель и глава новой поэтической школы, — таким воспринимали Пушкина его славянские почитатели. Свободолюбивое содержание пушкинской поэзии и народность ее создали славу Пушкину на берегах Вислы и Дуная, среди народов, поднимавшихся на борьбу за свою национальную независимость и самобытную, национальную культуру. Великий русский поэт, мечтавший вместе со своим польским собратом Мицкевичем о временах, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», стал для западных и южных славян глашатаем их свободы и выразителем их дум и чаяний, воплощенных в «прекрасном», как сказал Юлиуш Словацкий, и «полном бриллиантов» пушкинском языке.

Немалую роль в привлечении внимания славянских читателей к Пушкину играло и широкое включение великим русским поэтом в круг своих поэтических интересов славянских тем и образов. Зарубежные славяне называли Пушкина «великим славянским поэтом» не только по признаку его языка, но и потому, что он первый из представителей русской литературы сделал славянство органическим и неотъемлемым элементом своей поэзии, постоянно обращавшейся к фольклору, истории и национальной традиции славянских народов. Образ пленной полячки Марии в «Бахчисарайском фонтане», история болгарского хайдука Кирджали, «Песни западных славян», блистательные переводы из Мицкевича — вот несколько ярких свидетельств о славянских интересах великого русского поэта, кристаллизовавшихся не в одном шедевре его поэтического и прозаического мастерства. Неслучайно поэтому «Бахчисарайский фонтан» так рано появился в польских переводах, а стихотворения «Дочери Карагеоргия» и «Песня о Георгии Черном» были едва ли не первыми образцами пушкинской поэзии, с которыми познакомились сербские читатели.

Слава Пушкина разнеслась по славянским землям еще при жизни поэта. Нет ничего неожиданного в том, что едва ли не первое упоминание имени русского поэта и первая характеристика его творческого облика в устах его славянских почитателей встречается в письме члена тайного общества виленских филоматов Винцентия Пельчинского, которое он написал из Петербурга в Вильно своему другу филомату Ежовскому 17 ноября 1820 года. «Здесь показался было, — писал Пельчинский, — немалый поэтический талант в лице одного девятнадцатилетнего юноши, несколько стихотворений и небольшая поэма которого счастливо ему удалось и написаны мощно.

Муза его, однако, плохо знала законы, за что он и был выслан на границу Персии (*так!*), чтобы там она немного присмирела». ¹ Так в первом же славянском суждении о великом русском поэте подчеркивались оппозиционный характер его лирики и постигшая его высылка.

Польской литературе принадлежит и первый поэтический отклик на творчество Пушкина, примечательный своей высокой оценкой его гения. К первой половине 1822 года относится стихотворение Густава Олизара «К Пушкину» («Do Puszkina»), в котором этот будущий узник Петропавловской крепости писал русскому поэту:

Лишь искра гения твоего
Сравниться может с блеском солнца.²

Польский язык был также первым из славянских языков, на котором появились переводы Пушкина. В 1824 году Модест Станкевич и Адам Словиковский опубликовали в «Виленском ежедневнике» (*Dziennik Wileński*) свои переводы песни черкешенки из «Кавказского пленника», «Нереиды» и «Татарской песни». В Вильне же в 1826 году вышли в свет переводы «Братьев разбойников» Н. Я. Завадского и «Бахчисарайского фонтана» А. Рогальского. Последний был снабжен обстоятельным предисловием переводчика, в котором поэма Пушкина была названа «великолепной», и особым стихотворным обращением к автору «Бахчисарайского фонтана» — «истинному поэту великого народа» («*tkiwy poeta wielkiego naroda*»). ³ Следует отметить, что Рогальский настойчиво подчеркивает «романтичность» пушкинской поэмы, видя в ней союзника и опору молодой прогрессивной польской литературы, возглавлявшейся Мицкевичем, в ее борьбе с консервативным шляхетско-придворным классицизмом. За два года до этого видный галицийский «славофил» и один из деятелей антиавстрийского движения Станислав Яшовский высказал в своей статье о «Бахчисарайском фонтане» в «Газете львовской» («*Gazeta Lwowska*», 1824, № 49) примерно те же мысли. И для него Пушкин был «молодым и гениальным российским поэтом». Яшовскому принадлежит и включенный в 1837 году

¹ Archiwum Filomatów, Cz. I, t. III, Kraków, 1913, s. 21.

² «Литературный архив», т. I, М.—Л., 1938, стр. 143—148.

³ A. S. Puszkin. Fontanna u Bakczyseraju, Przekł z ros., Wilno, 1826. Из обширной литературы о Пушкине в Польше см.: М. В. Дедов. А. С. Пушкин в польской литературе. Варшава, 1899; M. Jakobiec. Puszkin w Polsce — в книге: Puszkin, t. II, Kraków, 1939.

в цикл его сонетов, посвященных крупнейшим деятелям славянских литератур, сонет о Пушкине. Еще не зная о смерти поэта, его польский почитатель предвосхищает основную идею пушкинского «Памятника», говоря о всенародной славе поэзии Пушкина, творения которого будут читать и в «петроградских салонах», и у «пределов Китая», и в башкирских степях, и в хижинах камчадалов.

При жизни поэта на польском языке появился, кроме указанных, целый ряд переложений его поэм («Братья разбойники» Наполеона Жабье, Варшава, 1828; «Кавказский пленник», аноним, Варшава, 1828; «Полтава» Людвиг Яцевича, Вильно, 1834), отдельных стихотворений, «Пиковой дамы» (1835) и «Кирджали» (1836). Среди ранних польских переводчиков Пушкина мы встречаем имена А. Э. Одынца, А. Ходзько и, наконец, Мицкевича, вдохновенно передавшего в 1828 году на родном ему языке пушкинское «Воспоминание» («Przyroptnienie»). К 1827 году, году знакомства и начала дружбы Мицкевича с Пушкиным, относится и известное письмо великого польского поэта к А. Э. Одынцу, содержащее краткую, но меткую характеристику создателя «Бориса Годунова».

Имена Мицкевича, Одынца, Ходзько, виленских филоматов и львовских «славофилов» сами по себе характеризуют ту общественно-политическую атмосферу, в которой поэзия Пушкина воспринималась его польскими почитателями. Для всех них Пушкин прежде всего поэт русского народа, поэт свободы и вольности. Мицкевич наиболее точно выразил оценку своего могучего собрата польской прогрессивной общественностью в «Памятнике Петру Великому»:

Шел дождь. Укрывшись под одним плащом,
Стояли двое в сумраке ночном.
Один, гонимый царским произволом,
Сын Запада, безвестный был пришлец.
Другой был русский, вольности певец,
Будивший Север пламенным глаголом.
Хоть встретились немного дней назад,
Но речь вели они как с братом брат.
Их души вознеслись над всем земным.
Так две скалы разделены стремниной,
Встречаются под небом голубым,
Клонясь к вершине дружеской вершиной,
И ропот волн сверху не слышен им.

Перевод В. Левика¹

¹ Цитируется по рукописи подготовленного Гослитиздатом к изданию III тома «Собрания сочинений» А. Мицкевича.

Имя Пушкина тесно связано с историей чешского и словацкого возрождения. С его поэзией были знакомы основоположники новой чешской науки и литературы Ганка, Павел Шафарик, пославший Пушкину в подарок один из своих трудов («История славянских литератур»), и Иосиф Юнгман, в своей статье «О классицизме в литературе вообще и в частности в чешской» («О klasičnisti w literatuře vůbec a zvláště česke», 1827) поместивший имя молодого Пушкина рядом с именами Ломоносова, Державина и Карамзина.¹

Крупнейшие представители возрождающейся национальной чешской и словацкой литературы обращаются к Пушкину, как к своему вдохновителю и наставнику.

Первым из появившихся в Чехии переводов из Пушкина были прозаические «Cikani» («Цыганы») Яна Славомира Томичека, напечатанные в журнале «Чехослав» («Čechoslav») в 1830 году. Истинным основателем чешской школы переводчиков Пушкина был знаменитый Франтишек-Ладислав Челяковский, поместивший в 1833 году в журнале «Временник чешского музея» превосходные переводы ряда стихотворений Пушкина, в том числе «Утопленника», «Двух воронов», «Зимнего вечера» и других. В 1835 году Ян Славомир Томичек опубликовал отрывки своего перевода «Бориса Годунова» — первого в славянских литературах опыта передачи пушкинской трагедии.

В это же время, в 1834 году, вождь польской революционной демократии Иоахим Лелевель произнес в Брюсселе, в годовщину восстания декабристов, горячую речь, в которой, говоря о борьбе вольности с деспотизмом, привел как пример Пушкина и его свободолюбивую поэзию.

В сербской литературе первые упоминания о Пушкине относятся к 1825 году.

«Сербские летописи» («Српске летописи»), издававшиеся Ю. Магарашевичем в этом и в последующих годах, помещают на своих страницах ряд заметок и восторженных статей о пушкинских произведениях. В 30-е годы некоторые стихотворения Пушкина («Дочери Карагеоргия», «Гречанке»,

¹ О Пушкине в Чехии и Словакии см.: Josef Jirasek. Rusko a my. Praha, 1929; J. Skultěty. Puškin u Slovakov. «Slovenské Pohľady», 1899, č. 10; В. А. Францев. А. С. Пушкин в чешской литературе. «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук», 1900, т. 66, № 4, стр. 1—22; Л. Кишкин. Пушкин в Чехословакии. «Новый мир», 1949, № 6; Рудо Бртань. Пушкин в Словакии. «Славяне», 1949, № 3, стр. 47—49.

«Муза» и другие) печатаются в различных сербских повременных изданиях в русском оригинале.¹

Кончина Пушкина была широко отмечена славянской печатью. Ее отклики на общую для всех славянских народов невознаградимую потерю ярко свидетельствуют не только о широкой известности Пушкина у славянских читателей, но и о том высоком месте, которое занял он в самосознании передовой славянской общественности.

Пражский «Временник чешского музея» откликнулся на известие о смерти Пушкина переводом известной статьи Полевого и рядом пушкинских стихотворений в переложении Ф. Челяковского. Чувства словацких возрожденцев, вызванные вестью о кончине Пушкина, прекрасно выразил в своем стихотворении «Скорбь о Пушкине» один из основоположников славянской взаимности Людевит Штур:

Мало на Ваг долетело к нам с севера Пушкина песен,
Но заронились те песни глубоко в славянские души.
Умер поэт, но жив его дух, и жить будет вечно
Сладостный звук его люти на вольных просторах славянства.
С горных вершин будет парить, как орел, он над нами,
И далеко его песни пройдут по славянским долинам.²

«Сербский народный лист» («Српски народни лист») посвятил памяти русского поэта большую статью, в которой охарактеризовал «робеспьеровско-республиканскую» направленность его политических произведений. Хорватский журнал «Денница» известного деятеля славянской взаимности Людевита Гаю дал подробный анонимный очерк жизни и творчества Пушкина.

Великий словацкий поэт Ян Коллар в своей эпической поэме «Дочь Славы» («Slavy dcera») горестно воскликнул:

О, Пушкин! говорю я полн печали:
С тобою Слава блеск, язык же русский
Творца эпохи новой потеряли!³

Отметим, что в заключительной песне этой поэмы, посвященной описанию ада, в котором пребывают все враги славянских народов, нашлось место и для убийцы Пушкина — Дантеса.

Крупнейшим событием среди славянских откликов на кончину великого русского поэта явилась статья Мицкевича за

¹ П. А. Заболотский. Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. Варшава, 1908; указанный выше сборник «А. С. Пушкин в южно-славянских литературах», СПб., 1901.

² А. Сиротинин. Россия и славяне. СПб., 1913, стр. 9.

³ Там же, стр. 226

подписью «Друг Пушкина», опубликованная 25 мая 1837 года в парижском журнале «Le Globe». Озаглавленная «Александр Пушкин», статья эта представляет исключительно важную для понимания истинного смысла отношений между двумя крупнейшими поэтами своей эпохи. Она первая в славянских литературах дала развернутую и пронизательную характеристику Пушкина как величайшего народного и гражданского поэта России, точно, ясно и с глубоким сочувствием определив историческую роль великого поэта.

Отмечая, что Пушкин «сразу же был признан самым первым поэтом своего отечества», Мицкевич указывает на то, что «такое явление... предвещало на севере великую литературную революцию». Революция эта, по мысли Мицкевича, была литературным отражением декабризма. «Пушкин, как все его друзья, — пишет польский поэт, — был в оппозиции и в последние годы царствования Александра выпустил в свет несколько эпиграмм против его личности и против его правления. Он написал также оду „Кинжал“. Эти летучие стихи обошли в рукописях Россию...; их всюду читали, разбирали, толковали, восхваляли... , чтобы осмелиться написать что-либо подобное в России, требуется больше мужества, чем чтобы поднять мятеж на улицах Парижа или Лондона. С тех пор Пушкина стали рассматривать, как главу интеллектуальной оппозиции, как человека политически опасного для правительства». Характеризуя далее путь русского поэта, Мицкевич весьма глубоко вскрывает формирование «новой манеры» в его творчестве и пронизательно определяет последний период жизни поэта, как период отнюдь не отхода от революционных идеалов юности, а накопления еще более глубоких поэтических и общественно-философских концепций. «... В разговорах его, которые становились все более серьезными, — отмечает Мицкевич, — можно было заметить зародыши будущих его произведений. Он любил спорить о высоких духовных и общественных вопросах, о существовании которых его соотечественники даже не подозревали. Очевидно, в нем происходило какое-то внутреннее преобразование». В связи с этим Мицкевич подчеркивает и взгляды Пушкина на задачи литературы: «Он презирал авторов, не имеющих цели и стремлений. Он не любил философского скептицизма и художественной бесстрастности Гете... Может быть его воображение работало над тем, чтобы воплотить в себе мысли в духе Сен-Симона или Фурье?.. Как бы то ни было, я убежден, что его поэтическое молчание было счастливым предзнаменованием для русской литературы... Пуля, поразившая Пушкина, нанесла интеллектуальной Рос-

сии страшнейший удар. Есть у нее и теперь знаменитые писатели... но никто из них не заменит Пушкина».¹

Принадлежащая Мицкевичу оценка Пушкина, как величайшего представителя в литературе русской прогрессивной общественности, стала типичной для восприятия русского поэта передовыми кругами славянских народов. Сам Мицкевич вернулся к этой оценке и в своих лекциях о славянских литературах, которые он читал в Коллеж де Франс в Париже в 1842—1844 годах и в которых рассматривал Пушкина как жертву российского абсолютизма. На путях к революционным событиям 1848 года среди славянской общественности утверждается образ Пушкина как образ поэта-революционера. Именно в это время Пушкин для его славянских почитателей становится живым спутником национально-освободительного движения и высоким образцом поэта, глубоко связанного с народной жизнью и народными чаяниями. Именно с этого времени можно отметить и благотворное воздействие пушкинского поэтического наследия на литературную жизнь ряда славянских стран.

2

Накануне 1848 года то высокое место, которое занял Пушкин в культуре славянских народов, было засвидетельствовано, между прочим, выдающимся итальянским революционером Джузеппе Мадзини в статье «О славянском национальном движении» (1847), вошедшей позднее в состав его известных «Славянских писем» (1857). «Особенно у поэтов, — писал Мадзини, — и в частности у поэтов таких устремлений, как Мицкевич, Коллер, Пушкин, можно найти предвестия того движения, которое в скором времени станет мощным фактором переустройства Европы».²

Для целого поколения деятелей славянской литературы середины и второй половины XIX века Пушкин, действительно, становится идейным вдохновителем и высоким поэтическим образцом. Его литературное наследие получает в этот период широчайшее распространение в славянских странах. Переводчиками его становятся крупнейшие представители национальных славянских литератур. В Болгарии, в Сербии, в Словакии, в Черногории творения Пушкина, в частности, играют немалую

¹ «Интернациональная литература», 1937, № 2, стр. 154, 156, 157.

² G. Mazzini. Lettere slave con prefazione di Fabrizi Canfora. Bari, 1939, стр. 24—25.

роль, как пример для создания национального литературного языка.

В своем «Обзоре русской литературы», изданном в Варшаве в 1841 году, Петр Дубровский ярко характеризует значение поэзии Пушкина в формировании литературных и политических интересов современного молодого поколения: «Приятно вспомнить те счастливые годы ранней молодости, когда в дни школьной жизни, в какой-то святой потаенности мы переписывали и учили наизусть стихотворения Пушкина, хотя суровые педагоги строго возбраняли нам это... Пронеслась ужасная весть о внезапной кончине Пушкина. Умолк тот голос, к которому прислушивался весь народ и который столь красноречиво выражал его горе и радости. Пушкин дал русской литературе толчок к народности... Он глубоко понимал великую мысль о литературной взаимности между нашими народами».¹

Мысли Дубровского дополняет в 1842 году в предисловии к своему, изданному в Варшаве, переводу «Цыган» Леон Янишевский, бывший участник восстания 1830—1831 годов, высланный царским правительством на Кавказ. «Миновал четвертый год, — пишет Янишевский, — с тех пор, как великий Пушкин сошел в могилу. Печальный конец поэта в момент наивысшего расцвета его духовных сил, окруженного всеобщими надеждами, любовью и славой, был мучительным испытанием, выпавшим на долю целого народа. Невознаградимой была эта потеря и для нас». Так, устами передовой, молодой Польши давалось на почве пушкинской поэзии разрешение пресловутому вопросу о польско-русских отношениях, служившему и впоследствии поводом для злостного разжигания национальной вражды между двумя братскими народами.

В 1841 году к поэзии Пушкина обратился молодой польский поэт-революционер Петр Дальман, опубликовавший во Вроцлаве трагедию «Марина Мнишек» с приложением ряда своих стихотворений, в том числе и обращения «К Пушкину» («Do Puszkina»)². Основной мыслью этого примечательного стихотворения является мысль о великом значении Пушкина как «будителя» миллионов людей, о его поэзии, вдохновляющей на борьбу «народы от Немана до Камчатки», о его «огненном слове», несущем людям вольность и свободу.

Период 40—60-х годов прошлого века необычайно богат переводами Пушкина на славянские языки. На польский его

¹ Piotr Dubrowski. Przegląd literatury rosyjskiej. Warszawa, 1841.

² Maryna Mniszówna, tragiedyja. Poezje pomniejsze Piotra Dahlmanna, we Wroclawiu, 1841.

переводят Ксаверий Войнилович («Кавказский пленник» и «Братья разбойники», 1843), Марцин Шимановский («Скупой рыцарь» и «Медный всадник», 1843), Адам Сикорский («Евгений Онегин», 1847), Владислав Сырокомля (ряд стихотворений, 1847). В то же время появляются и первые хорватские переводы из Пушкина, начиная с анонимного «Стрпí Djordje» («Песня о Георгии Черном», 1840) и кончая переводами Станко Враз («Пиковая дама», 1842), Огнеславе Утешеновича («Сказка о рыбаке и рыбке», 1847), М. Пуича («Клеветникам России», 1851), Поповича («Капитанская дочка», 1849). Начало этому движению положил видный деятель иллирийского возрождения Людевит Гай, привезший из своей поездки в Россию много русских книг, которые служили ему и его литературным друзьям «средством согреться от жестокого холода, духовного омертвения и удручающей ненависти». Станко Враз, в свою очередь, обращался к молодым хорватским писателям с призывом: «Не можем не посоветовать господам, пишущим у нас рассказы и повести, читать Пушкина и Гоголя и стремиться стать для нас, иллирийцев, в нашем духе тем, что представляют собою названные два писателя для наших братьев русских».¹ Творческое общение с Пушкиным входит с этого времени в традицию передовой хорватской и сербской литературы, оказывая на нее свое живительное и благотворное воздействие. Черногорский поэт Петр Негош посвящает памяти Пушкина свой поэтический сборник «Сербское зеркало» («Огледало србско», 1845), предваряя его стихотворением «Тени Александра Пушкина» — «счастливого певца великого народа». Под влиянием «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева» Богович и Кукулевич в своих «рпветях» воскрешают в Хорватии образ героического вождя народного восстания Матвея Губца.

Культ Пушкина утверждается и в Словакии, где появляется, начиная с 1845 года, ряд переводов одного из виднейших словацких поэтов Карла Кузмани. Следует особо отметить интерес к Пушкину у крупнейшего представителя революционно-демократической словацкой поэзии, вождя крестьянских масс в дни событий 1848 года, узника будапештской тюрьмы Янко Краля, который в 1846 году переводит на словацкий язык «Песнь о вещем Олеге». В 1848 году словацкий поэт Андрей Сладкович в стихотворении «Духу Пушкина» выражает глубокую скорбь всего словацкого и чешского народа

¹ И. Бадалич. Русские писатели в литературе хорватского возрождения. «Slavia», 1948, № 3—4, стр. 330.

по поводу смерти поэта, сочетая ее со скорбью о политическом угнетении славянства:

Угас — и сколько слез повсюду пролилось,
Печальное настало время...
Судьба! зачем, скажи, ты нас разбила врозь,
Наслав на чехов вражье племя?..¹

В 1851 году начинает печатать свои великолепные переводы «Цыган», «Бахчисарайского фонтана», «Кавказского пленника», «Бориса Годунова» замечательный чешский поэт Ченек Бендл, открывающий новую эпоху в истории переводов Пушкина на славянские языки.

Особое место занял Пушкин в истории болгарской литературы 40-х и последующих годов. Один из основоположников болгарского марксистского литературоведения Г. Бакалов следующим образом определил значение Пушкина для болгарской общности: «Едва ли за пределами отечества Пушкина имеется иная страна, кроме Болгарии, где в большей степени считали бы его близким, своим поэтом. В Болгарии знали и знают Пушкина не как одного из лучших мировых поэтов, а как самого лучшего. До знакомства с Пушкиным не существовало болгарской поэзии».²

Знакомство это сказывается на поэтической деятельности почти всех первых болгарских поэтов, начиная с Добри Чиптулова и Петко Славейкова. Впервые имя Пушкина было упомянуто в болгарской критике в 1848 году, когда «Царьградский вестник» отметил «сатирика Пушкина» в ряду иных русских писателей.³

Петко Славейков знакомится в 1849 году с некоторыми стихотворениями Пушкина по известной в свое время хрестоматии Галахова, переписывает их в свою тетрадь и отмечает в ней:

Он не был братом мне,
Его узнал я лишь по музе,
Но стал мне он милее брата.⁴

¹ А. Сиротинин. Россия и славяне. 1913, стр. 11.

² Г. Бакалов. Пушкин и българската литература. «А. С. Пушкин, 100 години от смъртта му», София, 1937, 20 февраля, стр. 9. (Однодневная газета под редакцией Гьончо Белева). — Из обширной литературы о Пушкине в Болгарии см.: Людмил Стоянов. Влияние Пушкина на болгарскую литературу. «Интернациональная литература», 1937, № 2; П. Динев. Пушкин в България. «Изкуство», 1946, № 1; акад. Н. С. Державин. Пушкин в Болгарии. «Знамя», 1949, № 6.

³ Ив. Д. Шишманов. Наченки на руско влияние в българската книжнина. «Български преглед», 1899, кн. IX—X.

⁴ «Поменъ за Пушкинъ», София, 1937, стр. 4.

В 1852 году появляются первые в болгарской поэзии, навеянные Пушкиным, стихотворения Петко Славейкова «Канарче» и «Стара планина», в основе которых лежат «Не пой, красавица, при мне» и «Погасло дневное светило».

В дальнейшем поэзия Пушкина становится настоящим достоянием болгарского народа, вступающего в 60-е годы в революционно-освободительную фазу своего национального возрождения.

Ослабление австро-венгерской монархии в результате неудачных для нее войн с Пруссией, Францией и объединявшейся Италией и подъем национально-освободительного движения в подвластных Турции славянских землях, завершившийся сербско-турецкой войной, апрельским восстанием в Болгарии в 1876 году и разгромом турецкой монархии победоносным русским оружием, создали новую политическую обстановку в славянских странах. В этой обстановке имя Пушкина стало еще более близким славянским народам. Мысль о том, что Пушкин является величайшим славянским поэтом, поэтом свободы и высокой человечности, становится господствующей в славянских литературах.

В Болгарии особый интерес к Пушкину проявляется в исторические для ее народа 70-е годы. В 1874—1875 годах в Бухаресте один из виднейших идеологов национально-освободительного движения Любен Каравелов издает переводы «Капитанской дочки» и «Кирджали». Классическая болгарская драма Василя Друмева «Иванко, убийца царя Асена» (1872) обнаруживает серьезное воздействие «Бориса Годунова»; Пушкиным увлекается великий болгарский поэт-революционер Христо Ботев, который еще в свои ученические годы декламировал пушкинские произведения «от сърдце, с душа, с жестове». В лирике Ботева пушкинские традиции занимают большое место. Стихотворение «Борьба» было вдохновлено пушкинской «Вольностью». Эпиграф из Пушкина «Паситесь, добрые народы!» Ботев предпослал своей сатире «Георгьовден». Пушкинские «Памятник» и «Поэту» нашли свое отражение в его «Дележе» («Делба»).

В освобожденной от турецкого ига Болгарии 80—90-х годов влияние Пушкина и рост количества переводов его творений свидетельствуют прежде всего о настойчивом стремлении передовой болгарской культуры к тесному сближению с великой русской литературой. Фигурой, олицетворяющей в своем творчестве и во всей своей литературно-общественной деятельности идею болгарско-русской дружбы и взаимности, выступает в это время болгарский народный писатель Иван

Вазов — ближайший наследник традиций национального возрождения в болгарской литературе.

Как и большинство деятелей болгарской культуры своего времени, Вазов познакомился с Пушкиным еще на школьной скамье, в детстве заучивая наизусть его стихотворения и позднее, в юношеские годы, зачитываясь вдохновенными статьями о Пушкине Белинского.

В болгарской литературе Вазов занял почетное место как переводчик пушкинских творений. Ряд лирических стихотворений Пушкина, отрывки из «Евгения Онегина» и «Медного всадника», отдельные сцены из «Бориса Годунова» и т. д. были большим вкладом Вазова в дело приобщения широкого болгарского читателя и прежде всего учащейся молодежи к творчеству великого русского поэта. В поэтическом творчестве самого Вазова пушкинское влияние сказалось прежде всего в том реализме поэтического языка, которым отмечены лучшие произведения болгарского поэта. Пушкину следовал Вазов и в создании ряда крупных образов своей поэзии, как, например, образа историка-просветителя Паисия Хилендарского в «Эпопее забытых», столь близкого летописцу Пимену из «Бориса Годунова». Сам Вазов неоднократно отмечал всю важность и благотворность для него, как для поэта, общения с творчеством Пушкина — источником поэтической мудрости и поэтического мастерства. В своем стихотворении «Столетие Пушкина» (1899) болгарский поэт патетически выразил чувства всего болгарского народа по отношению к величайшему славянскому поэту:

И мы с Россией вместе, и мы с Россией рядом,
Друзья, сегодня чувствуем великого певца —
И в наших думах так же находит отклик радость,
И гордость наполняет болгарские сердца.

Мыслителю и гению земель и стран славянских
И мы венок сплетаем и шлем поклон земной;
Пленяет и волнует и нас — детей балканских —
Звучанье братской песни на лире золотой.

Пройдут века, а слава его души свободной,
Все с тем же добрым чувством, все с той же красотой,
Еще сильнее будет звенеть в любви народной
Чарующим напевом, высокою мечтой.

Привет тебе, Россия — великая держава,
Привет, страна, родившая чудесного певца, —
Так никогда еще ты себя не украшала,
Так никогда не бились твоих сынов сердца.

(Перевод В. Журавлева)¹

¹ Иван Вазов Родине. Избранные стихи. М., 1950, стр. 143.

Большой общественный резонанс этого стихотворения будет вполне понятен, если вспомнить о том, что режим князя Фердинанда в Болгарии ставил своей задачей всеми силами оторвать болгарский народ от его связи с братским русским народом-освободителем, вытравить у него сознание славянской солидарности перед лицом хищного западноевропейского империализма, лишить его могучей русской культурной опоры.

Вот почему в начале 90-х годов пушкинские стихотворения «Вольность», «На лире скромной», «Узник» и «Анчар» служили делу идейно-политической борьбы прогрессивной болгарской общественности с диктаторским режимом Фердинанда Кобургского и Ст. Стамбулова. Даже в самые мрачные дни германофильской политики болгарских правящих кругов поэзия Пушкина оставалась живым связующим звеном между болгарским народом и его великим освободителем. Переводчиками Пушкина в болгарской литературе в эту эпоху выступают поэты во главе с Вазовым представители прогрессивной писательской общественности, из которых особая заслуга в приобщении болгарского читателя к пушкинскому творчеству принадлежит выдающемуся сатирику-реалисту Алеко Константинову («Полтава», 1888; «Бахчисарайский фонтан», 1889; «Цыганы», 1894).¹

В Сербии, Хорватии и Словении в 60—80-х годах издается огромное количество переводов из Пушкина. Для Хорватии и Словении, продолжавших оставаться под владычеством австро-венгерской монархии, особенно характерна любовь к Пушкину, как к русскому поэту и живому символу вольности. Здесь складывается целая группа переводчиков-пушкинистов, среди которых выдающееся место занимают Иован Трнский, автор более чем 200 переводов из русских авторов, Иован Весел, Иован Весел-Колеский, М. Терновец-Ламурский, Медведь и, наконец, крупнейший словенский поэт-демократ Антон Ашкерц. Этому замечательному писателю словенского народа принадлежит и прочувствованное стихотворение «Царскосельский памятник юному Пушкину», заканчивающееся знаменательными строками:

В даль смотрят заглядевшиеся очи,
Надеждой молодого грудь полна,
И сам ты молод этим утром свежим,
И родина твоя, как утро, молода!

¹ Об А. Константинове, как переводчике Пушкина, см. в монографии: Н. С. Державин. Алеко Константинов. 1863—1897. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1935.

Сквозь тьму ветвей пробился солнца луч,
И точно гений, с высоты слетевший,
Чело твое приветливо целует,
Его ты чувствуешь ласковый привет,
Ты чувствуешь: над Русью утро встало.¹

В Сербии и Хорватии в 60—80-е годы плеяда переводчиков-пушкинистов была представлена именами крупнейших национальных писателей во главе со Змаем Иовановичем. Душан Рабович, переводя накануне столетней годовщины со дня рсждения Пушкина «Капитанскую дочку», особо отметил роль пушкинской прозы в развитии русского реализма и ее значение для сербской литературы.

Чешские и словацкие восприятия Пушкина 60—80-х годов связаны с такими выдающимися литературными деятелями, как Святополк Чех, Ярослав Врхлицкий, Элишка Красногорская, Светозар Гурбан Ваянский, позднее — Павел Гнездо-слав и др.

Влияние Пушкина на чешскую литературу в эту эпоху прекрасно иллюстрируется примером такого крупного поэта, как Густав Пфлегер-Моравский, автор романа «Пан Вышинский». В своем дневнике он отмечал: «Однажды вечером я прочел „Онегина“ Пушкина. Как молнией отразилась моя мысль. Я подумал несколько мгновений и вдруг понял. Реалистичность, именно идеальная реалистичность в изображении вещей, событий, и переживаний и мыслей, только в своего рода возвышенном воплощении — вот что я понял и что стало моей целью».²

Гурбан-Ваянский посвятил русскому поэту сонет «Перед памятником Пушкина».

Ярослав Врхлицкий, вдохновившийся известной картиной И. Репина и Айвазовского, написал поэму «Пушкин у моря». Ему же принадлежит четверостишие, ярко характеризующее отношение чешской литературы к Пушкину как воплощению поэтического гения русского народа:

Над смолкшей степью майский прокатился гром.
Какая жизнь, какая сила в звуке том!
То песнь твоя! Ее ценить я не берусь.
Скажите: Пушкин! Вам ответит эхо: Русь!³

Исключительно важное место в ознакомлении передовой чешской общественности с поэзией Пушкина занял крупней-

¹ А. Сиротинин. С родных полей. Пгр., 1916, стр. 11—13.

² J. Machal. A. S. Puškin. «Slovensky Prehled», 1899, I.

³ А. Сиротинин. С родных полей. Пгр., 1916, стр. 10.

ший писатель-патриот Святополк Чех, перу которого принадлежит стихотворение «Пушкин и Мицкевич», проникнутое высокой идеей славянского единства и взаимности:

Когда покинул край родной
Творец свободной польской песни,
В изгнания жил его ровесник —
Великий Пушкин. В тяжкий зной

Певца Людмилы мчали кони
К Днестру по рытвинам дорог,
И ветер в яростной погоне
Его лицо ласкал и жег.

В степных краях, меж буераков,
Там, где когда-то вновь и вновь
Мешалась в битвах кровь поляков
И вольная казачья кровь,

Где бранные хранит могилы
Седая, выжженная степь,
Изгнанников соединила
Тираном скованная цепь.

В стремленьи к вольности едины,
Бесправья проклиная мрак,
Сошлись душой два исполина —
Великий русский и поляк.

Слились два сердца в общем звуке,
Лучи скрестились двух огней,
Когда друг другу жали руки
Пророки лучших, вольных дней.

(Перевод С. Маршака)¹

Сближение чешского и русского народов, деятельным поборником которого являлся Святополк Чех, было скреплено в 60—70-е годы появлением на чешской сцене опер великих русских композиторов, написанных на пушкинские сюжеты. В 1867 году Милий Балакирев в Праге дирижирует «Русланом и Людмилой» Глинки, а в 1888 году на пражской сцене ставит своего «Евгения Онегина» Чайковский. В 1871 году в Праге же идет и чешская опера Лепольда Мехуры «Мария Потоцкая», написанная на сюжет «Бахчисарайского фонтана» (либретто Иозефа Коларжа). Примерно в это же время «Барышня-крестьянка» переделывается в оперу «Лизанька» хорватским композитором Зайцем (либретто Томича). Отметим попутно, что в 1902 году хорватский драматург В. Кошцевич написал трагедию «Смерть Пушкина» («Puškinova

¹ «Знамя», 1949, № 6, стр. 46.

smrt»), в которой истолковал дуэль поэта, как результат его политического столкновения с петербургской аристократией и высшими дворцовыми сферами.

3

Исполнившееся в 1899 году столетие со дня рождения Пушкина было широко отмечено во всех славянских странах. Торжественные чествования памяти Пушкина состоялись во всех крупных славянских культурных центрах и носили, по большей части, яркое политическое содержание, определявшееся стремлением к объединению местных прогрессивных сил вокруг имени Пушкина, как символа русского народа. В пражском журнале «Osvěta» пушкинский юбилей был оценен как «одно из наиболее радостных событий в истории славянства».¹ В своей статье «Пушкин как национальный поэт» болгарский писатель Пенчо Славейков писал, что празднование столетия со дня рождения Пушкина является «... не обыкновенным литературным праздником, а праздником национального сознания стомиллионного народа, который в ряду цивилизованных народов занял особое место... Пушкин родился и жил в эпоху духовного пробуждения своей нации, в великие задачи будущего которой он проник. Он стал провозвестником сил своего народа, провозвестником всего того, к чему стремятся величайшие сыновья этого народа».²

В связи с празднованием столетия со дня рождения Пушкина значительно возросло количество новых переводов его гворений на славянские языки. В Польше появился перевод «Евгения Онегина» Лео Бельмонта, в Хорватии была опубликована «Пушкинская антология» Ивана Трнского, в Словакии издан «Евгений Онегин» Ив. Приятеля и т. д. В 1899 году и самый малочисленный из славянских народов — лужицкие сербы впервые приобщились к пушкинской поэзии переводом «Сказки о рыбаке и рыбке» Микулаша Бедриха-Радлюбина.

От лица чешской литературы юбилей Пушкина в журнале «Золотая Прага» приветствовал литературный критик Штепанник, писавший: «Произведения Пушкина были всегда любимы у нас... Не следует забывать, что его гений ока-

¹ J. Toužimski. Stoleté jubileum A. S. Puškina. «Osvěta», 1899, XXXI, s. 639—645.

² П. Славейков. Пушкин като национален поет. — В сборнике: П. Славейков. Чужди литератури, изд. 2-е, София, 1940, стр. 89.

зал влияние на многих из наших поэтов еще со времен Челяковского. Тем скорее можем мы присоединиться к радостному хоралу русского народа, раздающемуся в эти дни всюду, где только звучит прекрасный и богатый русский язык».

В журнале «Лужица» в 1899 году появляется целая серия статей о Пушкине — «одной из самых ярких звезд на литературном небе всех славянских народов». Переводчик «Сказки о рыбаке и рыбке» пишет на страницах этого журнала: «Пушкин — самый славный русский поэт. „Золотая рыбка“ показывает, как близко подошел он к народной душе. Не удивительно, что он стал любимцем всего русского народа».

К 1899 и ближайшим годам необычно возросло в славянских странах и количество историко-литературных и критических трудов, посвященных великому русскому поэту. Нельзя не упомянуть в связи с этим и о том, что буржуазный национализм в ряде славянских стран, резко расходясь в оценках значения Пушкина для славянских народов с прогрессивной общественностью, использовал его юбилей для тенденциозной пропаганды местного шовинизма и лжепатриотизма. Это относится, в частности, к некоторым представителям польского буржуазного литературоведения, в особенности же к пресловутому, ставшему «пушкинистом» Юзефу Пилсудскому — будущему главе польского фашизма, выступившему с демагогической статьей «О юбилее Пушкина», направленной к разжиганию национальной вражды между двумя народами. Последующие восприятия и оценки пушкинского литературного наследия польской общественностью показали, однако, насколько ее подлинно передовые силы оказались более прозорливы в своем возврате к концепции Мицкевича и в своем разрыве с националистическими толкованиями пушкинской поэзии.

Между двумя юбилеями 1899 и 1937 годов интерес к Пушкину в славянских странах отнюдь не обнаружил признаков ослабления. Наоборот, на славянских языках никогда не появлялось так много новых переводов из Пушкина, как между этими памятными датами. Мировая война 1914—1918 годов, с особой тяжестью обрушившаяся именно на славянские народы, еще и еще раз обратила их взоры к Пушкину, как к поэту свободы и независимости.

Юбилейные пушкинские торжества 1937 года происходили в совершенно новой обстановке политической жизни славянских народов, в атмосфере уже близившейся германо-фашистской агрессии. Неудивительно поэтому, что в ряде славянских

стран чествование величайшего русского поэта в столетнюю годовщину со дня его кончины вылилось в манифестацию идейной солидарности местной передовой общественности с той страной, которая является родиной Пушкина и представляет оплот мира и безопасности — великим Советским Союзом. Пушкинские торжества в Чехословакии, широкая пропаганда пушкинского творчества такими передовыми представителями словацкой общественности, как Янко Ясенский, Илемницкий, Бртань и другие, высказывания о Пушкине передовых представителей болгарской культуры Людмила Стоянова, Тодора Павлова, Г. Бакалова и других, многочисленные отклики прогрессивных деятелей польской культуры во главе с крупнейшим поэтом и прекрасным переводчиком-пушкинистом Юлианом Тувимом и т. д., — все это свидетельствовало о том, что Пушкин вошел как неотъемлемое достояние в идейную жизнь передовой славянской общественности.

Один из виднейших антифашистских писателей Болгарии Людмил Стоянов писал в 1937 году: «Поэтическое дело Пушкина ныне объединяет мысли всего культурного человечества и устремляет их к стране, в которой гений его нашел свою высочайшую оценку и полнейшее признание. Пушкин... вырастает ныне во всем своем величии и достойно занимает свое истинное место. Только в стране новой культуры, в свободной Советской стране Пушкин мог получить доступ к сердцам миллионов, завоевать поистине любовь калмыка и тунгуса, всего народа... Болгарская передовая интеллигенция, почти тающая Пушкина, как своего учителя, как одного из величайших представителей человечества, готовится чествовать столетие со дня его смерти с полным сознанием глубокой признательности. Она дает свободное выражение своим чувствам восторга, преклонения и благодарности перед великим поэтом, который научил ее верить и бороться за самые возвышенные идеалы человечества».¹ Болгарский проф. Янулов подчеркивал: «Современная эпоха, подобно эпохе Пушкина, так же — переходна. Европа, весь мир и сейчас разделены на два лагеря: один выступает в защиту свободы и демократии, зарю которой приветствовал Пушкин, другой стремится снова вернуть народы в рабство и остановить торжество социальной правды. Вот почему ныне единение со свободным гением великого русского поэта рождает надежду на достижение свободы, а восторг перед его творчеством у широких народных масс

¹ «А. С. Пушкин», София, 1937, 20 февраля, стр. 2. (Однодневная газета под редакцией Г. Белева).

служит свидетельством, что в нашу эпоху свобода и социальная правда победят».¹

В своей статье «Пушкин — поэт свободы» передовой польский писатель Юлиан Тувим, подробно охарактеризовав революционную идеологию Пушкина — друга и литературного соратника декабристов, отметил, что «мечты гениального поэта осуществила под знаменами Ленина—Сталина великая пролетарская революция».²

В оценке Пушкина, как поэта свободы, с Юлианом Тувимом сошелся другой крупный польский поэт, будущий воин за освобождение Польши от фашистского гнета, Люциан Шенвальд, писавший о великом русском поэте, как «поэте прогресса и вольности... глубоко чувствующем свою связь с народом».³

В Чехословакии, которая в 1938 году первой из славянских стран стала жертвой фашистской агрессии, наилучшую оценку Пушкина, как союзника всех свободолюбивых народов, дал проф. Зденек Неедлы, писавший: «Во всем мире должен звучать новый, советский Пушкин. Ведь сегодня во всем капиталистическом мире положение человечества несколько не лучше, чем во времена Пушкина. Гениальные и могучие пушкинские стихи — мощный зов к народам подняться на борьбу за свои права, за права человечества. Пусть во всем мире юбилей Пушкина будет не только юбилеем поэта, а выражением стремлений к лучшей жизни, непреклонной решимости отвоевать ее в жестокой борьбе».⁴

Подобными мыслями и настроениями были отмечены многочисленные высказывания о Пушкине крупнейших представителей передовой общественности во всех славянских странах. Чувства этой общественности красноречиво выразила в своем стихотворении «Пушкину» болгарская поэтесса Мария Грубешлиева:

Пройдут века путем необратимым, —
А ты все будешь, как маяк, сиять —
Средь всех имен огромное имя:
Поэт, предтеча и пророк!

Не сам ли ты свою провидел славу?
И вот не только финн, тунгус, калмык, —
А сотни их, племен, тебе безвестных,
От яростной Невы до льдов полярных,

¹ «А. С. Пушкин», София, 1937, 20 февраля, стр. 15.

² Marian Jakóbiec. Jubileusz Puszkina w Polsce. «Pyszkjn. 1837—1937», t. II, Kraków, 1939.

³ Там же.

⁴ «Новый мир», 1949, № 6, стр. 246.

От океанских медленных валов
До снежных кряжей гордого Памира,
Шестую часть планеты оглашая,
С любовью повторяет имя:

Пушкин!

(Перевод Н. Манухиной)¹

4

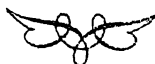
Великая Отечественная война 1941—1945 годов принесла на победоносных знаменах Советской Армии свободу и независимость всем славянским народам, томившимся под германофашистским игом. В освобожденных славянских странах, приступивших при братской поддержке и бескорыстной помощи СССР к своему хозяйственному и культурному возрождению на путях строительства социализма, имя Пушкина стало одним из первых среди имен классиков русской литературы, к которым обратились широкие массы читателей, избавленные от фашистского цензурного гнета. Обилие переводов из Пушкина, постановки опер и балетов на пушкинские темы, огромное количество статей о Пушкине, курсы, посвященные Пушкину в университетах, и т. д. — характеризуют культурную жизнь всех славянских стран народной демократии, свидетельствуя об их великой и глубокой любви к русской культуре. Мысль о том, что только в СССР творчество Пушкина стало поистине всенародным достоянием, является типичной для большинства высказываний о Пушкине в современной славянской печати. Имя Пушкина неразрывно сочетается в сознании современной славянской народной демократии с великим строительством коммунизма на его родине, с понятием о новой советской культуре и новом советском человеке — законном наследнике великих культурных ценностей, созданных в прошлом русском народом.

В 1948 году, в 111-ю годовщину со дня кончины Пушкина, болгарский писатель Камен Зидаров отмечал: «Сто одиннадцатая годовщина смерти Пушкина совпадает с великой борьбой за мир прогрессивного и демократического человечества против поджигателей новой войны. Когда впереди демократических сил всего мира шествуют сплоченные и миролюбивые славянские народы во главе с непобедимым Советским Союзом, с какой суровостью и силой звучат слова поэта против тех новых „клеветников России“, которые стремятся забыть, что дали советские народы для избавления мира от ига

¹ «Песни и думы». Сборник болгарской поэзии, М., 1941, стр. 37—38.

гитлеровского фашизма, и прилагают преступные усилия, чтобы организовать новый поход против СССР».¹

Празднование 150-летия со дня рождения великого русского поэта явится демонстрацией глубокой братской дружбы славянских народов, выражением их чувств признательности к своему освободителю — великому Союзу Советских Социалистических Республик и выражением любви к творчеству того гениального поэта, в котором уже при его жизни передовое славянство чтит и любило воплощение творческого гения русского народа.

---

¹ Камен Зидаров. А. С. Пушкин и дните кои то преживяваме. «Славяны», София, 1948, № 1, стр. 33.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
<i>Н. Ф. Бельчиков.</i> Пушкин и наша современность	5
<i>Б. П. Городецкий.</i> Изучение биографии Пушкина в советское время	26
<i>Б. С. Мейлах.</i> Проблемы советского пушкиноведения	49
<i>Б. И. Бурсов.</i> Белинский о реализме Пушкина	87
<i>Б. П. Городецкий.</i> Проблемы драматургии Пушкина	126
<i>К. В. Айвазян.</i> О «Путешествии в Арзрум» Пушкина (Пушкин и Армения)	158
<i>К. Корсакас.</i> Влияние Пушкина на литовскую литературу	192
<i>А. Я. Хаберман.</i> О переводах произведений Пушкина на эстонский язык	207
<i>М. Х. Гайнуллин.</i> Пушкин и татарская литература	216
<i>К. Н. Державин.</i> Пушкин в славянских литературах	228

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *В. А. Браиловский*
Технический редактор *Р. А. Афонс*
Корректоры: *Ф. А. Блинова*
и *Н. И. Тарноградская*

*

РИСО АН СССР № 4877. Подписано
к печати 14/III 1952 г. М-01750. Бумага
60 × 92/16. Бум. листов 71/8. Печ. л. 15.75.
Уч.-изд. л. 15.4. Тираж 3000. Заказ № 225.
Номинал по прейскуранту 1952 г. в пере-
плете 10 р. 75 к.

1-я тип. Издательства Акад. Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.